

### ВЕРХОВНОМУ СУДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 95 ЛЕТ

23 января 2018 года состоялось торжественное собрание, посвященное 95-летию Верховного Суда Российской Федерации, на котором присутствовали Президент Российской Федерации, Председатель Правительства Российской Федерации, председатели палат

Федерального Собрания Российской Федерации, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, руководители Генеральной прокуратуры, министерств и ведомств, судьи Верховного Суда Российской Федерации, а также другие участники.

#### Выступление Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина

Уважаемый Вячеслав Михайлович! Уважаемые коллеги, друзья!

Прежде всего, разумеется, хочу поздравить вас с 95-летием Верховного Суда России, пожелать профессиональных успехов судьям, сотрудникам аппаратов Суда. И конечно, искренне хочу поблагодарить заслуженных ветеранов, людей, которые отдали многие годы работе в судебной системе страны, внесли свой вклад в укрепление правопорядка и законности.

Трудно переоценить роль Верховного Суда в формировании в нашей стране единообразной судебной практики, его активное участие в систематизации законодательства и продвижении ключевых, судьбоносных судебных реформ.

В начале 1990-х годов Верховный Суд, по сути, стал движущей силой тех преобразований, которые кардинально изменили российскую судебную систему, заложили в ее основу такие базовые принципы, как независимость, доступность, открытость правосудия, несменяемость и неприкосновенность судей, состязательность судебного процесса. Разумеется, проблем еще достаточно, но базовые принципы были заложены, и они совершенствуются, укрепляются.

Сегодня судами во главе с Верховным Судом ежегодно рассматриваются миллионы дел, и за каждым из них — человеческие судьбы.

Обобщая судебную практику, Верховный Суд обеспечивает единообразное понимание и при-

менение правовых норм, фактически осуществляет официальное толкование нормативных актов. Благодаря этому реализуются конституционные принципы верховенства закона и равенства перед законом и судом.

Большое значение имеет правотворческая деятельность Верховного Суда. Она позволяет восполнять пробелы в законодательстве, устранять противоречия, придает многим нормам большую четкость и ясность. Важно, чтобы эта работа отвечала запросам граждан, экономики страны, современным тенденциям, которые диктует время, эпоха бурных технологических изменений. Нужно всегда помнить, что право формируется самой жизнью.

В связи с этим отмечу, что объединение Верховного и Высшего Арбитражного Судов позволило устранить расхождения в правовых позициях по целому ряду важнейших вопросов, добиться единообразия судебной практики, большей правовой определенности, что весьма значимо для развития экономики и предпринимательства, тем самым обеспечить принцип равенства граждан перед законом. Все мы помним, как по одним и тем же делам принимались абсолютно разные решения в системе арбитражного суда либо в судах общей юрисдикции. Это, слава Богу, устранено.

В 2012 и 2013 годах введено апелляционное производство по гражданским и уголовным де-

лам. Данный правовой институт появился при поддержке Верховного Суда и зарекомендовал себя наилучшим образом.

С 2016 года наши граждане могут подавать судебные иски и другие документы в электронном виде. Это повысило доступность правосудия, позволило сократить сроки рассмотрения дел и избежать ненужной волокиты.

И это только часть той большой работы, которая проделана Верховным Судом для укрепления российского правосудия.

Уважаемые коллеги! Независимая, современная, эффективно работающая судебная система — неотъемлемое условие развития демократического правового и социального государства, свободного, ответственного и деятельного гражданского общества, сильной экономики и конкурентного делового климата.

Очевидно, что российские суды и особенно высший судебный орган должны иметь все возможности для надежного, эффективного обеспечения права граждан на судебную защиту. Это одна из ключевых норм нашей Конституции, и она будет, безусловно, строго соблюдаться.

Важно, что Верховный Суд стремится модернизировать судебную систему, повысить качество ее работы. Так, новые возможности для обжалования судебных решений откроет создание окружных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции. Они будут образованы по экстерриториальному принципу, что позволит повысить их независимость.

Сейчас Верховным Судом при участии экспертов подготовлен целый ряд законодательных поправок, которые касаются как процессуальных, так и организационных форм судебной деятельности. Должен сказать, что внимательно их изучил. Мы с Вячеславом Михайловичем неоднократно встречались, обсуждали их. Считаю, что они должны способствовать совершенствованию законодательных основ судопроизводства.

Так, планируется разгрузить суды от бессмысленной рутины, от потока документов, на которые тратится значительная часть времени судей, но которые далеко не всегда востребованы на практике.

Много новаций. Верховный Суд предлагает новации в сфере организации деятельности председателей судов. Все это нужно самым внимательным образом еще раз изучить, проанализировать и принимать решение без всякой спешки.

Безусловно, в этой сфере деятельности, очень тонкой и очень важной для государства, действовать нужно аккуратно, и вновь принимаемые законодательные нормы, вне всяких сомнений, не должны иметь обратной силы.

Совершенно очевидно, и, думаю, коллеги, которые находятся здесь, в зале, и которые слушают нас по видеосвязи, согласятся с тем, что нужно избавить судей и председателей от несвойственных им хозяйственных и организационных полномочий. Это можно было бы передать, как предлагается Верховным Судом, администратору суда. Очевидно, что это позволило бы повысить качество рассмотрения дел, объективность и не-

зависимость судей, снизить коррупционные риски и, конечно, разгрузить руководителей судов от несвойственных им хозяйственных функций.

Кроме того, предлагается ввести новую меру дисциплинарной ответственности судей — понижение квалификационного класса, разумеется — определив критерии, четко отделяющие судебную ошибку от дисциплинарного проступка.

Дополнительными полномочиями планируется наделить помощников судей, в частности правом подготовки проекта судебного решения. Не секрет, что из-за высокой нагрузки на судей это уже давно стало практикой. При этом, конечно же, помощники должны обладать надлежащей квалификацией и опытом.

Еще один принципиальный вопрос — это внедрение информационных технологий, без которых немыслимо современное судопроизводство. Так, предлагается ввести в судах автоматизированное распределение дел между судьями, а также обязательную аудиозапись судебного заседания. На практике это, вы знаете, уже широко применяется.

Прошу Верховный Суд активно взаимодействовать с парламентариями, чтобы обозначенные законодательные инициативы были приняты в максимально короткие сроки. Но, безусловно, еще раз хочу подчеркнуть, они должны быть самым тщательным образом проработаны. Это будет содействовать большей доступности и открытости судебной системы, а значит, более эффективному обеспечению гарантий прав, свобод и интересов граждан России.

Отмечу, что Верховный Суд сегодня уделяет самое серьезное внимание кадровой политике. Более тщательным стал отбор кандидатов на должности судей, исключена возможность работы родственников в судах, находящихся в процессуальном соподчинении, совершенствуется практика декларирования доходов кандидатами на должности судей, другие меры противодействия коррупции. И это тоже очень важно, это, безусловно, нужно продолжать.

Современный судья просто обязан быть профессионалом, неукоснительно соблюдать закон, быть примером личной порядочности и независимости. И конечно, он должен обладать высокой правовой культурой, уважать участников судопроизводства. Такому судье будут доверять люди, а его работа, безукоризненное ведение процесса послужат повышению авторитета судебной власти в обществе.

Уважаемые коллеги, хочу еще раз поздравить вас с юбилеем, поблагодарить судей, сотрудников аппарата Верховного Суда, весь судейский корпус России за большую, чрезвычайно важную работу, которую вы добросовестно выполняете.

<...>

Мы с вами хорошо знаем, вообще любой человек с юридическим образованием хорошо знает, что венцом любого правового процесса являются судебные решения. Только суд имеет право принять окончательное решение и в рамках уголовного процесса, в рамках спора между гражданами, юридическими, физическими лицами.

Но что это означает? То, что я сейчас скажу, тоже всем хорошо известно. Это означает, что всегда вся профессиональная жизнь судьи связана с конфликтами. Судья всегда в конфликте, всю свою профессиональную деятельность. Это накладывает, безусловно, очень серьезный отпечаток: с одной стороны, чрезвычайная важность суда и судебных решений как окончательной ин-

станции при принятии этих решений, а с другой стороны — постоянное нахождение в конфликте.

Не забывайте, что жизнь состоит не только из одних конфликтов. Хочу пожелать вам не только профессиональных успехов, но и простого человеческого счастья, успехов и благополучия в ваших семьях. Всего вам самого доброго, всего хорошего! Поздравляю вас с праздником.

## **Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева**

Уважаемый Президент Российской Федерации, уважаемый Председатель Правительства России, уважаемые участники торжественного собрания, поздравляю вас с 95-летием образования Верховного Суда Российской Федерации. С 1 января 1923 года введено в действие Положение о судостроительстве РСФСР, которое определило систему судебных учреждений, кассационные и надзорные проверочные инстанции. В истории судебной власти России это время стремительного формирования кодифицированных правовых актов, развития гражданского и хозяйственного права, а также уголовного законодательства.

Последние десятилетия прошлого столетия характеризуются важными изменениями в жизни нашей страны: переходом России к демократическим принципам организации общественных отношений, становлению независимого правового государства, формированием современной экономической модели его развития. Многие присутствующие в этом зале активно участвовали во внедрении новых прогрессивных правовых институтов, восстановлении суда присяжных и мировой юстиции, учреждении административного судопроизводства. Для экономического правосудия это время активного развития арбитражных судов, создание которых стало важным условием обеспечения единого экономического пространства Российской Федерации.

В декабре прошлого года мы торжественно отметили 25-летие деятельности арбитражных судов, которые имеют свою историю, связанную с процессами приватизации, созданием новых корпораций, появлением новых типов хозяйствования и организационно-правовых форм ведения бизнеса.

Стремление к правовой определенности в применении судами законодательства и укрепление единства судебной системы явилось одной из причин создания в 2014 году единого Верховного Суда Российской Федерации. В результате реализованных Верховным Судом России законодательных инициатив за три прошедших года в Гражданский процессуальный кодекс, Арбитражный процессуальный кодекс и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации внесены изменения, устанавливающие для судов общей юрисдикции и арбитражных судов сходные судебные процедуры, рассмотрение целого ряда различных категорий дел, возникаю-

щих из гражданских и административно-правовых отношений.

Бережное отношение к профессионализму судебного корпуса, сохранение и преумножение лучших традиций отечественного правосудия позволило сформировать в Верховном Суде России высокий научный потенциал, направленный на повышение эффективности правосудия, обеспечения гарантий судебной защиты граждан и юридических лиц.

За непродолжительный отрезок времени Верховному Суду Российской Федерации удалось устранить имеющиеся противоречия в судебной практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Принято свыше 200 постановлений Пленума Верховного Суда, которые содержат более 2 тысяч правовых позиций по вопросам, вызывающим у судов затруднения в правоприменении. Подготовлено и направлено в суды 30 обзоров судебной практики.

В соответствии с компетенцией Верховного Суда 33 раза он использовал свое конституционное право законодательной инициативы. Приняты и введены в действие, вступили в силу инициативные Верховным Судом Российской Федерации федеральные законы, направленные на унификацию процессуального законодательства, введение упрощенной процедуры и расширение практики приказного производства в гражданском судопроизводстве.

Совершенствование правосудия по разрешению экономических споров проходило путем внедрения аналогичных процессуальных институтов, направленных на ускоренное рассмотрение требований и стимулирование досудебного и внесудебного разрешения экономических споров. 18 января текущего года Верховный Суд Российской Федерации принял постановление Пленума Верховного Суда о внесении в Государственную Думу проекта федерального закона, направленного на дальнейшее расширение примирительных процедур в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Это, уважаемый Владимир Владимирович, выполнение Вашего поручения от 21 сентября прошлого года.

Верховный Суд Российской Федерации в течение трех лет реализовал свою роль в формировании благоприятного инвестиционного климата через поддержание правового режима равноправия и справедливости в отношении к иностранным инвесторам. По результатам проводимых

Верховным Судом Российской Федерации международных юридических форумов стран Азиатско-Тихоокеанского региона тема обеспечения благоприятного инвестиционного климата неоднократно получала свое развитие в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Вследствие этого с 2014 года количество споров с участием иностранных лиц увеличилось в три раза: с 2400 до 7300. При этом число выигранных ими споров возросло с 59 до 83%.

В уголовном производстве реализованы инициативы Верховного Суда о декриминализации некоторых деяний и расширении института административной преюдиции по делам о преступлениях небольшой тяжести, а также о введении новых оснований освобождения от уголовной ответственности. Это сократило поступление в суды дел в отношении примерно 50 тысяч лиц в течение одного года со дня вступления в силу закона.

В целях либерализации уголовного закона в Государственную Думу Федерального Собрания России Верховным Судом внесен проект федерального закона, направленного на введение в Уголовный кодекс Российской Федерации понятия “уголовного проступка”, что позволит более точно дифференцировать меры уголовно-правового характера и исключить негативные для личности последствия судимости за совершение деяний, не наказуемых лишением свободы. Ежегодно такая мера уголовно-правовой ответственности может быть применена в отношении 40 тысяч подсудимых.

Кроме того, в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации Верховным Судом внесен проект федерального зако-

на, направленного на совершенствование института избрания и продления меры пресечения в виде заключения под стражу. В особенности наша инициатива направлена на защиту прав и законных интересов лиц, участвующих в предпринимательской деятельности.

Для обеспечения принципа экстерриториальности проверочных судебных инстанций и повышения гарантий независимости и беспристрастности судей Верховным Судом Российской Федерации внесен в Государственную Думу проект федерального конституционного закона о создании апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции.

По всем видам судопроизводства введены элементы электронного правосудия, включая информационные системы, содержащие сведения о судебных делах, а также тексты судебных решений. Совершенствование деятельности судебной системы осуществлялось при поддержке Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина и в конструктивном взаимодействии с органами законодательной и исполнительной власти Российской Федерации.

Уважаемые участники торжественного собрания! Имеющийся в судебной системе научный потенциал, накопленный опыт, профессионализм и ответственность судей и работников аппарата судов будет способствовать повышению и эффективной защите прав человека, основных свобод, интересов общества и государства. Желаю судьям, ветеранам, работникам аппарата судов, членам Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации доброго здоровья, счастья и благополучия. Спасибо.

## Высшему судебному органу России 95 лет

В январе 2018 г. отмечен юбилей Верховного Суда Российской Федерации. 95 лет назад, 4 января 1923 г., Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление о временном составе Верховного Суда РСФСР, который был объявлен Приказом № 1 по Верховному Суду РСФСР от 10 января 1923 г. С этого момента приступил к работе первый в российской истории высший судебный орган.

Упоминания о суде встречаются в правовых памятниках глубокой древности, в частности, в летописных сводах, относящихся еще к IX в., встречаются указания на справедливый суд новгородского князя Гостомысла. Важнейшей вехой в истории отечественного правосудия стало появление Русской Правды, первого памятника древнерусского права. Вместе с тем до второй половины XIX в. какие-либо признаки подлинно независимого суда в Российском государстве отсутствовали, и даже отдельные положительные преобразования (включая, например, судебную реформу Екатерины II и кодификационные работы М.М. Сперанского) не оказали на отечественное правосудие влияния, сопоставимого с Судебной реформой 1864 года.

Эта реформа оказалась судьбоносной для истории Российского государства и ознаменовала со-

бой появление независимого правосудия и профессионального судейского корпуса. И несмотря на то, что последующие годы во многом нивелировали достижения авторов реформы, те концептуальные идеи и подходы, которые были положены в ее основу, стали важными ориентирами для разработчиков судебной реформы в конце XX в. и для государственных деятелей современности.

Было бы неправильно говорить о том, что работа по совершенствованию правосудия не проводилась в советский период. Напротив, 11 ноября 1922 г. было принято Положение о судостроительстве РСФСР, предусматривавшее создание Верховного Суда РСФСР. Кроме того, начал свою работу Пленум Верховного Суда РСФСР, на который возлагалась функция по обеспечению единообразия судебной практики — ранее о такой задаче, стоящей перед высшей судебной инстанцией, не было и речи.

В последующие годы были приняты кодифицированные акты по всем отраслям права.

Важнейшим событием, положившим начало формированию современной, эффективной и независимой судебной системы, стало проведение 17 октября 1991 г. I Всероссийского съезда

судей, который одобрил Концепцию судебной реформы. Проведение Съезда было инициативой Верховного Суда РСФСР. Следует отметить, что ведущая роль практически во всех позитивных преобразованиях, связанных с развитием российского правосудия, принадлежит самой судебной корпорации, за долгие годы неоднократно проявлявшей способность к самоорганизации и самосовершенствованию.

Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г., провозгласила независимость судебной власти и создание Верховного Суда Российской Федерации как высшего судебного органа по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции, который осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

Значительных усилий стоило проведение второй в российской истории судебной реформы, в рамках которой были приняты, в частности, Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 “О статусе судей в Российской Федерации”, Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ “О судебной системе Российской Федерации” и ряд других законодательных актов, сформировавших правовую базу российской судебной власти.

Следующим важнейшим этапом развития российского правосудия стало объединение в 2014 году Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, инициированное Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным. Целями реформы стали повышение правовой определенности и правовой защищенности граждан и организаций, обеспечение единообразия судебной практики и исключение неясностей в вопросах подсудности споров. Сегодня можно с уверенностью констатировать, что эти цели успешно и оперативно реализованы, во многом благодаря активной работе высшей судебной инстанции: так, с момента начала работы вновь образованного Верховного Суда Российской Федерации его Пленумом приняты более 50 постановлений, направлен-

ных на обеспечение единообразного понимания и толкования всеми судами норм материального и процессуального права.

Сегодня Верховный Суд Российской Федерации продолжает планомерную работу по выполнению функций, возложенных на него Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством. Судебные коллегии Верховного Суда рассматривают дела различных категорий в качестве суда первой, апелляционной и кассационной инстанций согласно правилам подсудности; Президиум Верховного Суда Российской Федерации осуществляет надзорное судопроизводство и обеспечивает единообразие судебной практики, утверждая ежеквартальные и тематические обзоры судебной практики.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации также ведет активную работу по подготовке разъяснений действующего законодательства, относящихся ко всем отраслям российского права. Продолжается законодотворческая деятельность по совершенствованию судопроизводства и судоустройства: в частности, предложен целый ряд существенных изменений гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, направленных на повышение эффективности и качества правосудия; в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен законопроект о создании структурно обособленных апелляционных и кассационных окружных судов общей юрисдикции в целях повышения независимости судей.

Подводя итог сказанному, хотелось бы отметить, что Верховный Суд Российской Федерации занимает важное место в российской истории и оказывает серьезнейшее влияние на становление институтов правового государства. Сегодня можно с уверенностью сказать: в Российской Федерации состоялась независимая судебная власть, возглавляемая высшей судебной инстанцией, деятельность которой направлена на расширение судебной защиты прав и свобод в Российской Федерации.

*В.М. ЛЕБЕДЕВ,  
Председатель Верховного Суда  
Российской Федерации,  
доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный юрист Российской Федерации*

## ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

30 ноября 2017 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановления “О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате” и “О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде”.

Проект постановления “О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате” обсуждался на заседании Пленума, состоявшемся 14 ноября 2017 г. под председательством **В.М. Лебедева** — Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

С докладом по этому вопросу выступила судья Верховного Суда Российской Федерации **Т.П. Хомичкая**,

которая отметила, что при подготовке данного постановления Пленума по многим вопросам были приняты за основу разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г., которые и на сегодняшний день сохраняют свою актуальность. Однако с момента принятия действующего постановления прошло более десяти лет. За это время Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен нормами, дифференцирующими ответственность за мошенничество, повышены пороги размеров для некоторых видов мошенничества, введена ответственность за мелкое хищение чужого имущества,

при этом часть деяний декриминализована и переведена в разряд административных правонарушений, введены смежные с мошенничеством составы преступлений, при этом отличие от них мошенничества представляет определенную сложность.

Развитие в стране экономических отношений, промышленных и информационных технологий, появление новых видов услуг в банковском секторе, значительное расширение сферы безналичных расчетов повлекло, в свою очередь, появление и новых способов противоправного завладения чужим имуществом или правом на него. На эти явления уголовный закон не мог не отреагировать. Появившиеся за последние годы новые способы совершения мошеннических посягательств требуют как ныне, так и в будущем постоянного криминалистического анализа, последующих разработок в данном направлении.

В связи с этим у судов возникает немало вопросов, связанных с квалификацией мошенничества, присвоения и растраты. Возможные решения по ним предлагаются в представленном проекте постановления Пленума.

Проект постановления подготовлен с учетом замечаний областных и равных им судов, в группу разработчиков входили как представители Верховного Суда Российской Федерации, так и представители Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов, представители Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам человека, Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам предпринимателей, представители Центрального банка Российской Федерации, Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, а также ученые ведущих профильных образовательных учреждений. Проект был представлен членам Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, неоднократно обсуждался в судебных составах Верховного Суда.

Представляется, что довольно широкий спектр проблем будет решен с принятием данного постановления и это позволит в дальнейшем сформировать единообразную практику применения судами положений закона, регламентирующих рассмотрение уголовных дел в сфере преступлений, связанных с мошенничеством.

В прениях по докладу выступили судья Томского областного суда **А.В. Архипов**, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации **Л.Г. Коржинек**, статс-секретарь — заместитель Министра юстиции Российской Федерации **Ю.С. Любимов**, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации **П.С. Яни**.

В работе Пленума приняли участие полномочный представитель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **Н.Г. Брыкин** и полномочный представитель Президента Российской Федерации в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации **А.А. Муравьев**.

Проект постановления “О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде” обсуждался на заседании Пленума, состоявшемся 16 ноября 2017 г. под председательством **В.М. Лебедева** — Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

С докладами по этому вопросу выступили судьи Верховного Суда Российской Федерации **Г.Г. Кирейкова** и **А.Н. Марьин**.

**Г.Г. Кирейкова** отметила, что данный проект разработан в соответствии с планом работы Верховного Суда Российской Федерации и обусловлен объявлением 2017 года в Российской Федерации Годом экологии. Проект постановления Пленума подготовлен по результатам анализа законодательства в сфере охраны окружающей среды, судебной практики и вопросов, возникавших у судов при рассмотрении дел о возмещении вреда, причиненного окружающей среде. В его основу положены сохранившие актуальность разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 “О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды”, правовые позиции, сформированные в решениях Конституционного Суда Российской Федерации.

В подготовке проекта наряду с судьями судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации по экономическим спорам и по гражданским делам, а также сотрудниками Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации принимали участие представители Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского союза промышленников и предпринимателей, представители научного сообщества.

Проект постановления направлялся в суды общей юрисдикции и арбитражные суды, являлся предметом обсуждения на совещаниях судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации, на заседании Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации. В проекте учтены полученные из судов и высказанные при обсуждении замечания, а также изменения законодательства, действующего в сфере охраны окружающей среды.

В докладе **А.Н. Марьина** было подчеркнуто, что разработчикам проекта постановления Пленума наиболее важным представлялось обозначить основные принципы охраны окружающей среды, определяющие смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления. Поэтому в целом ряде его пунктов нашли свое отражение такие принципы охраны окружающей среды, как платность природопользования, возмещение вреда окружающей среде, презумпция экологической опасности хозяйственной и иной деятельности, обязательность финансирования мер по предотвращению и (или) уменьшению негативного воздействия на окружающую среду, устранению последствий этого воздействия, обязательность оценки воздействия на окружающую среду при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности.

В прениях по докладу выступили председатель Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа **О.А. Попов**, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации **Л.Г. Коржинек**, статс-секретарь — заместитель Министра юстиции Российской Федерации **Ю.С. Любимов**, руководитель Федеральной службы по надзору в сфере природопользования **А.Г. Сидоров**, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук **Г.А. Волков**.

В работе Пленума приняли участие полномочный представитель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **Н.Г. Брыкин**, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации **А.А. Муравьев**, председатель Правления Ассоциации юристов России **В.С. Груздев**.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 48**  
**ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*от 30 ноября 2017 г.*

**О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате**

В целях обеспечения единообразного применения судами норм уголовного закона об ответственности за мошенничество, присвоение и растрату, а также в связи с вопросами, возникшими у судов, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, **п о с т а н о в л я е т** дать судам следующие разъяснения:

1. Обратить внимание судов на то, что способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве, ответственность за которое наступает в соответствии со статьями 158<sup>1</sup>, 159, 159<sup>1</sup>, 159<sup>2</sup>, 159<sup>3</sup>, 159<sup>5</sup> УК РФ, являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом.

2. Обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям.

Если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа.

3. Злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например служебным положением лица либо его личными отношениями с потерпевшим.

Злоупотребление доверием также имеет место в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их

выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него (например, получение физическим лицом кредита, аванса за выполнение работ, услуг, предоплаты за поставку товара, если оно заведомо не намеревалось возвращать долг или иным образом исполнять свои обязательства).

4. В случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него.

О наличии такого умысла могут свидетельствовать, в частности, заведомое отсутствие у лица реальной возможности исполнить обязательство в соответствии с условиями договора, использование лицом при заключении договора поддельных документов, в том числе документов, удостоверяющих личность, уставных документов, гарантийных писем, справок, сокрытие лицом информации о наличии задолженностей и залогов имущества, распоряжение полученным имуществом в личных целях вопреки условиям договора и другие.

Судам следует учитывать, что указанные обстоятельства сами по себе не могут предрешать выводы суда о виновности лица в совершении мошенничества. В каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо не намеревалось исполнять свои обязательства.

5. Мошенничество, то есть хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению.

Если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ и статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества. Такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.

6. Если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения договора; с момента совершения передаточной надписи (индоссамента) на векселе; со дня вступления в силу принятого уполномоченным органом или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом, правоустанавливающего решения).

7. Хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием подделанного этим лицом официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, требует дополнительной квалификации по части 1 статьи 327 УК РФ.

Если лицо подделало официальный документ, однако по независящим от него обстоятельствам фактически не воспользовалось этим документом, содеянное следует квалифицировать по части 1 статьи 327 УК РФ. Содеянное должно быть квалифицировано в соответствии с частью 1 статьи 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что умыслом лица охватывалось использование подделанного документа для совершения преступлений, предусмотренных частями 3, 4, 6 или 7 статьи 159, частями 3 или 4 статьи 159<sup>1</sup>, частями 3 или 4 статьи 159<sup>2</sup> УК РФ либо частями 3 или 4 статьи 159<sup>5</sup> УК РФ.

В том случае, когда лицо использовало изготовленный им самим поддельный документ в целях хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, однако по независящим от него обстоятельствам не смогло изъять имущество потерпевшего либо приобрести право на чужое имущество, содеянное следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 327 УК РФ, а также частью 3 статьи 30 УК РФ и, в зависимости от обстоятельств конкретного дела, соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за мошенничество.

Хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, полностью охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по статье 327 УК РФ.

8. Неправомерное завладение денежными средствами, иным чужим имуществом или приобретение права на него путем предъявления (представления) чужих личных или иных официальных документов (например, паспорта, пенсионного удо-

стоверения, свидетельства о рождении ребенка) в зависимости от непосредственного объекта посяательства и иных обстоятельств дела квалифицируется как мошенничество соответственно по статьям 158<sup>1</sup>, 159, 159<sup>1</sup>, 159<sup>2</sup>, 159<sup>3</sup>, 159<sup>5</sup> УК РФ.

Если виновным указанные документы были предварительно похищены, то его действия должны быть дополнительно квалифицированы по части 1 статьи 325 УК РФ (когда похищен официальный документ) либо по части 2 этой статьи (когда похищен паспорт или другой важный личный документ).

9. Если в результате мошенничества гражданин лишился права на жилое помещение, то действия виновного надлежит квалифицировать по части 4 статьи 159 УК РФ независимо от того, являлось ли данное жилое помещение у потерпевшего единственным и (или) использовалось ли оно потерпевшим для собственного проживания.

По смыслу указанной нормы уголовного закона в ее взаимосвязи с примечанием к статье 139 УК РФ и статьей 16 Жилищного кодекса Российской Федерации к такому жилому помещению относятся жилой дом, часть жилого дома, квартира, часть квартиры, комната в жилом доме или квартире независимо от формы собственности, входящие в жилищный фонд. Те обстоятельства, что данное помещение не соответствует санитарным, техническим и иным нормам, непригодно для проживания, на квалификацию содеянного не влияют. В качестве жилого помещения не могут рассматриваться объекты, не являющиеся недвижимым имуществом: палатки, автоприцепы, дома на колесах, строительные бытовки, иные помещения, строения и сооружения, не входящие в жилищный фонд.

Для целей части 4 статьи 159 УК РФ правом на жилое помещение признается принадлежащее гражданину на момент совершения преступления право собственности на жилое помещение или право пользования им (в частности, право пользования членами семьи собственника, право пользования на основании завещательного отказа, право пользования на основании договора ренты и пожизненного содержания с иждивением, право пользования на основании договора социального найма).

10. Если в результате мошенничества гражданин лишился не права на жилое помещение, а возможности приобретения такого права (например, в случае хищения денег при заключении фиктивного договора аренды жилого помещения либо хищения денег под видом привлечения средств для участия в долевом строительстве многоквартирных домов), то в действиях виновного отсутствует признак лишения гражданина права на жилое помещение.

Ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости при отсутствии признаков мошенничества наступает в соответствии со статьей 200<sup>3</sup> УК РФ.

11. Судам необходимо иметь в виду, что состав мошенничества, предусмотренного частями 5—7 статьи 159 УК РФ, имеет место в случае, если:

в действиях лица имеются признаки хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием;

указанные действия сопряжены с умышленным неисполнением принятых на себя виновным лицом обязательств по договору в сфере предпринимательской деятельности, сторонами которого являются только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации;

виновное лицо является индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации.

Указанное преступление совершается с прямым умыслом, направленным на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возникшим у лица до получения такого имущества или права на него. При этом не имеет значения, каким образом виновный планировал распорядиться или распорядился похищенным имуществом (например, использовал в личных целях или для предпринимательской деятельности).

Мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, признается уголовно наказуемым, если это деяние повлекло причинение ущерба индивидуальному предпринимателю или коммерческой организации в размере десяти тысяч рублей и более. Размер причиненного ущерба надлежит исчислять исходя из стоимости похищенного имущества на момент совершения преступления. Согласно положениям пункта 2 примечаний к статье 158 УК РФ значительный ущерб, причиненный потерпевшему в результате преступления, предусмотренного частью 5 статьи 159 УК РФ, определяется без учета его имущественного положения.

12. Если умысел лица направлен на хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием под видом привлечения денежных средств или иного имущества граждан или юридических лиц для целей инвестиционной, предпринимательской или иной законной деятельности, которую фактически не осуществляло, то содеянное в зависимости от обстоятельств дела образует состав мошенничества (части 1, 2, 3 или 4 статьи 159 УК РФ) или мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (части 5, 6 или 7 статьи 159 УК РФ), и дополнительной квалификации по статье 172<sup>2</sup> либо 200<sup>3</sup> УК РФ не требует.

13. Действия заемщика, состоящие в получении наличных либо безналичных денежных средств путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений с целью безвозмездного обращения денежных средств в свою пользу или в пользу третьих лиц при заведомом отсутствии у него намерения возратить их в соответствии с требованиями договора, подлежат квалификации по статье 159<sup>1</sup> УК РФ.

Для целей статьи 159<sup>1</sup> УК РФ заемщиком признается лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит в виде денежных средств от своего имени или от имени представляемого им на законных основаниях юридического лица.

По смыслу закона кредитором в статье 159<sup>1</sup> УК РФ может являться банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного договора (статья 819 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Обман при совершении мошенничества в сфере кредитования заключается в представлении кредитору заведомо ложных или недостоверных сведений об обстоятельствах, наличие которых предусмотрено кредитором в качестве условия для предоставления кредита (например, сведения о месте работы, доходах, финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, наличии непогашенной кредиторской задолженности, об имуществе, являющемся предметом залога).

14. В случаях когда в целях хищения денежных средств лицо, например, выдавало себя за другое, представив при оформлении кредита чужой паспорт, либо действовало по подложным документам от имени несуществующего физического или юридического лица, либо использовало для получения кредита иных лиц, не осведомленных о его преступных намерениях, основание для квалификации содеянного по статье 159<sup>1</sup> УК РФ отсутствует, ответственность виновного наступает по статье 159 УК РФ.

Если индивидуальный предприниматель либо руководитель организации представил кредитору заведомо ложные сведения о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации не с целью хищения денежных средств, а с целью получения кредита либо льготных условий кредитования, намереваясь при этом исполнить договорные обязательства, то такие действия не образуют состава мошенничества в сфере кредитования. Указанные действия этих лиц, причинившие крупный ущерб кредитору, квалифицируются по части 1 статьи 176 УК РФ.

15. По статье 159<sup>2</sup> УК РФ квалифицируется такое хищение денежных средств или иного имущества в форме мошенничества, которое связано с незаконным получением социальных выплат, а именно установленных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления выплат гражданам, нуждающимся в социальной поддержке.

Для целей статьи 159<sup>2</sup> УК РФ к социальным выплатам, в частности, относятся пособие по безработице, компенсации на питание, на оздоровление, субсидии для приобретения или строительства жилого помещения, на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, средства материнского (семейного) капитала, а также предоставление лекарственных средств, технических средств реабилитации (протезов, инвалидных колясок и т.п.), специального транспорта, путевок, продуктов питания.

Не относятся к социальным выплатам по смыслу статьи 159<sup>2</sup> УК РФ гранты, стипендии, предоставляемые физическим лицам и организациям в целях поддержки науки, образования, культуры и искусства, субсидии на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей, на поддержку малого и среднего предпринимательства. Мошенничество при получении указанных выплат квалифицируется по статье 159 УК РФ.

16. Обман как способ совершения мошенничества при получении выплат, предусмотренного статьей 159<sup>2</sup> УК РФ, выражается в представлении в органы исполнительной власти, учреждения или организации, уполномоченные принимать решения о получении выплат, заведомо ложных и (или) недостоверных сведений о наличии обстоятельств, наступление которых согласно закону или иному нормативному правовому акту является условием для получения соответствующих выплат в виде денежных средств или иного имущества (в частности, о личности получателя, об инвалидности, о наличии детей, наличии иждивенцев, об участии в боевых действиях, отсутствии возможности трудоустройства), а также путем умолчания о прекращении оснований для получения указанных выплат.

Если лицо путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах получило документ (справку, удостоверение, сертификат и пр.), подтверждающий его право на получение социальных выплат, однако по независящим от него обстоятельствам фактически не воспользовалось им для получения социальных выплат, содеянное следует квалифицировать в соответствии с частью 1 статьи 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству при получении выплат, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что умысел лица был направлен на использование данного документа для совершения преступлений, предусмотренных частями 3 или 4 статьи 159<sup>2</sup> УК РФ.

Субъектом преступления, предусмотренного статьей 159<sup>2</sup> УК РФ, может быть лицо, как не имеющее соответствующего права на получение социальных выплат, так и обладающее таким правом (например, в случае введения в заблуждение относительно фактов, влияющих на размер выплат).

17. Действия лица следует квалифицировать по статье 159<sup>3</sup> УК РФ в случаях, когда хищение имущества осуществлялось с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им платежной картой.

Не образует состава мошенничества хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной платежной карты, если выдача наличных денежных средств была произведена посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации. В этом случае содеянное следует квалифицировать как кражу.

В случаях когда лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (например, персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, действия виновного квалифицируются как кража.

18. Если изготовление, приобретение, хранение, транспортировку поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных статьей 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, лицо совершило в целях их использования им же для совершения преступления, предусмотренного частью 3 или частью 4 статьи 158 УК РФ, частью 3 или частью 4 статьи 159 УК РФ, частью 3 или частью 4 статьи 159<sup>3</sup> УК РФ либо частью 3 или частью 4 статьи 159<sup>6</sup> УК РФ, которое по независящим от него обстоятельствам не смогло довести до конца, то содеянное следует квалифицировать как совокупность приготовления к указанному преступлению и оконченного преступления, предусмотренного статьей 187 УК РФ.

Сбыт поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных статьей 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, заведомо непригодных к использованию, образует состав мошенничества и подлежит квалификации по статье 158<sup>1</sup> УК РФ или соответствующей части статьи 159 УК РФ. В случае, когда лицо изготовило, приобрело, хранило, транспортировало с целью сбыта указанные средства платежа, заведомо непригодные к использованию, однако по независящим от него обстоятельствам не смогло их сбыть, содеянное должно быть квалифицировано в соответствии с частью 1 статьи 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что эти действия были направлены на совершение преступлений, предусмотренных частью 3 или частью 4 статьи 159 УК РФ.

19. При рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 159<sup>5</sup> УК РФ, судам следует иметь в виду, что мошенничество в сфере страхования совершается путем обмана относительно наступления страхового случая (например, представление заведомо ложных сведений о наличии обстоятельств, подтверждающих наступление страхового случая, инсценировка дорожно-транспортного происшествия, несчастного случая, хищения застрахованного имущества) либо относительно размера страхового возмещения, подлежа-

шего выплате (представление ложных сведений с завышенным расчетом размера ущерба по имевшему место в действительности страховому случаю).

Субъектом преступления, предусмотренного статьей 159<sup>5</sup> УК РФ, может быть признано лицо, выполнившее объективную сторону данного преступления (например, страхователь, застрахованное лицо, иной выгодоприобретатель, вступившие в сговор с выгодоприобретателем представителем страховщика, эксперт).

20. По смыслу статьи 159<sup>6</sup> УК РФ вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) — ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него.

Мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по статье 272, 273 или 274<sup>1</sup> УК РФ.

21. В тех случаях, когда хищение совершается путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным (тайно либо путем обмана воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге “мобильный банк”, авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т.п.), такие действия подлежат квалификации как кража, если виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. При этом изменение данных о состоянии банковского счета и (или) о движении денежных средств, произошедшее в результате использования виновным учетных данных потерпевшего, не может признаваться таким воздействием.

Если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть “Интернет” (например, создание поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты), то такое мошенничество следует квалифицировать по статье 159, а не 159<sup>6</sup> УК РФ.

22. От мошенничества следует отличать причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения (статья 165 УК РФ). В последнем случае отсутствуют в своей совокупно-

сти или отдельно такие обязательные признаки мошенничества, как противоправное, совершенное с корыстной целью, безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц.

При решении вопроса о том, имеется ли в действиях лица состав преступления, ответственность за которое предусмотрена статьей 165 УК РФ, суду необходимо установить, причинен ли собственнику или иному владельцу имущества реальный материальный ущерб либо ущерб в виде упущенной выгоды, то есть неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено путем обмана или злоупотребления доверием, и превышает ли сумма ущерба двести пятьдесят тысяч рублей (пункт 4 примечаний к статье 158 УК РФ).

Обман или злоупотребление доверием в целях получения незаконной выгоды имущественного характера может выражаться, например, в представлении лицом поддельных документов, освобождающих от уплаты установленных законодательством платежей (кроме указанных в статьях 194, 198, 199, 199<sup>3</sup>, 199<sup>4</sup> УК РФ) или от платы за коммунальные услуги, в несанкционированном подключении к энергосетям, создающем возможность неучтенного потребления электроэнергии или эксплуатации в личных целях вверенного этому лицу транспорта.

23. Противоправное, безвозмездное обращение имущества, вверенного лицу, в свою пользу или пользу других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному законному владельцу этого имущества, должно квалифицироваться судами как присвоение или растрата при условии, что похищенное имущество находилось в правомочном владении либо ведении этого лица, которое в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения осуществляло полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества.

Решая вопрос об отграничении составов присвоения или растраты от кражи, суды должны установить наличие у лица вышеуказанных полномочий. Совершение тайного хищения чужого имущества лицом, не обладающим такими полномочиями, но имеющим доступ к похищенному имуществу в силу выполняемой работы или иных обстоятельств, должно быть квалифицировано как кража.

24. При рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 160 УК РФ, судам следует иметь в виду, что присвоение состоит в безвозмездном, совершенном с корыстной целью, противоправном обращении лицом вверенного ему имущества в свою пользу против воли собственника.

Присвоение считается оконченным преступлением с того момента, когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным и это лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу (например, с момента, когда лицо путем подлога скрывает наличие у него вверенного имущества, или с момента неисполнения обязанности

лица поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства).

Как растрата должны квалифицироваться противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника путем потребления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам.

Растрату следует считать окончанным преступлением с момента начала противоправного издержания вверенного имущества (его потребления, израсходования или отчуждения).

В том случае, когда лицо совершает с единым умыслом хищение вверенного ему имущества, одна часть которого им присваивается, а другая часть этого имущества растрачивается, содеянное не образует совокупности преступлений.

25. Разрешая вопрос о наличии в деянии состава хищения в форме присвоения или растраты, суд должен установить обстоятельства, подтверждающие, что умыслом лица охватывался противоправный, безвозмездный характер действий, совершаемых с целью обратить вверенное ему имущество в свою пользу или пользу других лиц.

Направленность умысла в каждом подобном случае должна определяться судом исходя из конкретных обстоятельств дела, например таких, как наличие у лица реальной возможности возвратить имущество его собственнику, совершение им попыток путем подлога или другим способом скрыть свои действия.

При этом судам необходимо учитывать, что частичное возмещение ущерба потерпевшему само по себе не может свидетельствовать об отсутствии у лица умысла на присвоение или растрату вверенного ему имущества.

26. При решении вопроса о виновности лиц в совершении мошенничества, присвоения или растраты суды должны иметь в виду, что обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен.

От хищения следует отличать случаи, когда лицо, изымая и (или) обращая в свою пользу или пользу других лиц чужое имущество, действовало в целях осуществления своего действительного или предполагаемого права на это имущество (например, если лицо обратило в свою пользу вверенное ему имущество в целях обеспечения долгового обязательства, не исполненного собственником имущества). При наличии оснований, предусмотренных статьями 330 УК РФ, в указанных случаях содеянное образует состав самоуправства.

27. При рассмотрении уголовных дел о мошенничестве, присвоении или растрате, совершенных двумя и более лицами, суду с учетом положений статей 32, 33, 35 УК РФ надлежит выяснить, какие конкретно действия, непосредственно направленные на исполнение объективной стороны этих преступлений, выполнял каждый из соучастников.

Исполнителем мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской дея-

тельности (части 5, 6, 7 статьи 159 УК РФ), мошенничества в сфере кредитования (статья 159<sup>1</sup> УК РФ), присвоения или растраты (статья 160 УК РФ) может являться только лицо, обладающее признаками специального субъекта этого преступления. Исходя из положений части 4 статьи 34 УК РФ лица, не обладающие соответствующим статусом или полномочиями, но непосредственно участвовавшие в хищении имущества согласно предварительной договоренности с индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации, либо с заемщиком, либо с лицом, которому вверено имущество, должны нести уголовную ответственность по статье 33 и соответственно по части 5, 6 или 7 статьи 159, статье 159<sup>1</sup> или статье 160 УК РФ в качестве организаторов, подстрекателей или пособников.

28. Мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, мошенничество в сфере кредитования, присвоение или растрату надлежит считать совершенными группой лиц по предварительному сговору, если в преступлении участвовали два и более лица, отвечающие признакам специального субъекта этих преступлений, которые заранее договорились о совместном совершении преступления.

В отличие от группы лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления, в организованную группу по смыслу части 3 статьи 35 УК РФ могут входить также лица, не обладающие признаками специального субъекта, предусмотренными частями 5, 6 или 7 статьи 159, статьями 159<sup>1</sup> или статьями 160 УК РФ, которые заранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений.

В случае признания мошенничества, присвоения или растраты совершенными организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке или в совершении преступления, независимо от их фактической роли следует квалифицировать по соответствующей части статей 159, 159<sup>1</sup>, 159<sup>2</sup>, 159<sup>3</sup>, 159<sup>5</sup>, 159<sup>6</sup>, 160 УК РФ без ссылки на статью 33 УК РФ.

29. Под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты (часть 3 статьи 159, часть 3 статьи 159<sup>1</sup>, часть 3 статьи 159<sup>2</sup>, часть 3 статьи 159<sup>3</sup>, часть 3 статьи 159<sup>5</sup>, часть 3 статьи 159<sup>6</sup>, часть 3 статьи 160 УК РФ), следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными пунктом 1 примечаний к статье 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным пунктом 1 примечаний к статье 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации).

Признак совершения преступления с использованием своего служебного положения отсутствует в случае присвоения или растраты принадлежащего

физическому лицу (в том числе индивидуальному предпринимателю) имущества, которое было вверено им другому физическому лицу на основании гражданско-правовых договоров аренды, подряда, комиссии, перевозки, хранения и др. или трудового договора. Указанные действия охватываются частью 1 статьи 160 УК РФ, если в содеянном не содержится иных квалифицирующих признаков, предусмотренных этой статьей.

Действия организаторов, подстрекателей и пособников мошенничества, присвоения или растраты, заведомо для них совершенных лицом с использованием своего служебного положения, квалифицируются по соответствующей части статьи 33 УК РФ и по части 3 статьи 159, части 3 статьи 159<sup>1</sup>, части 3 статьи 159<sup>2</sup>, части 3 статьи 159<sup>3</sup>, части 3 статьи 159<sup>5</sup>, части 3 статьи 159<sup>6</sup> или по части 3 статьи 160 УК РФ соответственно.

30. Определяя стоимость имущества, похищенного в результате мошенничества, присвоения или растраты, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления. При отсутствии сведений о стоимости похищенного имущества она может быть установлена на основании заключения специалиста или эксперта.

При установлении размера похищенного в результате мошенничества, присвоения или растраты судам надлежит иметь в виду, что хищение имущества с одновременной заменой его менее ценным квалифицируется как хищение в размере стоимости изъятого имущества.

Если стоимость имущества, похищенного путем мошенничества (за исключением части 5 статьи 159 УК РФ), присвоения или растраты, составляет не более двух тысяч пятисот рублей, а виновный является лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение чужого имущества стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей, и в его действиях отсутствуют признаки преступлений, предусмотренных частями 2, 3 и 4 статьи 159, частями 2, 3 и 4 статьи 159<sup>1</sup>, частями 2, 3 и 4 статьи 159<sup>2</sup>, частями 2, 3 и 4 статьи 159<sup>3</sup>, частями 2, 3 и 4 статьи 159<sup>5</sup>, частями 2, 3 и 4 статьи 159<sup>6</sup>, частями 2 и 3 статьи 160 УК РФ, то содеянное подлежит квалификации по статье 158<sup>1</sup> УК РФ.

31. Мошенничество, присвоение или растрата, совершенные с причинением значительного ущерба гражданину, могут быть квалифицированы как оконченные преступления по части 2 статьи 159, части 2 статьи 159<sup>3</sup>, части 2 статьи 159<sup>5</sup>, части 2 статьи 159<sup>6</sup> или части 2 статьи 160 УК РФ соответственно только в случае реального причинения значительного имущественного ущерба, который в соответствии с пунктом 2 примечаний к статье 158 УК РФ не может составлять менее пяти тысяч рублей.

При решении вопроса о наличии в действиях лица квалифицирующего признака причинения гражданину значительного ущерба судам наряду со стоимостью похищенного имущества надлежит учитывать имущественное положение потерпевшего, в частности наличие у него источника доходов, их размер и периодичность поступления, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяй-

ство. Мнение потерпевшего о значительности или незначительности ущерба, причиненного ему в результате преступления, должно оцениваться судом в совокупности с материалами дела, подтверждающими стоимость похищенного имущества и имущественное положение потерпевшего.

32. Вопрос о наличии в действиях виновных квалифицирующего признака совершения мошенничества, присвоения или растраты в крупном или особо крупном размере должен решаться в соответствии с пунктом 4 примечаний к статье 158 УК РФ для целей частей 3 и 4 статьи 159, частей 3 и 4 статьи 159<sup>2</sup>, частей 3 и 4 статьи 160 УК РФ, в соответствии с пунктами 2 и 3 примечаний к статье 159 УК РФ для целей частей 6 и 7 статьи 159 УК РФ и в соответствии с примечанием к статье 159<sup>1</sup> УК РФ для целей частей 3 и 4 статьи 159<sup>1</sup>, частей 3 и 4 статьи 159<sup>3</sup>, частей 3 и 4 статьи 159<sup>5</sup>, частей 3 и 4 статьи 159<sup>6</sup> УК РФ.

В случае совершения нескольких хищений чужого имущества, общая стоимость которого образует крупный или особо крупный размер, содеянное квалифицируется с учетом соответствующего признака, если эти хищения совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в крупном или особо крупном размере.

Разрешая вопрос о квалификации действий лиц, совершивших мошенничество, присвоение или растрату в составе группы лиц по предварительному сговору либо организованной группы по признаку “причинение значительного ущерба гражданину” либо по признаку “в крупном размере” или “в особо крупном размере”, следует исходить из общей стоимости имущества, похищенного всеми участниками преступной группы.

33. Если действия лица при мошенничестве, присвоении или растрате хотя формально и содержали признаки указанного преступления, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности, то суд прекращает уголовное дело на основании части 2 статьи 14 УК РФ.

34. Рекомендовать судам при рассмотрении уголовных дел о мошенничестве, присвоении или растрате выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению указанных преступлений, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания или предварительного следствия, и в частном определении или постановлении обращать внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер.

35. Признать утратившим силу постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 года № 51 “О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате”.

*Председатель Верховного Суда  
Российской Федерации*

*В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,*

*судья Верховного Суда Российской Федерации*

*В.В. МОМОТОВ*

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 49**  
**ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*от 30 ноября 2017 г.*

**О некоторых вопросах применения законодательства  
о возмещении вреда, причиненного окружающей среде**

Право каждого на благоприятную окружающую среду признается и гарантируется Конституцией Российской Федерации (статья 42).

Одним из важнейших средств охраны окружающей среды и обеспечения права граждан на ее благоприятное состояние является возложение на лицо, причинившее вред, обязанности по его возмещению в полном объеме, а также обязанности приостановить, ограничить или прекратить деятельность, создающую опасность причинения вреда в будущем. Тем самым обеспечивается принятие мер по восстановлению состояния окружающей среды, подвергнутой негативному воздействию хозяйственной и (или) иной деятельности, и предупреждение нарушения природоохранных требований и причинения вреда окружающей среде в будущем.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения судами законодательства, устанавливающего обязанность по возмещению вреда, причиненного окружающей среде, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать следующие разъяснения:

1. Возмещение вреда, причиненного окружающей среде, осуществляется в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ), Земельным кодексом Российской Федерации, Лесным кодексом Российской Федерации (далее — ЛК РФ), Водным кодексом Российской Федерации (далее — ВК РФ), Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ “Об охране окружающей среды” (далее — Закон об охране окружающей среды), иными законами и нормативными правовыми актами об охране окружающей среды и о природопользовании.

При рассмотрении таких споров судам следует учитывать принципы охраны окружающей среды, на которых должна основываться хозяйственная и иная деятельность. К их числу в соответствии со статьей 3 Закона об охране окружающей среды относятся, в частности, плата за природопользование и возмещение вреда окружающей среде, презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности, обязательность оценки воздействия на окружающую среду при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности, допустимость воздействия хозяйственной и иной деятельности на природную среду исходя из требований в области охра-

ны окружающей среды, обязательность финансирования юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими хозяйственную и (или) иную деятельность, которая приводит или может привести к загрязнению окружающей среды, мер по предотвращению и (или) уменьшению негативного воздействия на окружающую среду, устранению последствий этого воздействия.

2. Согласно статье 75 Закона об охране окружающей среды за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды устанавливается имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность.

Непривлечение лица к административной, уголовной или дисциплинарной ответственности не исключает возможности возложения на него обязанности по возмещению вреда окружающей среде. Равным образом привлечение лица к административной, уголовной или дисциплинарной ответственности не является основанием для освобождения лица от обязанности устранить допущенное нарушение и возместить причиненный им вред.

3. С требованием о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, вправе обратиться уполномоченные органы государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, прокурор, граждане, общественные объединения и некоммерческие организации, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды (статьи 45, 46 ГПК РФ, статья 53 АПК РФ, статьи 5, 6, 11, 12, 66 Закона об охране окружающей среды), а также органы местного самоуправления с учетом того, что абзацем шестым статьи 3 Закона об охране окружающей среды на них возложена ответственность за обеспечение благоприятной окружающей среды и экологической безопасности на соответствующих территориях.

4. По смыслу статьи 79 Закона об охране окружающей среды вред, причиненный окружающей среде, подлежит возмещению независимо от возмещения вреда здоровью граждан или имуществу физических и юридических лиц, вызванного негативным воздействием окружающей среды в результате хозяйственной и (или) иной деятельности. Равным образом возмещение вреда окружающей среде не является основанием для освобождения лица от ответственности за причинение вреда здоровью граждан или имуществу физических и юридических лиц в результате негативного воздействия на окружающую среду в связи с осуществлением им хозяйственной и (или) иной деятельности и нарушением законодательства в области охраны окружающей среды. Например, лицо, применяющее в сельском хо-

зайстве токсичные химические вещества, не подвергающиеся распаду в окружающей среде, может быть обязано как возместить вред, причиненный окружающей среде, так и убытки, возникшие у конкретных собственников (пользователей) земельных (лесных) участков (в частности, вследствие гибели принадлежащих этим лицам урожая, животных и др.).

5. Нахождение земельного участка в собственности лица, деятельность которого привела к загрязнению или иной порче земельного участка, само по себе не может служить основанием для освобождения этого лица от обязанности привести земельный участок в первоначальное состояние и возместить вред, причиненный окружающей среде (статья 1064 ГК РФ, пункт 1 статьи 77 Закона об охране окружающей среды).

6. Основанием для привлечения лица к имущественной ответственности является причинение им вреда, выражающееся в негативном изменении состояния окружающей среды, в частности ее загрязнении, истощении, порче, уничтожении природных ресурсов, деградации и разрушении естественных экологических систем, гибели или повреждении объектов животного и растительного мира и иных неблагоприятных последствиях (статья 1, 77 Закона об охране окружающей среды).

7. По смыслу статьи 1064 ГК РФ, статьи 77 Закона об охране окружающей среды лицо, которое обращается с требованием о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, представляет доказательства, подтверждающие наличие вреда, обосновывающие с разумной степенью достоверности его размер и причинно-следственную связь между действиями (бездействием) ответчика и причиненным вредом.

В случае превышения юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями установленных нормативов допустимого воздействия на окружающую среду предполагается, что в результате их действий причиняется вред (статья 3, пункт 3 статьи 22, пункт 2 статьи 34 Закона об охране окружающей среды). Бремя доказывания обстоятельств, указывающих на возникновение негативных последствий в силу иных факторов и (или) их наступление вне зависимости от допущенного нарушения, возлагается на ответчика.

8. По общему правилу в соответствии со статьями 1064 ГК РФ и статьей 77 Закона об охране окружающей среды лицо, причинившее вред окружающей среде, обязано его возместить при наличии вины. Законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда.

Так, в силу статьи 1079 ГК РФ юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, независимо от наличия вины, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы (пункт 1 статьи 1079 ГК РФ). В связи с этим, например,

владелец нефтепровода отвечает за вред окружающей среде, причиненный вследствие осуществления третьими лицами незаконной врезки в нефтепровод.

Перечни опасных и особо опасных производств предусмотрены, например, Градостроительным кодексом Российской Федерации (часть 1 статьи 48<sup>1</sup>), Кодексом торгового мореплавания Российской Федерации (подпункт 3 пункта 2 статьи 327), Кодексом внутреннего водного транспорта Российской Федерации (пункт 1 статьи 86), Федеральным законом от 3 апреля 1996 г. № 29-ФЗ "О финансировании особо радиационно опасных и ядерно опасных производств и объектов" (статья 1), Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ "О промышленной безопасности опасных производственных объектов" (приложения 1 и 2 к Закону), Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте" (статья 5).

По смыслу пункта 2 статьи 1079 ГК РФ владелец источника повышенной опасности не отвечает за вред, причиненный этим источником, если докажет одновременное наличие двух условий: источник повышенной опасности был из его обладания в результате противоправных действий других лиц и при этом отсутствует вина владельца источника повышенной опасности в противоправном изъятии этого источника из его обладания (в частности, в силу существования (предоставления) доступа к нему третьих лиц, отсутствия надлежащей охраны и др.).

Основания для исключения ответственности владельца источника повышенной опасности могут быть предусмотрены законом, например статьями 317, 328, 336<sup>2</sup> Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации.

9. Лица, совместно причинившие вред окружающей среде, отвечают солидарно (абзац первый статьи 1080 ГК РФ). О совместном характере таких действий могут свидетельствовать их согласованность, скоординированность и направленность на реализацию общего для всех действующих лиц намерения. Так, к солидарной ответственности могут быть привлечены заказчик, поручивший выполнение работ, которые причиняют вред окружающей среде, и подрядчик, фактически их выполнивший. Заказчик может быть освобожден от ответственности, если докажет, что подрядчик при выполнении работ вышел за пределы данного ему заказчиком задания.

10. При причинении вреда окружающей среде в результате взаимодействия нескольких источников повышенной опасности их владельцы отвечают солидарно (пункт 3 статьи 1079 ГК РФ). Например, к солидарной ответственности могут быть привлечены владелец нефтепровода и владелец строительной техники, в результате эксплуатации которой произошел разлив нефтепродуктов.

11. По смыслу статьи 1064 ГК РФ, если несколько лиц действовали независимо друг от друга и действия каждого из них привели к причинению вреда окружающей среде, по общему правилу такие лица несут долевую ответственность. На размер доли каждого из причинителей вреда может влиять, в частности, опасность деятельности каждого из них, ее интенсивность и др. Так, на двух лиц, осуществляющих независимо друг от друга складирование твердых бытовых отходов на не предназначенном для этих целей земельном участке, может быть возложена ответственность в долях пропорционально объему отходов, определяемому, например, по количеству используемых транспортных средств для вывоза отходов, их вместительности, классу опасности отходов, образующихся от деятельности указанных лиц, и иных факторов. Когда долю в причинении вреда каждого из названных лиц установить невозможно, они отвечают в равных долях (статья 321 ГК РФ).

12. Вред, причиненный окружающей среде, подлежит возмещению в полном объеме (пункт 1 статьи 77 Закона об охране окружающей среды, статья 1064 ГК РФ). Суд вправе уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином окружающей среде, с учетом его имущественного положения, кроме случаев, когда вред причинен действиями, совершенными умышленно (пункт 3 статьи 1083 ГК РФ).

13. Возмещение вреда может осуществляться посредством взыскания причиненных убытков и (или) путем возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды (статья 1082 ГК РФ, статья 78 Закона об охране окружающей среды). Выбор способа возмещения причиненного вреда при обращении в суд осуществляет истец.

Вместе с тем, принимая во внимание необходимость эффективных мер, направленных на восстановление состояния окружающей среды, в котором она находилась до причинения вреда, наличие публичного интереса в благоприятном состоянии окружающей среды, суд с учетом позиции лиц, участвующих в деле, и конкретных обстоятельств дела вправе применить такой способ возмещения вреда, который наиболее соответствует целям и задачам природоохранного законодательства (пункты 1, 2 статьи 78 Закона об охране окружающей среды, часть 1 статьи 196 ГПК РФ, часть 1 статьи 168 АПК РФ).

14. Утвержденные в установленном порядке таксы и методики исчисления размера вреда (ущерба), причиненного окружающей среде, отдельным компонентам природной среды (землям, водным объектам, лесам, животному миру и др.), подлежат применению судами для определения размера возмещения вреда, причиненного юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем (пункт 3 статьи 77, пункт 1 статьи 78 Закона об охране окружающей среды, части 3, 4 статьи 100 ЛК РФ, часть 2 статьи 69 ВК РФ, статья 51 Закона Российской

Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 “О недрах”).

В отсутствие такс и методик определение размера вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования, осуществляется исходя из фактических затрат, которые произведены или должны быть произведены для восстановления нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды, а также в соответствии с проектами рекультивационных и иных восстановительных работ (абзац второй пункта 1 статьи 78 Закона об охране окружающей среды).

Равным образом указанные положения подлежат применению при расчете размера вреда, причиненного окружающей среде гражданами (пункт 1 статьи 77 Закона об охране окружающей среды).

15. При определении размера причиненного окружающей среде вреда, подлежащего возмещению в денежной форме согласно таксам и методикам, должны учитываться понесенные лицом, причинившим соответствующий вред, затраты по устранению такого вреда. Порядок и условия учета этих затрат устанавливаются уполномоченными федеральными органами исполнительной власти (пункт 2<sup>1</sup> статьи 78 Закона об охране окружающей среды).

До утверждения названного порядка судам необходимо исходить из того, что при определении размера возмещаемого вреда допускается учет затрат причинителя вреда по устранению загрязнения окружающей среды, когда лицо, неумышленно причинившее вред окружающей среде, действуя впоследствии добросовестно, до принятия в отношении него актов принудительного характера совершило за свой счет активные действия по реальному устранению причиненного вреда окружающей среде (ликвидации нарушения), осуществив при этом материальные затраты. При вынесении таких актов должны учитываться обстоятельства, определяющие форму и степень вины причинителя вреда, за исключением случаев, когда законом предусмотрено возмещение вреда при отсутствии вины, было ли совершено правонарушение с целью получения экономической выгоды, характер его последующего поведения и последствия правонарушения, а также объем затрат, направленных им на устранение нарушения.

16. Присужденные судом суммы компенсации по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, подлежат зачислению в бюджеты муниципальных районов, городских округов, городских округов с внутригородским делением, городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя по месту причинения вреда окружающей среде по нормативу 100 процентов (абзац второй пункта 6 статьи 46 Бюджетного кодекса Российской Федерации).

Привлечение соответствующих финансовых органов к участию в деле не является обязательным.

17. При решении вопроса об удовлетворении требования о возмещении вреда в натуре в соответствии с пунктом 2 статьи 78 Закона об охране окружающей среды суд определяет, является ли принятие мер, направленных на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, объективно возможным. Применительно к пункту 1 статьи 308<sup>3</sup> ГК РФ суду следует исходить из того, осуществимо ли устранение наступивших негативных изменений окружающей среды в результате проведения ответчиком восстановительных работ как его собственными силами (при наличии технической и иной возможности), так и путем привлечения третьих лиц.

В случае если восстановление состояния окружающей среды, существовавшее до причинения вреда, в результате проведения восстановительных работ возможно лишь частично (в том числе в силу наличия невосполнимых и (или) трудновосполнимых экологических потерь), возмещение вреда в соответствующей оставшейся части осуществляется в денежной форме.

18. В силу пункта 2 статьи 78 Закона об охране окружающей среды возможность возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды поставлена в зависимость от наличия проекта восстановительных работ, разработанного и утвержденного с соблюдением требований действующего законодательства. Следовательно, суд, удовлетворяя требование о возмещении вреда в натуре, должен основываться на соответствующем проекте и указывать на него в резолютивной части решения (часть 5 статьи 198 ГПК РФ, часть 5 статьи 170 АПК РФ). При отсутствии такого проекта суд выносит решение о возмещении вреда в денежной форме.

19. Суд по требованию истца может возложить на причинителя вреда (его правопреемника) обязанность по представлению уполномоченному органу государственной власти или местного самоуправления в сфере охраны окружающей среды отчетов о проводимых на основании решения суда мероприятиях по восстановлению окружающей среды, эффективности и результативности выполненных мероприятий (статья 206 ГПК РФ, статья 174 АПК РФ).

20. На основании пункта 1 статьи 308<sup>3</sup> ГК РФ в целях побуждения ответчика к своевременному принятию мер, направленных на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, судом могут быть присуждены денежные средства на случай неисполнения соответствующего судебного акта в пользу кредитора-взыскателя (судебная неустойка).

Суд в решении может также указать, что истец вправе своими силами или с помощью третьих лиц совершить восстановительные работы в соответствии с проектом восстановительных работ с взысканием с ответчика необходимых расходов в случае, если ответчик не исполнит решение в

течение установленного срока (статья 397 ГК РФ, часть 1 статьи 206 ГПК РФ, часть 3 статьи 174 АПК РФ).

21. Для правильного разрешения вопросов, требующих специальных знаний, в том числе в области определения источника происхождения вреда, механизма его причинения, его размера, объема необходимых восстановительных работ, возможности и сроках их проведения, по делу могут проводиться соответствующие экспертизы с привлечением специалистов: экологов, санитарных врачей, зоологов, ихтиологов, охотоведов, почвоведов, лесоводов и других (статья 79 ГПК РФ, статья 82 АПК РФ).

22. Иски о компенсации вреда окружающей среде могут быть предъявлены в течение двадцати лет (пункт 3 статьи 78 Закона об охране окружающей среды). Срок исковой давности по требованиям о возмещении вреда, причиненного радиационным воздействием на окружающую среду, составляет три года со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (статья 58 Федерального закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ “Об использовании атомной энергии”).

23. Если ответчик (его правопреемник) не выполняет необходимые работы в полном объеме и в полном соответствии с проектом восстановительных работ или если имеются иные обстоятельства, свидетельствующие о затруднительности либо невозможности исполнения судебного акта, стороны спора или судебный пристав-исполнитель вправе обратиться в суд с заявлением об изменении способа исполнения судебного акта путем взыскания убытков, рассчитанных в соответствии с таксами и методиками исчисления размера вреда, а при их отсутствии — исходя из фактических затрат, которые произведены или должны быть произведены для восстановления нарушенного состояния окружающей среды, и упущенной выгоды (статья 203 ГПК РФ, статья 324 АПК РФ).

24. Если причиненный вред является последствием эксплуатации предприятия, сооружения либо иной деятельности, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, которая продолжает причинять вред или угрожает новым вредом, истец вправе обратиться в суд с иском об обязании ответчика ограничить, приостановить или прекратить соответствующую деятельность (пункт 2 статьи 1065 ГК РФ, статьи 34, 56, 80 Закона об охране окружающей среды).

Нарушение лицом требований в области охраны окружающей среды, являющееся основанием для ограничения, приостановления или прекращения соответствующей деятельности, может быть выражено, в частности, в эксплуатации предприятия или сооружения без необходимых разрешений и лицензий, выдаваемых с целью соблюдения природоохранных требований, либо с нарушением их условий, превышении лимитов на выбросы и сбросы загрязняющих веществ и микроорганизмов в окружающую среду, нарушении требований в области обращения с отходами,

несоблюдении требований промышленной безопасности.

25. Суды вправе принять решение об ограничении или приостановлении деятельности, осуществляемой с нарушением природоохранных требований, в случаях, когда допущенные нарушения имеют устранимый характер (например, сброс сточных вод с превышением нормативов содержания вредных веществ или выбросы вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух в отсутствие необходимого разрешения).

Принимая решение, суд должен указать обстоятельства, с наступлением которых связывается возможность возобновления такой деятельности в будущем (например, получение положительного заключения экологической экспертизы, ввод в эксплуатацию очистных сооружений, получение разрешения на выбросы загрязняющих веществ), а также срок, в течение которого необходимо устранить допущенные нарушения (часть 2 статьи 206 ГПК РФ, части 1, 2 статьи 174 АПК РФ).

Неустранение нарушения в установленный срок может являться основанием для обращения в суд с требованием о прекращении соответствующей деятельности.

26. Если допущенные нарушения законодательства в области охраны окружающей среды носят неустранимый характер, суд вправе обязать ответчика прекратить соответствующую деятельность (например, при размещении отходов производства и потребления на объектах, не подлежащих внесению в государственный реестр объектов размещения отходов).

При отсутствии в деле доказательств, свидетельствующих о наличии достаточных оснований для прекращения деятельности ответчика, осуществляемой с нарушением природоохранного законодательства, суд, учитывая наличие публичного интереса в обеспечении экологической безопасности и сохранении благоприятной окружающей среды, вправе вынести на обсуждение лиц, участвующих в деле, вопрос об ограничении или приостановлении такой деятельности (статья 56 ГПК РФ, статья 65 АПК РФ).

27. Рассматривая споры об ограничении, приостановлении либо прекращении деятельности, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, суд должен соблюдать баланс между потребностями общества в сохранении благоприятной окружающей среды и обеспечении экологической безопасности, с одной стороны, и решением социально-экономических задач, с другой. При этом суду следует принимать во внимание не только факторы, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность людей и организаций (например, применительно к деятельности градообразующих предприятий, теплоэлектроцентралей, очистных сооружений), но и соразмерность последствий прекращения (приостановления, ограничения) деятельности тому вреду окружающей среде, который может наступить как в результате продолжения данной деятельности, так и вследствие ее прекращения.

В целях установления наличия или отсутствия такого противоречия общественным интересам суд вправе вынести на обсуждение лиц, участвующих в деле, данный вопрос, а также предложить им представить соответствующие доказательства (статья 56, часть 1 статьи 57 ГПК РФ, статья 65, часть 2 статьи 66 АПК РФ).

Суд вправе отказать в иске об ограничении, приостановлении либо прекращении деятельности, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, в случае, если ее приостановление либо прекращение противоречит общественным интересам (абзац 2 пункта 2 статьи 1065 ГК РФ).

Отказ в удовлетворении таких требований не препятствует предъявлению иска о возмещении вреда, причиненного этой деятельностью.

28. Судам следует иметь в виду, что опасность причинения вреда окружающей среде в будущем, в том числе в связи с эксплуатацией предприятия, сооружения или иной деятельностью, может являться основанием для запрещения деятельности, создающей такую опасность (пункт 1 статьи 1065 ГК РФ). Истец должен доказать реальность наступления такой опасности в результате осуществления ответчиком деятельности как нарушающей установленные требования в области охраны окружающей среды, так и соответствующей им на момент предъявления требования, и необходимость запрещения соответствующей деятельности (например, при планировании строительства или возведении нового промышленного объекта в местах обитания редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов).

Наличие у ответчика разрешительной документации на осуществление деятельности, создающей опасность причинения вреда, положительного заключения экологической экспертизы не является основанием для отказа в иске.

29. В связи с принятием настоящего постановления признать утратившими силу пункты 30, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 46 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 “О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования” (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 26 мая 2015 г. № 19).

Признать не подлежащим применению постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 октября 1993 г. № 22 “О некоторых вопросах практики применения Закона РСФСР “Об охране окружающей природной среды”.

*Председатель Верховного Суда  
Российской Федерации  
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,  
судья Верховного Суда Российской Федерации  
В.В. МОМОТОВ*

# ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

## ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

**Заключение заемщиком и займодавцем договора об изменении ранее возникших заемных обязательств порождает у заемщика обязанность возратить сумму займа и проценты на нее именно в том размере и в те сроки, которые определены этим договором**

*Определение Судебной коллегии  
по гражданским делам Верховного Суда РФ  
от 25 октября 2016 г. № 74-КГ16-16*

(Извлечение)

П. обратился в суд с иском к У. о взыскании долга по договору займа, процентов за пользование чужими денежными средствами, судебных расходов. В обоснование заявленных требований указав, что по договору займа от 15 января 2014 г. истец предоставил ответчику заем в размере 5 240 000 руб. сроком до 15 января 2016 г. согласно установленному графику возврата займа: 15 января 2015 г. — сумму займа 1 240 000 руб., проценты 1 467 000 руб., 15 января 2016 г. — сумма займа 4 млн. рублей. Условиями указанного договора предусмотрены проценты за пользование займом в размере 28% годовых, проценты по займу денежных средств в 2016 году в размере от суммы займа 4 млн. рублей выплачивать ежемесячно 2,5% (100 000 руб.). Ответчик обязательства по договору не исполнил, на претензию не ответил, в связи с чем, с учетом уточнения исковых требований, П. просил взыскать с У. сумму основного долга в размере 5 240 000 руб., проценты за пользование займом в размере 2 031 024 руб., проценты за пользование чужими денежными средствами в размере 39 828 руб., судебные расходы.

Ответчик У. требования не признал, обратился со встречным иском к П., указав в обоснование заявленных требований, что денежные средства на основании договора от 15 января 2014 г. от истца не получал ни путем наличных расчетов, ни по перечислению. Между У. и П. имели место длительные, более 10 лет, финансовые взаимоотношения, в связи с чем представленный договор от 15 января 2014 г. не направлен на создание новых заемных правоотношений и является пролонгацией ранее заключенных договоров займа, не подкреплена передачей денежных средств, а также распиской об их получении, следовательно, является безденежным.

Решением суда исковые требования П. удовлетворены, в удовлетворении встречных исковых требований У. отказано.

Разрешая спор, суд первой инстанции исходил из того, что между сторонами по делу заключен договор займа в простой письменной форме, денежные средства по нему переданы У.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований П. и об удовлетворении встречного иска У., суд апелляционной инстанции исходил из того, что между истцом и ответчиком в течение длительного времени существуют финансовые взаимоотношения, в рамках которых между ними был заключен договор займа от 29 апреля 2013 г., в связи с чем, в отсутствие доказательств надлежащего исполнения У. данного договора займа, основания для удовлетворения исковых требований, вытекающих из впоследствии заключенного договора займа от 15 января 2014 г., отсутствуют.

Кроме того, суд апелляционной инстанции сослался на то, что указание в тексте договора займа на факт передачи ответчику денежных средств на момент подписания этого договора может свидетельствовать о том, что эти денежные средства были предоставлены в период действия ранее заключенных договоров займа.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 25 октября 2016 г. отменила состоявшееся по делу апелляционное определение как вынесенное с нарушением норм материального и процессуального права.

В соответствии со ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условий договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом (ч. 1).

Если указанные правила не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон (ч. 2).

Из приведенной правовой нормы следует, что толкование судом договора исходя из действительной воли сторон и его цели с учетом, в том числе, установившейся практики взаимоотношений сторон, допускается лишь в случае, если установить буквальное значение его условий не представляется возможным.

Суд апелляционной инстанции, дав толкование договору займа от 15 января 2014 г. исходя из установившейся практики финансовых взаимоотношений между истцом и ответчиком, а именно — неоднократного заключения между ними в предшествующие периоды договоров по пролонгации заемных отношений, пришел к выводу о том, что стороны не имели намерения заключить договор займа, а целью заключения договора от 15 января 2014 г. являлось обеспечение исполне-

ния ответчицей ее обязательств по выплате заемной суммы, полученной от истца по ранее заключенным договорам.

Судебная коллегия, по существу установив наличие между истцом и ответчиком с 2003 года длящихся обязательственных заемных правоотношений, в нарушение ч. 1 ст. 196 ГПК РФ не определила, какие правовые последствия для указанных правоотношений повлекло заключение договора займа от 15 января 2014 г., и отказала П. в удовлетворении иска с учетом этих обстоятельств.

При этом суд апелляционной инстанции в нарушение приведенной выше нормы материального права не указал основания, по которым невозможно установить содержание названного договора исходя из буквального значения содержащихся в нем слов, выражений и условий.

Согласно ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований — в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями.

В силу п. 1 ст. 450 Кодекса изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено названным Кодексом, другими законами или договором.

При изменении договора обязательства сторон сохраняются в измененном виде (п. 1 ст. 453 Кодекса).

По смыслу приведенных правовых норм если заключенный между истцом и ответчиком договор по своей правовой природе является соглашением об изменении ранее возникших заемных обязательств, то его подписание не только не освобождает ответчика от исполнения таких обязательств, но и порождает у У. обязанность возратить сумму займа и проценты на нее именно в том размере и в те сроки, которые определены этим договором.

Судом апелляционной инстанции по существу сделаны взаимоисключающие выводы о том, что, с одной стороны, договор от 15 января 2014 г. между истцом и ответчиком заключен в рамках длящихся заемных правоотношений, а с другой стороны, указанный договор является безденежным и не считается заключенным (п. 1 ст. 812 ГК РФ).

Кроме того, при рассмотрении дела суд апелляционной инстанции не учел, что подписание сторонами письменного договора займа после передачи денежных средств заемщику не может являться основанием для оспаривания этого договора по безденежности в случае, если деньги фактически были получены заемщиком, подтвердившим факт заключения договора займа в письменном документе.

Само по себе наличие иных договоров займа между заимодавцем и заемщиком на момент передачи денежных средств правового значения для возникновения нового заемного обязательства не имеет и не может служить доказательством отсут-

ствия факта передачи денег при заключении нового договора займа.

Суд апелляционной инстанции указанным обстоятельствам оценки не дал и вывод суда первой инстанции о том, что в спорных правоотношениях волеизъявление сторон при заключении 15 января 2014 г. договора займа направлено именно на создание новых, а не в обеспечение ранее возникших по договору от 29 апреля 2013 г. заемных обязательств, не опроверг.

Таким образом, вывод суда апелляционной инстанции о безденежности заключенного между сторонами договора займа от 15 января 2014 г. сделан без надлежащей оценки в апелляционном определении обстоятельств, указанных П. в обоснование своих возражений, свидетельствует о существенном нарушении судом апелляционной инстанции ст.ст. 56, 57, 67 и 198 ГПК РФ.

## ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

**1. Протокол торгов на право заключения в будущем договора (основной договор), содержащий все его существенные условия, представляет собой предварительный договор, предусмотренное которым обязательство прекращается, если до окончания установленного срока основной договор не будет заключен. При этом организатор торгов не вправе понудить победителя торгов к заключению договора купли-продажи лесных насаждений, а победитель торгов обязан возместить причиненные уклонением от заключения договора убытки**

*Определение Судебной коллегии  
по экономическим спорам Верховного Суда РФ  
от 31 января 2017 г. № 306-ЭС16-9493*

(Извлечение)

По итогам аукциона по продаже права на заключение договоров купли-продажи лесных насаждений победителем признан предприниматель. Организатором торгов и предпринимателем подписан протокол аукционной комиссии о результатах аукциона по продаже права на заключение договора купли-продажи лесных насаждений (далее — протокол).

Предприниматель отказался от подписания проекта договора купли-продажи, направленного ему организатором торгов.

Организатор торгов обратился в арбитражный суд с иском к предпринимателю об обязанности заключить договор купли-продажи лесных насаждений и о взыскании цены договора в качестве упущенной выгоды.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, иски удовлетворены в части понуждения предпринимателя к заключению договора, в удовлетворении остальной части иска отказано.

Суды пришли к выводу об уклонении предпринимателя от заключения договора и исходили из того, что на основании п. 5 ст. 448 ГК РФ возможно удовлетворить в натуре требование о понуждении к заключению договора.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 31 января 2017 г. отменила названные акты в части удовлетворения требования о понуждении предпринимателя к заключению договора, отказала в данной части иска и оставила без изменения указанные судебные акты в остальной части по следующим основаниям.

В соответствии с абз. 2 п. 5 ст. 448 ГК РФ (в редакции, действовавшей на момент проведения аукциона — до 1 июня 2015 г.), если предметом торгов было только право на заключение договора, такой договор должен быть подписан сторонами не позднее двадцати дней или иного указанного в извещении срока после завершения торгов и оформления протокола. В случае уклонения одной из них от заключения договора другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор, а также о возмещении убытков, причиненных уклонением от его заключения.

Исходя из содержания данной нормы, а также протокола, предусматривающего все существенные условия подлежащего заключению в будущем договора купли-продажи лесных насаждений, может быть сделан вывод, что указанный протокол, подписанный обеими сторонами, представляет собой предварительный договор.

Согласно п. 6 ст. 429 ГК РФ обязательства, предусмотренные предварительным договором, прекращаются, если до окончания срока, в который стороны должны заключить основной договор, он не будет заключен либо одна из сторон не направит другой стороне предложение заключить этот договор.

Однако при рассмотрении требования о понуждении победителя торгов к заключению договора купли-продажи лесных насаждений следует учитывать особый предмет данного договора и существо возникающего на его основании обязательства.

В соответствии с ч. 4 ст. 75 Лесного кодекса РФ по данному договору купли-продажи передаются лесные насаждения в целях их заготовки. Заготовка древесины представляет собой предпринимательскую деятельность, связанную с рубкой лесных насаждений, а также с вывозом из леса древесины (ч. 1 ст. 29 Кодекса). Таким образом, заключение договора купли-продажи лесных насаждений предполагает не просто принятие товара покупателем от продавца, а осуществление специфической деятельности по природопользованию в течение определенного в аукционной документации периода. Исходя из существа данного обязательства, возникающего в сфере природопользования, понуждение покупателя — победителя торгов к заключению договора является недопустимым.

## **2. Взаимозачет требований, размер которых определен путем установления сальдо встречных обязательств лизингодателя и лизингополучателя по нескольким расторгнутым договорам выкупного лизинга, после открытия в отношении лизингополучателя конкурсного производства противоречит положениям законодательства о банкротстве**

*Определение Судебной коллегии  
по экономическим спорам Верховного Суда РФ  
от 2 мая 2017 г. № 305-ЭС16-20304*

Во исполнение нескольких договоров выкупного лизинга общество как лизингополучатель получило от лизинговой компании различное имущество и уплачивало лизинговые платежи. Впоследствии по соглашению сторон договоры были расторгнуты, предметы лизинга возвращены лизинговой компании (лизингодателю).

Определением арбитражного суда по другому делу принято заявление о признании общества банкротом, решением арбитражного суда в отношении общества введена процедура конкурсного производства.

Общество в лице конкурсного управляющего на основании ст. 1102 ГК РФ обратилось в арбитражный суд с иском к лизинговой компании и потребовало взыскать с нее суммы, составляющие превышение лизинговых платежей в совокупности со стоимостью возвращенных предметов лизинга и суммой предоставленного лизингополучателю финансирования, платы за названное финансирование за время до фактического возврата этого финансирования, а также убытков и иных санкций.

Суд первой инстанции соотнес взаимные предоставления сторон, совершенные ими до момента расторжения договоров (сальдо встречных обязательств), и определил завершающую обязанность одной из сторон в отношении другой по каждому договору, установив, что по части договоров сальдо оказалось в пользу лизинговой компании, а по части — в пользу общества. По итогам взаимозачета указанных сумм решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции и арбитражным судом округа, исковые требования удовлетворены частично.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 2 мая 2017 г. отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Как следует из ч. 2 ст. 130, ч. 2 ст. 167 АПК РФ, обязательства общества и лизинговой компании по каждому из нескольких однородных, но не связанных между собой договоров лизинга, носили самостоятельный характер, в связи с чем исковые требования общества по каждому из этих договоров подлежали рассмотрению по правилам объединения нескольких однородных дел как самостоятельные с вынесением решения по каждому из требований и суммированию удовлетворенных.

Суды правомерно установили соотношение взаимных предоставлений сторон в рамках исполнения встречных обязательств по каждому из договоров, совершенные до момента их растор-

жения, и определили завершающую обязанность одной стороны в отношении другой по установленным правилам (пп. 3.1—3.3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 17 “Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга”). Сумма удовлетворенных требований подлежала взысканию в пользу общества, в то время как по требованиям, где сальдо сложилось не в его пользу, обществу в удовлетворении иска следовало отказать.

Более того, вследствие нахождения общества в процедуре конкурсного производства зачет встречных требований противоречит законодательству о банкротстве, которое разрешает предъявление требований конкурсных кредиторов только в ходе конкурсного производства, устанавливает очередность удовлетворения требований кредиторов, не допуская предпочтительного удовлетворения требований одних кредиторов одной очереди перед другими, запрещает с даты возбуждения в отношении одной из сторон правоотношений зачет встречного однородного требования (ст. 61<sup>3</sup>, п. 1 ст. 126, ст. 134 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)”).

Таким образом, требования по исполнению обязательств общества по договорам, в которых сальдо сложилось в пользу лизинговой компании, должны быть рассмотрены судом в рамках дела о банкротстве общества.

Установление судами разности между объемами встречных денежных обязательств истца и ответчика по своей правовой природе является зачетом встречного однородного требования и регулируется ст. 410 ГК РФ.

## ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

**1. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 3 марта 2011 г. № 147 “О внесении изменений в положения о государственных природных заповедниках и национальных парках, находящихся в ведении Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации” признан недействующим со дня вступления решения суда в законную силу**

*Решение Верховного Суда РФ  
от 10 ноября 2016 г. № АКПИ16-857,  
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Приказом Минприроды России от 3 марта 2011 г. № 147 “О внесении изменений в положения о государственных природных заповедниках и национальных парках, находящихся в ведении Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации” утверждены изменения, которые вносятся в положения о государственных природных заповедниках и национальных парках, находящихся в ведении Минприроды России (далее — Приказ). В частности, согласно

п. 2 указанных изменений абз. 2 п. 3.3 Положения о федеральном государственном учреждении “Государственный природный заповедник “Комсомольский”, утвержденного приказом Минприроды России от 29 апреля 2003 г. № 368, изложен в следующей редакции: “Федеральное государственное учреждение “Государственный природный заповедник “Комсомольский” осуществляет охрану территорий государственного природного заказника федерального значения “Удиль”, государственного природного заказника федерального значения “Баджальский”, государственного природного заказника федерального значения “Ольджиканский”, а также мероприятия по сохранению биологического разнообразия и поддержанию в естественном состоянии охраняемых природных комплексов и объектов на территории данных заказников.”.

Закрытое акционерное общество “Амгуньский ЛПХ” (далее — Общество) обратилось в Верховный Суд РФ с административным исковым заявлением о признании недействующим Приказа, ссылаясь на то, что оспариваемый акт является нормативным правовым, затрагивающим права граждан, в нарушение Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 “О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти” и Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 (далее — Правила), не был зарегистрирован в Минюсте России и официально опубликован.

Верховный Суд РФ 10 ноября 2016 г. административный иск удовлетворил, указав следующее.

Приказом внесены изменения в ряд положений о государственных природных заповедниках и национальных парках, предусматривающие возложение на конкретные природоохранные учреждения полномочий по осуществлению охраны территорий государственных природных заказников федерального значения, а также мероприятий по сохранению биологического разнообразия и поддержанию в естественном состоянии охраняемых природных комплексов и объектов на территории данных заказников.

Всего оспариваемый приказ регулирует правовой режим 19 государственных природных заказников федерального значения.

В соответствии с п. 1 ст. 22 Федерального закона от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ “Об особо охраняемых природных территориях” государственными природными заказниками являются территории (акватории), имеющие особое значение для сохранения или восстановления природных комплексов или их компонентов и поддержания экологического баланса.

Управление государственными природными заказниками федерального значения осуществляется федеральными государственными бюджетными учреждениями, в том числе осуществ-

ляющими управление государственными природными заповедниками и национальными парками (п. 5 ст. 22 Закона).

Согласно п. 5 ст. 33 названного Закона на особо охраняемых природных территориях федерального и регионального значения, управление которыми осуществляется государственными учреждениями, государственный надзор в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий осуществляется должностными лицами указанных государственных учреждений, являющимися государственными инспекторами в области охраны окружающей среды.

Следовательно, возложение на природоохранные учреждения, осуществляющие управление заповедниками и национальными парками, функций по управлению и охране территорий государственных природных заказников соответствует законодательству Российской Федерации.

Суд не может согласиться с доводами Минприроды России о том, что оспариваемый приказ не подлежал государственной регистрации, поскольку не является нормативным актом и вносит изменения и дополнения в акты, которые государственную регистрацию не проходили, а именно в положения о государственных заповедниках, являющиеся учредительными документами бюджетных учреждений, не подлежащими государственной регистрации.

В силу п. 3 ст. 6 Федерального закона от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ в редакции, действовавшей на момент издания Приказа, положение о конкретном государственном природном заповеднике, его статус утверждаются органом, уполномоченным на то Правительством РФ.

Таким органом на день издания Приказа являлось Минприроды России.

Пунктом 5.2.35 Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 29 мая 2008 г. № 404 (действовавшего на момент издания Приказа), предусматривалось, что Минприроды России самостоятельно принимает такие нормативные правовые акты, как положения о государственных природных заповедниках, национальных парках, государственных природных заказниках, биосферных полигонах государственных природных заповедников, памятниках природы федерального значения.

Аналогичные нормы содержались и в ранее действовавшем Положении о Министерстве природных ресурсов Российской Федерации, утвержденном постановлением Правительства РФ от 22 июля 2004 г. № 370 (п. 5.2.38), а также содержатся в ныне действующем Положении о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации, утвержденном постановлением Правительства РФ от 11 ноября 2015 г. № 1219 (п. 5.2.69).

Из содержания положений о государственных природных заповедниках, упомянутых в Приказе, усматривается, что данными актами определяются не только порядок их образования и управления, но и правовой статус, и режим заповедников.

Из анализа приведенных нормативных правовых актов следует, что положения о государственных природных заповедниках, национальных парках, государственных природных заказниках федерального значения, государственных природных биосферных заповедниках, дендрологических парках и ботанических садах федерального значения, памятниках природы федерального значения являются нормативными правовыми актами, подлежащими регистрации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 и Правилами.

Исходя из изложенного Приказ, вносящий изменения в указанные положения, подлежал государственной регистрации в Минюсте России.

В силу пп. 8, 10 Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763, п. 10 Правил государственной регистрации подлежат нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций, имеющие межведомственный характер, независимо от срока их действия, в том числе акты, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера.

Государственная регистрация нормативных правовых актов осуществляется Минюстом России, которое ведет Государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти.

Из разъяснения, содержащегося в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 “О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части”, следует, что при рассмотрении дела по существу суду надлежит выяснять порядок принятия нормативного правового акта, в частности: полномочия органа (должностного лица) на издание нормативных правовых актов и их пределы; форму (вид), в которой орган (должностное лицо) вправе принимать нормативные правовые акты; предусмотренные правила введения нормативных правовых актов в действие, в том числе правила их опубликования. Если суд установит, что при издании оспариваемого нормативного правового акта были нарушены требования законодательства хотя бы по одному из оснований, влекущих признание акта недействующим, он вправе принять решение об удовлетворении заявления без исследования других обстоятельств по делу, в том числе содержания оспариваемого акта.

Поскольку не были соблюдены правила введения в действие оспариваемого нормативного правового акта, установленные Указом Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 и Правилами, приказ Минприроды России от 3 марта 2011 г. № 147 “О внесении изменений в положения о государственных природных заповедниках и национальных парках, находящихся в ведении Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации” признан судом недействующим со дня вступления решения в законную силу.

**2. Абзац 7 и последнее предложение абз. 8 п. 3 Правил указания информации, идентифицирующей плательщика, получателя средств в распоряжениях о переводе денежных средств в уплату платежей в бюджетную систему Российской Федерации (приложение № 1), утвержденных приказом Минфина России от 12 ноября 2013 г. № 107н, признаны не противоречащими федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ  
от 24 октября 2016 г. № АКПИ16-854,  
вступившее в законную силу*

**3. Подпункт 14 п. 16 Правил оценки готовности к отопительному периоду, утвержденных приказом Минэнерго России от 12 марта 2013 г. № 103, признан не противоречащим федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ  
от 1 декабря 2016 г. № АКПИ16-1096,  
оставленное без изменения определением  
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ  
от 28 марта 2017 г. № АПЛ17-26*

## ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

**Если умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или лишение его жизни, но только действиями одного из них потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью либо смерть, действия всех участников группы следует квалифицировать по п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ как соисполнительство в разбое, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего**

*Определение Судебной коллегии  
по уголовным делам Верховного Суда РФ  
от 6 июля 2017 г. № 65-АП/17-3*

(Извлечение)

По приговору суда Еврейской автономной области от 3 апреля 2017 г. Ж. и М. осуждены по пп. “б”, “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ, а М., кроме того, по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Ж. и М. признаны виновными в совершении разбоя, т.е. нападения в целях хищения чужого имущества, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, группой лиц по предварительному сговору, с применением предметов, используемых в качестве оружия, с незаконным проникновением в жилище, в особо крупном размере, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей.

М. также признан виновным в убийстве, сопряженном с разбоем.

Преступление совершено при следующих обстоятельствах.

М. предложил Ж. совершить нападение на Ш. с целью завладения денежными средствами в особо крупном размере. Ж. ответил согласием. Вступив в предварительный сговор, направленный на совер-

шение разбойного нападения на Ш. путем незаконного проникновения в ее жилище, Ж. и М. приискали в качестве орудий преступления топор и нож, а также предметы для сокрытия своих лиц.

Действуя в соответствии с ранее достигнутой договоренностью, М. и Ж. подошли к квартире потерпевшей Ш., при этом М. повредил камеры видеонаблюдения. После того как потерпевшая открыла входную дверь и увидела Ж., находящегося без скрывающей лицо маски, М. нанес ей удар топором по голове, от которого она упала на пол. Затем М., чтобы не быть обнаруженными, совместно с Ж. занесли потерпевшую в квартиру. После этого М. нанес потерпевшей два удара обухом топора по голове, от которых последовала смерть потерпевшей.

Продолжая преступные действия с целью завладения денежными средствами потерпевшей, М. в ходе осмотра квартиры нашел ключ от сейфа, Ж. открыл сейф, и во исполнение задуманного они вдвоем похитили денежные средства и ювелирные изделия, причинив потерпевшей ущерб в особо крупном размере на общую сумму 2 823 821 руб. После этого Ж. и М. с места происшествия скрылись и распорядились похищенным.

В апелляционных жалобах осужденный Ж. и его защитник просили приговор отменить, считая, что Ж. непричастен к разбойному нападению.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 6 июля 2017 г., проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционных жалоб, оставила приговор без изменения, апелляционные жалобы без удовлетворения по следующим основаниям.

Виновность осужденных Ж. и М. в содеянном подтверждается их собственными показаниями, обоснованно признанными судом правдивыми в той части, в которой они согласуются между собой, дополняют друг друга, подтверждаются другими доказательствами по делу и, в которых они подробно, вплоть до деталей, рассказали об обстоятельствах совершенных преступлений, подтвердили эти показания с выходом на место совершения преступлений, продемонстрировав свои собственные действия и действия друг друга.

Так, из показаний М. и Ж., признанных судом достоверными, усматривается, что М. предложил Ж. совершить разбойное нападение на потерпевшую, чтобы похитить имеющиеся у нее денежные средства. Ж. согласился и взял шапку для сокрытия лица, а М. вооружился топором и ножом. Вдвоем они пришли к дому, в котором проживала потерпевшая Ш. М. повредил камеры видеонаблюдения, установленные снаружи квартиры потерпевшей. Когда потерпевшая открыла входную дверь и увидела Ж., находящегося без скрывающей лицо маски, М. нанес удар принесенным с собой топором по голове потерпевшей. После того как потерпевшая упала, они занесли ее в прихожую квартиры. Ж. стал искать ключ от сейфа, а М. нанес еще два удара обухом топора по голове потерпевшей.

При этом Ж. пояснял, что он слышал звуки наносимых М. ударов топором потерпевшей. Затем М. нашел ключ от сейфа, передал его Ж., который открыл сейф, из которого они вдвоем похитили деньги. В дальнейшем похищенные у потерпевшей деньги они поделили поровну.

Указанные показания М. и Ж. давали неоднократно, в том числе М., будучи допрошенным дважды, в качестве обвиняемого.

В ходе очной ставки Ж. подтвердил показания М. о предварительной договоренности с ним на разбойное нападение с угрозой применения насилия, об обстоятельствах совершения преступления, отрицал лишь то, что говорил М., что потерпевшая увидела его лицо.

Выводы суда о совершении Ж. и М. разбойного нападения на потерпевшую группой лиц по пред-

варительному сговору, о наличии у М. умысла на убийство потерпевшей в ходе разбоя и его реализации в приговоре надлежащим образом мотивированы, приведенные аргументы убедительны, сомнений в своей объективности не вызывают.

То, что сам Ж. не применял насилие к потерпевшей в целях завладения ее имуществом, не ставит под сомнение выводы суда о совершении им разбойного нападения на нее при квалифицирующих признаках, установленных судом, поскольку Ж. после применения М. насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшей, видя и осознавая характер такого насилия (нанесение ударов топором по голове потерпевшей), продолжил свои действия по завладению имуществом потерпевшей, воспользовавшись примененным к ней М. насилием.

## ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

**Фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, сами по себе не предопределяют выводы суда о виновности обвиняемого по уголовному делу**

*Постановление президиума Воронежского областного суда от 13 июля 2016 г.*

(Извлечение)

По постановлению Лискинского районного суда Воронежской области от 17 февраля 2015 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) поданная в порядке ст. 125 УПК РФ жалоба директора ООО “С” Б. на постановление следователя следственного управления Следственного комитета РФ по Воронежской области от 27 октября 2014 г. о возбуждении уголовного дела по факту совершения неустановленными лицами преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, была удовлетворена, а постановление следователя признано незаконным.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ, оспаривая законность и обоснованность состоявшихся по делу судебных решений, обращал внимание на то, что, отменив со ссылкой на ст. 90 УПК РФ постановление о возбуждении уголовного дела, суд не принял во внимание правовую позицию Конституционного Суда РФ по данному вопросу.

По постановлению заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 14 июня 2016 г. кассационное представление заместителя Генерального прокурора РФ передано вместе с материалом для рассмотрения в судебном заседании президиума Воронежского областного суда.

Президиум Воронежского областного суда 13 июля 2016 г. отменил состоявшиеся судебные решения по жалобе Б. и передал материал на новое рассмотрение<sup>1</sup>, указав следующее.

По данному материалу предметом судебной проверки в порядке ст. 125 УПК РФ являлось постановление следователя от 27 октября 2014 г. о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству, согласно которому в налоговый орган неустановленными лицами были представлены заведомо ложные сведения о сделках купли-продажи между ООО “С” и ООО “К”. В результате у ООО “С” возникло право на возмещение из бюджета Российской Федерации суммы налога на добавленную стоимость в размере 11 107 834 руб. Преступление не было доведено до конца, поскольку по результатам проверки документов ООО “С” межрайонной инспекцией ФНС России по Воронежской области 22 июля 2013 г. отказано в возмещении налога на добавленную стоимость.

Признавая постановление следователя о возбуждении уголовного дела незаконным, суд установил нарушение органом следствия положений ст. 90 УПК РФ, поскольку решением арбитражного суда Воронежской области от 16 июля 2014 г. указанное решение налоговой службы признано недействительным, не соответствующим Налоговому кодексу РФ, и установлена реальность, а не мнимость сделок между ООО “С” и ООО “К”.

Между тем указанное решение противоречит правовой позиции, изложенной в Постановле-

<sup>1</sup> По постановлению Лискинского районного суда Воронежской области от 22 июля 2016 г. прекращено производство по жалобе Б. на постановление следователя следственного управления Следственного комитета РФ по Воронежской области от 27 октября 2014 г., поскольку жалоба отозвана заявителем.

нии Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П, согласно которой положения ст. 90 УПК РФ означают, что фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, сами по себе не определяют выводы суда о виновности обвиняемого по уголовному делу, которая устанавливается на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при разбирательстве гражданского дела доказательства, подлежащие рассмотрению в установленных уголовно-процессуальным законом процедурах, что в дальнейшем может повлечь пересмотр гражданского дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

Таким образом, в данном случае решение суда по гражданскому делу, в котором выражено мнение о реальности сделок, не является препятствием для расследования уголовного дела о покушении на мошенничество путем предоставления заведомо ложных сведений о сделках.

Как усматривается из решений арбитражных судов, предметом их рассмотрения являлось установление, исходя из презумпции добросовестности налогоплательщиков, наличия надлежаще оформленных документов по оспариваемым налоговым органом сделкам. Орган же предварительного следствия на основании допросов и проведения других следственных действий пришел к выводу о заведомой мнимости этих сделок, общей подконтрольности ООО “С” и ООО “К” и совершении действий неустановленными лицами, направленными на хищение денежных средств путем обмана.

Арбитражный суд эти обстоятельства не исследовал, а лишь указал, что действующее законодательство не предусматривает возложение на налогоплательщика неблагоприятных последствий вследствие действий контрагентов.

При таких обстоятельствах допущенное судьей нарушение уголовно-процессуального закона является существенным, повлиявшим на исход дела.

## **ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 1 (2017)<sup>1</sup>**

### **СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ**

**21.** В случае умаления репутации юридического лица оно вправе защищать свое право путем заявления требования о возмещении вреда, причиненного репутации юридического лица.

Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования (далее — университет) обратилось в арбитражный суд с заявлением к редакции издания и его учредителю (далее — редакция) о защите деловой репутации, признании не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию университета сведений, опубликованных на сайте издания, и о взыскании 1 млн. рублей компенсации.

Решением суда первой инстанции иски требования удовлетворены в части признания распространенных сведений не соответствующими действительности. Суд обязал редакцию удалить эти сведения и разместить текст опровержения. Отказывая в удовлетворении требования о взыскании компенсации, суд отметил, что университет не представил доказательств того, что в результате действий редакции им понесены имущественные потери.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено, требование университета о взыскании компенсации удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ оставила в силе постановление арбитражного суда округа по следующим основаниям.

Вступление в силу с 1 октября 2013 г. новой редакции ст. 152 ГК РФ, исключившей возможность компенсации морального вреда в случае умаления деловой репутации юридических лиц, не препятствует защите нарушенного права посредством заявления юридическим лицом требования о возмещении вреда, причиненного репутации юридического лица.

Данный вывод следует из Определения Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О, в котором отмечено, что отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (п. 2 ст. 150 ГК РФ). Данный вывод основан на положениях ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Под вредом, причиненным деловой репутацией, следует понимать всякое ее умаление, которое проявляется, в частности, в наличии у юридического лица убытков, обусловленных распространением порочащих сведений, и иных неблагоприятных последствиях в виде утраты юридическим лицом в глазах общественности и делового сообщества положительного мнения о его деловых качествах, утраты конкурентоспособности, невозможности планирования деятельности и т.д.

Следовательно, юридическое лицо, чье право на деловую репутацию нарушено действиями по распространению сведений, порочащих такую репутацию, вправе требовать восстановления

<sup>1</sup>Продолжение. Начало в № 1, 2018.

своего права при доказанности общих условий деликтной ответственности (наличия противоправного деяния со стороны ответчика, неблагоприятных последствий этих действий для истца, причинно-следственной связи между действиями ответчика и возникновением неблагоприятных последствий на стороне истца) (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 июля 2012 г. № 17528/11). Наличие вины ответчика презюмируется (п. 2 ст. 1064 ГК РФ).

При этом противоправный характер действий ответчика должен выражаться в распространении вовне (сообщении хотя бы одному лицу), в частности посредством публикации, публичного выступления, распространения в средствах массовой информации, сети “Интернет”, с помощью иных средств телекоммуникационной связи, определенных сведений об истце, носящих порочащий и не соответствующий действительности характер.

Факта распространения ответчиком сведений, порочащих деловую репутацию истца, недостаточно для вывода о причинении ущерба деловой репутации и для выплаты денежного возмещения в целях компенсации за необоснованное умаление деловой репутации. На истца в силу требований ст. 65 АПК РФ лежит обязанность доказать обстоятельства, на которые он ссылается как на основание своих требований, т.е. подтвердить, во-первых, наличие сформированной репутации в той или иной сфере деловых отношений (промышленности, бизнесе, услугах, образовании и т.д.), во-вторых, наступление для него неблагоприятных последствий в результате распространения порочащих сведений, факт утраты доверия к его репутации или ее снижение.

В обоснование своей позиции по существу заявленного требования о взыскании компенсации репутационного вреда университет ссылался на использованную ответчиками форму распространения порочащих его сведений в сети “Интернет” с предоставлением неопределенному и неограниченному числу пользователей свободного доступа к сайту, на котором опубликованы оспариваемые сведения, и, как следствие, неограниченной степени распространения порочащих истца сведений.

Однако каких-либо доказательств и пояснений, свидетельствующих о сформированной репутации истца до нарушения, и доказательств, позволяющих установить наличие неблагоприятных последствий для университета в результате размещения спорной публикации, в материалы дела истцом не представлено. Следовательно, отсутствуют доказательства, на основании которых суд может установить, что самого признания факта распространения порочащих сведений и судебного решения об их опровержении недостаточно для восстановления баланса прав участников спорных правоотношений, а также для определения размера справедливой компенсации в конкретных правоотношениях.

*Определение № 307-ЭС16-8923*

## **Право собственности и другие вещные права**

**22.** Для приобретения в собственность помещения по льготным основаниям, предусмотренным Федеральным законом “Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого

субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, лицо должно обладать статусом индивидуального предпринимателя на протяжении всего двухлетнего периода владения и (или) пользования этим объектом.

Департамент городского имущества города Москвы (далее — департамент) отказал предпринимателю в льготном выкупе нежилых помещений на основании положений Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ “Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон № 159-ФЗ). Основанием для отказа послужило то, что указанное физическое лицо арендовало помещения с 2012 года, однако статус предпринимателя приобрело только в 2015 году, т.е. на момент подачи заявления не были соблюдены условия п. 1 ст. 3 Закона № 159-ФЗ.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании данного отказа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, заявление предпринимателя удовлетворено.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Часть 1 ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” к субъектам малого и среднего предпринимательства относит физических лиц, внесенных в единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей (далее — ЕГРИП).

Согласно п. 1 ст. 3 Закона № 159-ФЗ одним из условий преимущественного права на выкуп арендованного имущества является факт нахождения имущества по состоянию на 1 июля 2015 г. во временном владении и (или) временном пользовании у субъекта малого и среднего предпринимательства непрерывно в течение двух и более лет в соответствии с договором или договорами аренды такого имущества.

Толкование данных норм позволяет сделать вывод о том, что имущество должно быть в пользовании субъекта малого и среднего предпринимательства в течение всего периода, установленного законом, т.е. свидетельство о внесении в ЕГРИП должно быть выдано заявителю не позднее 1 июля 2013 г.

В силу Закона № 159-ФЗ возникновение права на преимущественный выкуп арендуемого имущества поставлено в зависимость от наличия действующих арендных отношений в течение двух и более лет по состоянию на 1 июля 2015 г. именно субъектом малого и среднего предпринимательства.

Несмотря на то, что в арендных отношениях с департаментом заявитель состоит с 2012 года, пе-

риод до регистрации в качестве индивидуального предпринимателя в 2015 году правомерно не был засчитан в двухлетний срок, предусмотренный п. 1 ст. 3 Закона № 159-ФЗ, поскольку в указанный период заявитель не имел статуса индивидуального предпринимателя и не соответствовал требованиям, установленным Законом № 159-ФЗ.

*Определение № 305-КГ16-12198*

**23.** При возложении на одного из собственников помещения в многоквартирном жилом доме обязанности освободить помещение, относящееся к общему имуществу и занятое им без согласия остальных собственников, на него может быть также возложена обязанность привести это помещение в первоначальное состояние.

Товарищество собственников жилья (далее — товарищество) обратилось в арбитражный суд с иском к банку (собственник одного из помещений в многоквартирном доме) об истребовании из незаконного владения ответчика помещения вестибюля, расположенного на первом этаже здания, об обязанности привести помещение в первоначальное состояние, в том числе демонтировать кондиционер, систему видеонаблюдения, информационное табло, отображающее курсы валют, банкомат, и передать указанное помещение товариществу.

Товарищество ссылалось на то, что спорное помещение относится к общему имуществу собственников многоквартирного дома, однако банк самовольно занял его, использует в своих интересах в качестве офиса, не внося при этом соответствующую плату.

Решением суда первой инстанции иски были удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции изменено, иски были удовлетворены в части истребования помещения из владения банка, в удовлетворении требования об обязанности банка привести помещение вестибюля в первоначальное состояние отказано. Суд посчитал, что требования товарищества об обязанности банка привести помещение вестибюля в первоначальное состояние по существу направлены на изменение сложившегося на протяжении значительного периода времени порядка пользования общим имуществом, при котором банк считал возможным использование вестибюля и размещение в нем своего имущества. Банк, являясь собственником нежилого помещения в многоквартирном доме, имеет право пользования общим имуществом многоквартирного дома без соответствующего разрешения иных собственников.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила без изменения решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, в том числе помещения в данном доме, не принадлежащие отдельным собственникам и предназначенные для удовлетворения социально-бытовых потребностей собственников помещений в данном доме, включая помещения, предназначенные для организации их досуга, культурного развития,

детского творчества, занятий физической культурой и спортом и подобных мероприятий.

Частью 2 ст. 36 ЖК РФ также установлено, что собственники помещений в многоквартирном доме владеют, пользуются и в установленных данным Кодексом и гражданским законодательством пределах распоряжаются общим имуществом в многоквартирном доме.

По решению собственников помещений в многоквартирном доме, принятому на общем собрании таких собственников, объекты общего имущества в многоквартирном доме могут быть переданы в пользование иным лицам в случае, если это не нарушает права и законные интересы граждан и юридических лиц (ч. 4 ст. 36 ЖК РФ).

По настоящему делу решение общего собрания собственников многоквартирного дома о предоставлении спорного помещения в пользование только банку для осуществления им своей деятельности и проведения для этих целей ремонта не принималось.

В отсутствие соблюдения установленного порядка пользования общим имуществом действия банка по выполнению ремонта в спорном помещении, необходимого для использования вестибюля в качестве офисного помещения, и размещение в нем принадлежащего банку оборудования повлекли ограничение доступа иных лиц в помещение.

Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами и не следует из существа обязательства, выбор способа защиты нарушенного права осуществляется кредитором своей волей и в своем интересе (п. 2 ст. 1 ГК РФ). Между тем избрание лицом способа защиты своего нарушенного права не должно ущемлять права и законные интересы других лиц. Таким образом, выбор способа защиты нарушенного или оспариваемого права является субъективным правом истца, который должен соответствовать характеру нарушения права и достигать цели его восстановления.

Учитывая, что ответчиком совершены действия, направленные не только на самовольное занятие спорного помещения, но и на изменение его состояния, необходимого для использования в собственных интересах, без соответствующего на то согласия всех членов товарищества, необходимого в силу ч. 2 ст. 36 ЖК РФ, суд первой инстанции обоснованно исходил из соответствия избранных истцом способов защиты нарушенному праву, возложив на ответчика обязанность по приведению спорного помещения в первоначальное состояние, существовавшее до нарушения права, с последующей передачей его истцу.

Удовлетворение судом требования истца в сформулированном им виде не может нарушать прав ответчика, поскольку оно не возлагает на него дополнительных обязанностей, кроме тех, которые направлены на восстановление прежнего (до противоправного завладения) состояния помещения.

Ссылаясь в обоснование принятых судебных актов на то, что ответчик, являясь собственником помещения в многоквартирном доме, имеет право пользоваться спорным помещением как объектом общей долевой собственности, суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа не учли наличие такого же равного права на владение и беспрепятственное пользование вестибюлем всеми иными собственниками других помещений и квартир, нарушенного ответчиком и

в целях восстановления которого товарищество обязано было обратиться в суд.

Предусмотренное ч. 2 ст. 36 ЖК РФ право собственников помещений в многоквартирном доме владеть, пользоваться и распоряжаться общим имуществом в многоквартирном доме не может быть истолковано как позволяющее одному собственнику нарушать те же самые права других собственников, а интерес одного собственника противопоставлять интересам других собственников.

Кроме того, обеспечение доступа в спорное помещение всех собственников при наличии в нем имущества ответчика не разрешает возникший спор. Отказ суда в удовлетворении требования об обязанности банка привести помещение в первоначальное состояние означает создание условий, при которых ответчик может продолжать незаконно владеть и пользоваться помещением вестибюля, хранить в нем свое имущество без согласия других собственников.

*Определение № 304-ЭС16-10165*

**24.** Участник долевой собственности, осуществивший за свой счет неотделимые улучшения недвижимого имущества с соблюдением установленного порядка использования общего имущества, имеет право на соответствующее увеличение своей доли в праве собственности.

За организацией было зарегистрировано право на долю в общей долевой собственности на помещение в размере 1/5. Право собственности на оставшиеся 4/5 доли в праве общей долевой собственности зарегистрировано за обществом. Порядок пользования общим имуществом, права и обязанности участников общей долевой собственности были согласованы в соответствующем договоре, условия которого предусматривали, в частности, обязанность организации согласовывать реконструкцию помещений, связанную с неотделимыми улучшениями, с другим его участником.

В результате проведенных организацией работ по реконструкции и техническому переоборудованию помещения его общая площадь была увеличена с 778,5 кв.м до 953,3 кв.м. Право собственности на объект после реконструкции было зарегистрировано за его участниками в прежних долях.

Полагая, что произведенные ею улучшения повлекли изменение доли в праве на общее имущество, но стороны не достигли согласия на ее увеличение, организация обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о признании права на долю в размере 3305/9533 в праве общей долевой собственности на помещение.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении требований отказано. Суд руководствовался положениями ст.ст. 245, 247 ГК РФ и исходил из того, что для изменения долей в общей собственности в связи с произведенными неотделимыми улучшениями имущества необходимо наличие соглашения сосособственников об изменении долей.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, исковые требования удовлетворены. Суд пришел к выводу о соблюдении организацией порядка пользования общим имуществом, предусмотренного ст.ст. 245, 247 ГК РФ, и возникновении у нее права на увеличение доли в праве общей долевой собственности на спорное помещение.

Постановлением арбитражного суда округа отменено постановление суда апелляционной инстанции и оставлено в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции и постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Из системного толкования п. 3 ст. 245 и п. 1 ст. 247 ГК РФ следует, что участник долевой собственности, осуществивший за свой счет неотделимые улучшения имущества, имеет право на соответствующее увеличение своей доли в праве на общее имущество, если они были произведены с соблюдением установленного порядка использования общего имущества, т.е. при достижении согласия его участников.

Таким образом, законом установлено последствие создания с согласия других сосособственников неотделимых улучшений имущества, находящегося в долевой собственности, в виде увеличения доли лица, производившего неотделимые улучшения, в праве на общее имущество.

При установленных по делу обстоятельствах, в отсутствие согласования сторонами иных последствий улучшения общего имущества за счет одного участника, суд апелляционной инстанции, руководствуясь п. 3 ст. 245 ГК РФ, обоснованно усмотрел основания для увеличения доли организации в праве на общее имущество.

Вывод суда первой инстанции и арбитражного суда округа о возможности изменения долей в праве общей собственности только при наличии соответствующего соглашения его участников противоречит положениям п. 3 ст. 245 ГК РФ, не предусматривающим такого дополнительного основания для увеличения доли при улучшении общего имущества одним участником с согласия остальных участников. Указанный вывод сделан без учета того, что для изменения доли данная норма предусматривает сам факт выполнения неотделимых улучшений общего имущества одним сосособственником, но при соблюдении порядка пользования общим имуществом, т.е. при согласии на выполнение неотделимых улучшений всеми иными сосособственниками.

Иной подход влечет нарушение прав одного участника общей долевой собственности, за свой счет улучшившего общее имущество с согласия другого участника, имущественная оценка доли которого возросла в результате такого улучшения.

*Определение № 308-ЭС16-10315*

### **Споры, возникающие из обязательственных правоотношений**

**25.** Положения ст. 317<sup>1</sup> ГК РФ не подлежат применению к правам и обязанностям, возникшим из договоров, заключенных до вступления в силу Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ “О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации”.

Обществом и компанией 23 июля 2013 г. заключен договор возмездного оказания услуг. Неисполнение обществом обязанности по оплате оказанных услуг послужило основанием для обращения компании в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании суммы оплаты, процентов в соответствии со ст. 395 ГК РФ и процентов на основании ст. 317<sup>1</sup> ГК РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила данные судебные акты в части взыскания процентов на основании ст. 317<sup>1</sup> ГК РФ и отказала в удовлетворении исковых требований в указанной части по следующим основаниям.

Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ “О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации” (далее — Закон № 42-ФЗ) Кодекс дополнен ст. 317<sup>1</sup> “Проценты по денежному обязательству”. Пунктом 1 названной статьи (в действовавшей с 1 июня 2015 г. до 1 августа 2016 г. редакции) устанавливалось право кредитора по денежному обязательству, сторонами которого являются коммерческие организации, на получение с должника процентов на сумму долга за период пользования денежными средствами, если иное не предусмотрено законом или договором.

Однако в соответствии с разъяснениями, данными в п. 83 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”, положения Гражданского кодекса РФ в измененной Законом № 42-ФЗ редакции, например ст. 317<sup>1</sup> ГК РФ, не применяются к правам и обязанностям, возникшим из договоров, заключенных до дня вступления его в силу (до 1 июня 2015 г.).

Таким образом, к правам и обязанностям, возникшим из заключенного 23 июля 2013 г. договора, ст. 317<sup>1</sup> ГК РФ не подлежала применению, а предусмотренные названной статьей проценты не подлежали взысканию.

*Определение № 305-ЭС16-11179*

**26.** Срок исковой давности по требованию страховщика к перестраховщику о выплате страхового возмещения начинается течь не ранее момента нарушения права по договору перестрахования.

Состраховщики произвели в пользу компании страховые выплаты на основании договора страхования имущества компании.

Риск выплаты в пользу компании состраховщики перестраховали у общества на основании договора перестрахования, а риск своей выплаты в пользу состраховщиков общество перестраховало у фирмы.

Исполнив обязанность по возмещению состраховщикам возникшего убытка, общество потребовало выплаты от фирмы и после получения отказа обратилось в арбитражный суд с иском о ее взыскании.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении искового требования отказано в связи с пропуском истцом срока исковой давности. Суды применили двухгодичный срок исковой давности, установленный ст. 966 ГК РФ, исчислив его с момента выплаты страхового возмещения состраховщиками компании по договору страхования имущества.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила указанные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По общему правилу течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (п. 1 ст. 200 ГК РФ).

Вопреки этому правилу суды признали, что срок исковой давности по спорному требованию начал течь ранее нарушения права общества на возмещение убытков от выплаты страховых возмещений.

Потребовать выплаты фирмой страхового возмещения общество могло только после того, как исполнило свою обязанность страховщика по договору перестрахования, являющемуся в понятии, употребленном в п. 2 ст. 967 ГК РФ, основным договором по отношению к договору перестрахования, заключенному между обществом и фирмой, и понесло расходы по выплате своим страхователям (состраховщикам) соответствующих сумм возмещений.

В целях проверки соблюдения срока исковой давности по требованию о взыскании выплат, заявленных в настоящем иске, имеет значение согласованный по поводу страховой выплаты условиями перестрахования порядок взаимоотношений сторон. В случае согласования в указанных договорах сроков обращения общества за страховой выплатой и реагирования фирмы на такое обращение (посредством осуществления выплаты либо отказа в ней полностью или частично) срок исковой давности исчисляется с применением таких сроков, в отсутствие названных сроков — со дня, установленного законом (п. 2 ст. 200 ГК РФ).

*Определение № 305-ЭС16-10317*

### **Применение положений земельного законодательства и законодательства об охране природы и природопользовании**

**27.** Для отказа в предоставлении земельного участка в собственность по основанию, предусмотренному п. 17 ст. 39<sup>16</sup> Земельного кодекса РФ, достаточно установить, что в соответствии с утвержденными документами территориального планирования и (или) документацией по планировке территории испрашиваемый участок предназначен для размещения объектов федерального значения, объектов регионального значения или объектов местного значения.

Администрация муниципального образования отказала обществу в предоставлении в собственность арендуемого им земельного участка, на котором расположен находящийся в его собственности объект недвижимости. Администрация сослалась на п. 2 ст. 27 Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) и указала на то, что земельный участок входит в зону реконструкции проспекта с целью строительства автомобильной дороги и размещения легкорельсового транспорта.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа администрации незаконным и об обязанности администрации предоставить земельный участок в собственность за плату.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требование общества удовлетворено. Суды исходили из отсутствия оснований, предусмотренных п. 4 ст. 28 ЗК РФ (действовавшей до 1 марта 2015 г.), которые препятствовали бы выкупу земельного участка, поскольку не представлено доказательств того, что спорный участок ограничен в обороте, изъят из оборота либо зарезервирован для государственных нужд.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно подп. 3 п. 5 ст. 39<sup>17</sup> и ст. 39<sup>16</sup> ЗК РФ уполномоченный орган принимает решение об отказе в предоставлении земельного участка при наличии хотя бы одного из оснований, перечисленных в ст. 39<sup>16</sup> ЗК РФ.

По смыслу ст. 39<sup>16</sup> ЗК РФ для отказа в предоставлении участка по основанию, предусмотренному п. 17 данной статьи, достаточно установить, что в соответствии с утвержденными документами территориального планирования и (или) документацией по планировке территории испрашиваемый участок предназначен для размещения объектов федерального значения, объектов регионального значения или объектов местного значения. При этом для отказа в предоставлении не требуется доказательств резервирования этого участка для государственных или муниципальных нужд.

Между тем суды не проверили правомерность отказа администрации с точки зрения положений п. 17 ст. 39<sup>16</sup> ЗК РФ и не исследовали вопрос о том, имелись ли утвержденные по правилам Градостроительного кодекса РФ (далее — ГрК РФ) документы территориального планирования и (или) документация по планировке территории, в соответствии с которыми испрашиваемый участок предназначен (не предназначен) для размещения объектов федерального значения, объектов регионального значения или объектов местного значения, а лишь ограничились констатацией того, что спорный участок не изъят из оборота, не ограничен в обороте и не зарезервирован для государственных или муниципальных нужд.

В ст. 9 ГрК РФ указано, что документы территориального планирования подразделяются на документы территориального планирования Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Документы территориального планирования являются обязательными для органов государственной власти, органов местного самоуправления при принятии ими решений и реализации таких решений.

Согласно чч. 3, 4 и 9 ст. 14 ГрК РФ схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации, являющиеся документами территориального планирования, содержат положения о территориальном планировании и карты планируемого размещения объектов регионального значения, относящихся в том числе к области транспорта (железнодорожного, водного, воздушного транспорта), автомобильных дорог регионального или межмуниципального значения; на картах также отображаются планируемые для размещения объекты федерального значения, объекты регионального значения, объекты местного значения в соответствии с документами территориального планирования Российской Федерации, документами территориального планирования субъектов Российской Федерации, документами территориального планирования муниципальных образований.

Спорный участок расположен в границах муниципального образования — городского округа. В соответствии со ст. 18 ГрК РФ документами территориального планирования муниципальных образований являются схемы территориального планирования муниципальных районов, ге-

неральные планы поселений, генеральные планы городских округов.

Частью 3 ст. 23 ГрК РФ предусмотрено, что генеральный план городского округа содержит: 1) положение о территориальном планировании; 2) карту планируемого размещения объектов местного значения поселения или городского округа; 3) карту границ населенных пунктов (в том числе границ образуемых населенных пунктов), входящих в состав поселения или городского округа; 4) карту функциональных зон поселения или городского округа.

Согласно ч. 5 ст. 23 ГрК РФ на указанных в пп. 2—4 ч. 3 данной статьи картах отображаются в том числе планируемые для размещения автомобильные дороги местного значения; границы и описание функциональных зон с указанием планируемых для размещения в них объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения (за исключением линейных объектов) и местоположения линейных объектов федерального значения, линейных объектов регионального значения, линейных объектов местного значения. К генеральному плану прилагаются материалы по его обоснованию в текстовой форме и в виде карт (ч. 6 ст. 23 ГрК РФ).

В соответствии с приведенными нормами Градостроительного кодекса РФ схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации, генеральные планы городского округа включают карты планируемого размещения объектов с указанием или описанием зон размещения названных объектов, при этом в данных документах не предусмотрено перечисление конкретных земельных участков, попадающих в зоны размещения планируемых объектов.

В материалах дела представлено решение представительного органа муниципального образования, которым утвержден генеральный план муниципального образования. Генеральный план в виде схемы с обозначением, в том числе границ зон планируемого размещения объектов капитального строительства, автомобильных дорог регионального и межмуниципального значения, линий рельсового скоростного пассажирского транспорта (скоростного трамвая), является общедоступным нормативным правовым актом и надлежащим документом территориального планирования.

Суды не исследовали вопрос о том, входит ли спорный участок в границы зон планируемого размещения указанных объектов.

*Определение № 305-КГ16-10498*

**28.** Условие договора аренды лесного участка, заключенного по результатам аукциона, о возможности изменения размера арендной платы пропорционально изменению ставок, устанавливаемых в соответствии со ст. 73 Лесного кодекса РФ, не противоречит действующему законодательству.

В соответствии с условием договора аренды лесного участка, заключенного на 25 лет по итогам аукциона уполномоченным органом субъекта Российской Федерации (арендодатель; далее — управление) и обществом (арендатор), размер арендной платы подлежит изменению пропорционально изменению ставок платы за единицу объема лесных ресурсов, устанавливаемых в соответствии со ст. 73 Лесного кодекса РФ (далее — ЛК РФ).

Ссылаясь на то, что постановлением Правительства РФ в 2015 году установлен повышающий коэффициент к ставкам платы за единицу

объема лесных ресурсов и к ставкам платы за единицу площади лесного участка, в связи с чем размер арендной платы, определенный в договоре аренды, увеличился, управление обратилось в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании задолженности.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении требования управления отказано. Суд пришел к выводу, что указанное условие договора является ничтожным, поскольку спорный договор заключен по итогам аукциона и сформированный на торгах размер арендной платы не может регулироваться органом публичной власти.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, требование управления удовлетворено. Суд исходил из того, что данное условие договора аренды не противоречит действующему законодательству.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции и постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В ч. 6 ст. 79 ЛК РФ содержится императивное правило о том, что организатор аукциона обязан подготовить документацию об аукционе, которая, наряду со сведениями, указанными в извещении о проведении аукциона, должна содержать в том числе проект договора аренды лесного участка или договора купли-продажи лесных насаждений.

Судами установлено и материалами дела подтверждается, что проект договора аренды являлся частью аукционной документации и содержал спорный пункт о применении коэффициента.

Данный пункт соответствовал редакции пункта примерного типового договора, форма которого предусмотрена Порядком подготовки и заключения договора аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, утвержденного приказом Минсельхоза России от 12 февраля 2010 г. № 48 во исполнение ч. 5 ст. 74 ЛК РФ.

Согласно ч. 2 ст. 74 ЛК РФ при заключении договора аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, по результатам аукциона изменение условий аукциона на основании соглашения сторон такого договора или по требованию одной из его сторон не допускается, за исключением случая, предусмотренного ч. 7 ст. 53<sup>7</sup> ЗК РФ.

Таким образом, изменение условий, содержащихся в спорном пункте договора, недопустимо в силу законодательного запрета и исходя из целей аукциона, проведенного для передачи права на заключение договора аренды сроком на 25 лет.

При названных обстоятельствах заключенный сторонами договор содержит соответствующее закону условие о возможности изменения определенного по итогам аукциона размера арендной платы путем корректировки на установленный в нормативном акте соответствующим органом коэффициент к ставкам платы за единицу объема лесных ресурсов и за единицу площади лесного участка, т.е. пропорционально изменению минимальных ставок платы.

*Определение № 303-ЭС15-19719*

## **Практика применения законодательства о защите конкуренции**

**29.** Управляющая организация не может быть признана самостоятельным хозяйствующим субъектом в отношениях по предоставлению в пользование технических помещений многоквартирного дома.

Решением антимонопольного органа управляющая компания признана нарушившей ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” (далее — Закон о защите конкуренции) в части злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением на рынке оказания услуг по управлению многоквартирными домами, в числе которого осуществляется предоставление сооружений для размещения средств связи, включая право на доступ к указанным сооружениям, выразившегося в ущемлении интересов общества в виде неправомерного прекращения доступа к оборудованию связи и предоставления технической возможности использования помещений общей долевой собственности собственников многоквартирных домов, находящихся в управлении этой компании. Компании выдано соответствующее предписание о прекращении нарушения антимонопольного законодательства.

Управляющая компания обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании незаконными указанных решения и предписания.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и удовлетворила заявленные требования по следующим основаниям.

В силу требований ст. 209 ГК РФ только собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц.

Порядок пользования объектами общего имущества многоквартирного дома определен в главе 6 ЖК РФ, где указано, что по решению собственников помещений в многоквартирном доме, принятому на общем собрании, объекты общего имущества в многоквартирном доме могут быть переданы в пользование иным лицам в случае, если это не нарушает права и законные интересы граждан и юридических лиц (ч. 4 ст. 36 ЖК РФ).

В своей деятельности по управлению многоквартирным домом управляющая организация, выступая в качестве самостоятельного хозяйствующего субъекта в отношениях с третьими лицами, тем не менее ограничена законом в пределах реализации прав по пользованию и распоряжению имуществом многоквартирного дома и не вправе самостоятельно принимать решение о возможности доступа, в том числе и организаций связи, к общему имуществу многоквартирного дома.

При рассмотрении данного дела судами было установлено, что собственниками общего имущества указанного многоквартирного дома в рассматриваемый период не принималось решение о размещении оборудования связи общества в местах общего пользования названного здания. Следовательно, управляющая компания, отказывая сотрудникам общества в допуске в технические помещения здания, действовала не как са-

мостоятельный хозяйствующий субъект, а как лицо, представляющее интересы и выражающее волеизъявление собственников имущества многоквартирного дома относительно размещения оборудования третьего лица, что соответствует положениям ст.ст. 44, 138, 144 ЖК РФ. Таким образом, управляющая компания в рассматриваемых правоотношениях не может быть признана самостоятельным хозяйствующим субъектом в смысле, придаваемом этому понятию положениями п. 5 ст. 4, ст. 5 и ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции. Отказ в допуске к общему имуществу многоквартирного дома в отсутствие договора или соответствующего решения общего собрания собственников о предоставлении имущества без заключения договора соответствовал действующему законодательству.

*Определение № 305-КГ16-3100*

**30.** Предписание антимонопольного органа муниципальному казенному учреждению о принятии мер по возврату в казну муниципального образования земельных участков, предоставленных в аренду, не может быть признано недействительным лишь по тому основанию, что спорные земельные участки находятся во владении третьих лиц, при условии, что оспариваемое предписание не содержит властных указаний, адресованных третьим лицам.

Антимонопольным органом вынесено решение, которым муниципальное казенное учреждение признано нарушившим ч. 1 ст. 15 Закона о защите конкуренции в части ограничения прав неопределенного круга лиц, имевших намерение получить в аренду земельные участки. Нарушение выразилось в предоставлении в аренду земельных участков физическому лицу для жилищного строительства без проведения конкурентных процедур ввиду представления одной заявки от данного лица. При этом информационное сообщение о предоставлении земельных участков было опубликовано в газете на татарском языке. Кроме того, антимонопольный орган выдал учреждению предписание о прекращении нарушения путем принятия мер по возврату в муниципальную казну этих земельных участков.

Учреждение обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанных решения и предписания недействительными.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленных требований отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, отменено решение суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении требования о признании недействительным предписания, этот ненормативный правовой акт признан недействительным. Суды исходили из того, что спорные земельные участки были переданы физическим лицом в аренду третьим лицам, многие из которых возвели на них жилые дома, оформив право собственности на данные объекты недвижимости. Вопреки требованиям ст. 50 Закона о защите конкуренции антимонопольный орган не учел эти обстоятельства, что привело к неисполнимости вынесенного ненормативного правового акта.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила в указанной части постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с положениями подп. “а” и “г” п. 3 ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции

антимонопольный орган, в частности, выдает органам местного самоуправления обязательные для исполнения предписания об отмене актов, нарушающих антимонопольное законодательство, а также о совершении действий, направленных на обеспечение конкуренции.

Соответствующие предписания, адресованные органам местного самоуправления, должны быть направлены на реальное восстановление конкурентной среды, претерпевшей негативное воздействие со стороны указанных органов, и обладать признаком исполнимости.

Из материалов дела следует и не оспаривается сторонами, что предписание антимонопольного органа, вынесенное в отношении учреждения о прекращении нарушения положений Закона о защите конкуренции путем принятия мер по возврату в муниципальную казну предоставленных в аренду земельных участков, не содержит властных распорядительных указаний, адресованных третьим лицам, об освобождении участков и их возврате.

Учитывая, что между публичным образованием в лице учреждения и физическим лицом, заключившими договоры аренды земельных участков, возникли обязательственные отношения по поводу владения и пользования земельными участками, регулируемые Гражданским и Земельным кодексами РФ, в рамках исполнения предписания антимонопольного органа учреждение вправе использовать претензионный порядок урегулирования спора либо обратиться в суд с гражданско-правовым требованием о признании договоров недействительными и применении последствий их недействительности.

Аналогичным образом предписание не препятствует обращению третьих лиц, считающих себя добросовестными арендаторами, приобретателями, потерпевшими от неправомерных действий учреждения, с соответствующими требованиями в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, предписание не нарушает права и законные интересы учреждения и третьих лиц, вынесено в пределах полномочий, предоставленных антимонопольному органу положениями Закона о защите конкуренции.

*Определение № 306-КГ16-10230*

### **Практика применения законодательства о налогах и сборах, обязательных страховых взносах во внебюджетные фонды**

**31.** Факт неисполнения поставщиком обязанности по уплате налогов сам по себе не может являться основанием для возложения негативных последствий на налогоплательщика, проявившего должную осмотрительность при выборе контрагента, при условии реального исполнения заключенной сделки.

Решением налогового органа общество привлечено к налоговой ответственности, ему доначислены налог на прибыль организаций, налог на добавленную стоимость (далее — НДС), соответствующие пени и штрафы. Налоговый орган исходил из того, что общество получило необоснованную налоговую выгоду за счет уменьшения налогооблагаемой прибыли на расходы по приобретению товара у компании, которая не имела в своем распоряжении управленческого, технического персонала, основных средств и производственных активов, складских помещений и транспортных средств, необходимых для осуществления поставки.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным указанного решения налогового органа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление общества удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении заявления общества отказано. Суд согласился с доводами налогового органа о том, что операции по поставке товара не могли действительно исполняться поставщиком.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 252, ст. 313, п. 2 ст. 171 и п. 1 ст. 172 Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ) условием признания понесенных организацией расходов при исчислении налога на прибыль организаций и применения вычетов по НДС является действительное совершение хозяйственных операций, в связи с которыми налогоплательщиком заявлены расходы и применены налоговые вычеты.

При оценке соблюдения данных требований Налогового кодекса РФ необходимо учитывать, что законодательство о налогах и сборах исходит из презумпции добросовестности налогоплательщика и иных участников правоотношений в сфере экономики.

Соответственно, на налоговом органе, оспаривающем реальность совершенных налогоплательщиком операций и обоснованность полученной в связи с этим налоговой выгоды, лежит бремя доказывания обстоятельств, которые могут свидетельствовать о невозможности осуществления спорных операций с учетом времени, места нахождения имущества или объема материальных ресурсов, экономически необходимых для производства товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Делая вывод о получении обществом необоснованной налоговой выгоды, суд округа отметил, что в ходе выездной налоговой проверки единственный производитель марки угля, являвшегося предметом сделки, отрицал поставку угля как самому налогоплательщику, так и лицам, которые в соответствии с банковской выпиской поставляли уголь данной организации.

Однако противоречия в доказательствах, подтверждающих последовательность товародвижения от изготовителя к налогоплательщику, но не опровергающих сам факт поступления товара налогоплательщику, равно как и факты неисполнения соответствующими участниками сделок (поставщиками первого, второго и более дальних звеньев по отношению к налогоплательщику) обязанности по уплате налогов сами по себе не могут являться основанием для возложения соответствующих негативных последствий на налогоплательщика, выступившего покупателем товаров.

Налоговая выгода может быть признана необоснованной, если налоговым органом будет доказано, что налогоплательщик действовал без должной осмотрительности и осторожности и ему должно было быть известно о нарушениях, допущенных контрагентом.

В частности, налоговый орган вправе приводить аргументы о том, что налогоплательщик исходил лишь из коммерческой привлекательности сделки и не оценил деловую репутацию, платежеспособность контрагента, риск неисполнения им обязательств, наличие у него необходимых ресурсов. Налогоплательщик может дать объяснения тому, какие соответствующие деловому обороту критерии учитывались им при выборе контрагента, доказывать свою осведомленность о том, каким образом (за счет каких ресурсов, с привлечением каких соисполнителей и т.п.) должен был исполняться договор.

Как следует из материалов настоящего дела и установлено судами первой и апелляционной инстанций, при заключении договора общество исходило из сведений о возможности и способе поставки, сообщенных уполномоченными представителями третьих лиц, привлеченных к хозяйственной операции компаний. В связи с этим у общества отсутствовали основания для сомнений в том, что исполнение заключенного договора будет осуществляться компанией. Цена поставки соответствовала рыночному уровню, что при отсутствии иных доказательств позволяет сделать вывод о вступлении общества в отношения с компанией на обычных условиях.

При этом налоговый орган привел только доказательства движения денежных средств по счетам компании и ее контрагентов последующих звеньев, не установив признаки сопричастности общества к получению необоснованной налоговой выгоды.

*Определение № 305-КГ16-10399*

**32.** Доначисление прямых налогов по результатам выездной налоговой проверки в целях правильного определения размера налоговых обязательств влечет необходимость уменьшения налоговым органом налоговой базы по налогу на прибыль на указанные суммы при условии, что проверка правильности исчисления налога на прибыль входила в предмет выездной налоговой проверки.

По результатам выездной налоговой проверки налоговым органом составлен акт и вынесено решение о привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения, которым обществу доначислен налог на прибыль организаций и налог на добычу полезных ископаемых (далее — НДПИ).

Полагая, что налоговый орган при определении налоговой базы по налогу на прибыль организаций неправомочно не учел сумму доначисленного НДПИ, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным указанного решения в части доначисления налога на прибыль организаций.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленное требование удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении требования общества отказано. Суд исходил из того, что налоговый орган не вправе в рамках той же налоговой проверки включать доначисленные налоги в состав прочих расходов на основании ст. 264 НК РФ.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановле-

ние суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

По смыслу ст. 89 НК РФ налоговый орган, завершив выездную налоговую проверку, должен обладать всей полнотой информации о налоговых последствиях финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика, осуществленной в проверенном периоде (включая сведения о доходах и расходах по соответствующим налогам). Следовательно, доначислив по результатам выездной налоговой проверки НДС, налоговый орган в силу положений подп. 1 п. 1 ст. 264, подп. 1 п. 7 ст. 272 НК РФ был обязан уменьшить налоговую базу по налогу на прибыль организаций на сумму доначисленного НДС, если налог на прибыль организаций входил в предмет выездной налоговой проверки (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 июля 2010 г. № 17152/09).

*Определение № 305-КГ16-10138*

**33.** К земельным участкам, исключенным из объектов налогообложения земельным налогом, относятся ограниченные в обороте, предоставленные для обеспечения деятельности в области обороны и безопасности земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности.

Решением налогового органа обществу доначислен земельный налог, соответствующие пени и штрафы. Налоговый орган исходил из того, что общество необоснованно заявило льготу по земельному налогу, поскольку спорный земельный участок не отвечает требованиям подп. 3 п. 2 ст. 389 НК РФ.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанного решения незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено. Суды исходили из того, что спорный земельный участок является частью имущества, переданного обществу в порядке приватизации совместно с расположенным на нем имуществом, которое предназначено для осуществления деятельности в сфере обороны и безопасности. Основным видом деятельности общества является деятельность, связанная с обеспечением военной безопасности. Спорный земельный участок не был отражен в качестве объекта налогообложения по земельному налогу со ссылкой на подп. 3 п. 2 ст. 389 НК РФ, так как фактически относится к ограниченному в обороте, поскольку используется для обеспечения нужд обороны, следовательно, не является объектом налогообложения по земельному налогу.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции и постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и отказала в удовлетворении требования общества по следующим основаниям.

В соответствии со ст.ст. 388—390 НК РФ плательщиками земельного налога признаются организации и физические лица, обладающие земельными участками на праве собственности, праве постоянного (бессрочного) пользования или праве пожизненного наследуемого владения.

Подп. 3 п. 2 ст. 389 НК РФ (в редакции, действовавшей в спорный период) определено, что не признаются объектом налогообложения земельным налогом земельные участки, ограниченные в обороте в соответствии с законодатель-

ством Российской Федерации, предоставленные для обеспечения обороны, безопасности и таможенных нужд.

В силу подп. 5 п. 5 ст. 27 ЗК РФ ограничиваются в обороте находящиеся в государственной или муниципальной собственности земельные участки, предоставленные для обеспечения обороны и безопасности, оборонной промышленности, таможенных нужд.

При этом необходимо учитывать положения п. 2 ст. 27 ЗК РФ, согласно которому земельные участки, отнесенные к землям, изъятым из оборота, не могут предоставляться в частную собственность, а также быть объектами сделок, предусмотренных гражданским законодательством.

В соответствии с п. 1 ст. 93 ЗК РФ землями обороны и безопасности признаются земли, которые используются или предназначены для обеспечения деятельности Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, организаций, предприятий, учреждений, осуществляющих функции по вооруженной защите целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, защите и охране Государственной границы Российской Федерации, информационной безопасности, другим видам безопасности в закрытых административно-территориальных образованиях, и права на которые возникли у участников земельных отношений по основаниям, предусмотренным данным Кодексом, федеральными законами.

Таким образом, действующим законодательством установлена следующая совокупность необходимых условий для исключения земельных участков из объектов налогообложения земельным налогом на основании подп. 3 п. 2 ст. 389 НК РФ: во-первых, нахождение земельных участков в статусе ограниченных в обороте; во-вторых, предоставление данных земельных участков для обеспечения деятельности в области обороны и безопасности.

С учетом приведенных положений ст.ст. 27, 93 ЗК РФ таким требованиям соответствуют только земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности.

*Определение № 302-КГ16-11762*

**34.** Выплаты работникам на случай расторжения трудового договора по соглашению сторон, установленные коллективным договором или трудовым договором, не подлежат включению в базу, облагаемую страховыми взносами.

Решением управления Пенсионного фонда РФ (далее — пенсионный фонд) общество привлечено к ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 47 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ “О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования” (далее — Закон № 212-ФЗ). Основанием для принятия указанного решения послужили выводы о занижении базы страховых взносов в результате неправомерного исключения из облагаемой страховыми взносами базы компенсационных выплат, произведенных работникам при расторжении трудового договора по соглашению сторон.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанного решения незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелля-

ционной инстанции, заявленное требование удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении заявленного требования отказано. Суд исходил из того, что в силу прямого указания п. 2 ч. 1 ст. 9 Закона № 212-ФЗ (в редакции, действовавшей в проверяемый период) не облагаются страховыми взносами только те компенсационные выплаты, связанные с увольнением работников (кроме компенсации за неиспользованный отпуск), которые прямо установлены законодательством Российской Федерации, законодательными актами субъектов Российской Федерации, решениями представительных органов местного самоуправления (в пределах норм, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации). Указанный перечень является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Выплата работникам каких-либо компенсаций в случае расторжения трудового договора по соглашению сторон, нормы и размер такой выплаты законодательными актами Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или решениями представительных органов местного самоуправления не предусмотрены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Несмотря на то, что установленный главой 27 ТК РФ перечень гарантий и компенсаций, подлежащих выплате работникам при расторжении трудового договора, не включает такие выплаты, как выходное пособие в связи с расторжением трудового договора по соглашению сторон, ч. 4 ст. 178 ТК РФ позволяет работодателю трудовым договором или коллективным договором определять другие случаи выплат выходных пособий, а также устанавливать повышенные размеры выходных пособий.

В соответствии с подп. “д” п. 2 ч. 1 ст. 9 Закона № 212-ФЗ (в редакции, действовавшей в проверяемые периоды) не подлежали обложению страховыми взносами для плательщиков страховых взносов, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 5 Закона № 212-ФЗ, все виды установленных законодательством Российской Федерации, законодательными актами субъектов Российской Федерации, решениями представительных органов местного самоуправления компенсационных выплат (в пределах норм, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации), связанных с увольнением работников, за исключением компенсации за неиспользованный отпуск.

Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 188-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования”, вступившим в силу с 1 января 2015 г., в подп. “д” п. 2 ч. 1 ст. 9 Закона № 212-ФЗ были внесены изменения, согласно которым не подлежат обложению страховыми взносами для плательщиков страховых взносов, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 5 Закона № 212-ФЗ, все виды установленных законодательством Российской Федерации, законодательными актами субъектов Российской Федерации, решениями представительных органов местного самоуправления компенсационных

выплат (в пределах норм, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации), связанных с увольнением работников, за исключением: компенсации за неиспользованный отпуск; суммы выплат в виде выходного пособия и среднего месячного заработка на период трудоустройства в части, превышающей в целом трехкратный размер среднего месячного заработка или шестикратный размер среднего месячного заработка для работников, уволенных из организаций, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях; компенсации руководителю, заместителю руководителя и главному бухгалтеру организации в части, превышающей трехкратный размер среднего месячного заработка.

Следовательно, суммы выплат в виде выходного пособия и среднего месячного заработка на период трудоустройства в части, не превышающей в целом трехкратный размер среднего месячного заработка или шестикратный размер среднего месячного заработка для работников, уволенных из организаций, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, не подлежат обложению страховыми взносами.

В пояснительной записке к проекту Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 188-ФЗ сказано, что законопроектом предусматривается уточнить нормы Закона № 212-ФЗ, установив ограничение на освобождение от обложения страховыми взносами сумм выходного пособия и среднего месячного заработка при увольнении на период трудоустройства, а также компенсации при увольнении руководителю, заместителю руководителя и главному бухгалтеру организации. Законодатель, принимая Закон в таком виде, исходил из того, что выплаты, установленные в коллективных или трудовых договорах в соответствии с трудовым законодательством, следует рассматривать как выплаты, установленные законодательством Российской Федерации, а потому подлежащие освобождению от обложения страховыми взносами. При этом до 1 января 2015 г. это не зависело от сумм таких выплат.

Таким образом, выплачиваемое работнику при расторжении трудового договора по соглашению сторон выходное пособие, предусмотренное коллективным договором и дополнительными соглашениями к трудовым договорам, которые являются неотъемлемой частью трудовых договоров, в качестве дополнительной гарантии и компенсации при увольнении, является компенсационной выплатой при увольнении, установленной законодательством Российской Федерации.

Учитывая изложенное, спорные выплаты подпадают под действие подп. “д” п. 2 ч. 1 ст. 9 Закона № 212-ФЗ (в редакции, действовавшей в проверяемых периодах) и не подлежат включению в базу, облагаемую страховыми взносами.

*Определение № 304-КГ16-12189*

### **Практика применения бюджетного законодательства**

**35.** Финансирование расходов на предоставление жилых помещений в соответствии с п. 5 ст. 14 Федерального закона от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ “О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации” осуществляется за счет средств федерального бюджета, поскольку данная льгота установлена федеральным законодательством, однако порядок компенсации соответствующих расходов либо их

компенсации за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации не определен.

Администрация муниципального образования (далее — администрация) обратилась в арбитражный суд с иском к Российской Федерации в лице Минфина России (далее — министерство) и Управления федерального казначейства по субъекту Российской Федерации о взыскании за счет казны Российской Федерации убытков, причиненных бюджету муниципального образования в связи с предоставлением квартиры гражданину в целях соблюдения его жилищных прав.

Квартира была предоставлена гражданину на основании решения суда, поскольку он был признан нуждающимся в улучшении жилищных условий как лицо, страдающее заболеванием (туберкулезом), входящим в Перечень тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире, утвержденный постановлением Правительства РФ от 16 июня 2006 г. № 378.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении искового требования отказано. Суды исходили из того, что соответствующее финансирование относится к расходным обязательствам субъекта Российской Федерации.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и удовлетворила исковое требование по следующим основаниям.

Постановлением от 24 декабря 2013 г. № 30-П Конституционный Суд РФ признал п. 5 ст. 14 Федерального закона от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в силу своей нормативной неопределенности он не позволяет точно, ясно и недвусмысленно установить принадлежность конкретному уровню публичной власти полномочия по внеочередному предоставлению отдельных жилых помещений гражданам, больным заразными формами туберкулеза.

В Определении от 15 января 2015 г. № 2-О-Р Конституционный Суд РФ разъяснил некоторые аспекты ранее принятого им Постановления от 24 декабря 2013 г. № 30-П, указав, что абз. 6 п. 3.4 мотивировочной части данного Постановления не может рассматриваться как позволяющий возлагать на органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления обязанность по осуществлению полномочия по внеочередному предоставлению отдельных жилых помещений гражданам, больным заразными формами туберкулеза, и обязанности по выделению необходимых для его осуществления материальных и финансовых средств за счет собственных средств субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Действовавшим в спорный период законодательством субъекта Российской Федерации финансирование мер социальной поддержки лицам, находящимся под диспансерным наблюдением в связи с туберкулезом, и больных туберкулезом не было отнесено к расходным обязательствам этого субъекта Российской Федерации. Таким образом, затраты на предоставление жилья льготной категории граждан, предусмотренной Федеральным законом от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ “О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации”, не должны компенсироваться за счет средств субъекта Российской Федерации.

Учитывая, что льгота по предоставлению жилой площади лицам, страдающим заразными формами туберкулеза, предусмотрена федеральным законодательством, а также то, что порядок компенсации предоставленных льгот на федеральном уровне не установлен и компенсация расходов на обеспечение жильем лиц, страдающих заразными формами туберкулеза, не предусмотрена за счет средств субъекта Российской Федерации, финансирование расходов на предоставление жилых помещений должно осуществляться за счет средств федерального бюджета.

*Определение № 309-ЭС16-8490*

## Процессуальные вопросы

36. При объединении требований, отличающихся порядком рассмотрения (главы 24 и 25 АПК РФ), арбитражный суд округа должен рассматривать кассационную жалобу на судебные акты в полном объеме, не ограничиваясь указаниями, содержащимися в ч. 5<sup>1</sup> ст. 211 АПК РФ.

Определением суда первой инстанции были объединены в одно производство дела по заявлению общества о признании недействительным решения антимонопольного органа о нарушении антимонопольного законодательства и по заявлению общества о признании незаконным постановления антимонопольного органа о назначении административного наказания по делу об административном правонарушении.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Определением арбитражного суда округа производство по кассационной жалобе антимонопольного органа на указанные судебные акты прекращено на основании ч. 4 ст. 288 АПК РФ.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила определение арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд округа по следующим основаниям.

В силу ч. 5<sup>1</sup> ст. 211 АПК РФ решение по делу об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности, если за совершение административного правонарушения законом установлено административное наказание только в виде предупреждения и (или) в виде административного штрафа и размер назначенного административного штрафа не превышает для юридических лиц сто тысяч рублей, для индивидуальных предпринимателей пять тысяч рублей, может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции. Такое решение, если оно было предметом рассмотрения в арбитражном суде апелляционной инстанции, и постановление арбитражного суда апелляционной инстанции, принятое по данному делу, могут быть обжалованы в арбитражный суд кассационной инстанции только по основаниям, предусмотренным ч. 4 ст. 288 АПК РФ.

При этом взаимосвязь заявленных требований об оспаривании вынесенных антимонопольными органами решений, предписаний и постановлений о привлечении к административной ответственности обусловлена установлением фактов нарушений антимонопольного законодательства Российской Федерации, что в соответствии с названным Кодексом позволяет рассматривать эти требования в рамках одного судебного

дела (определение Верховного Суда РФ от 17 февраля 2016 г. № 305-АД15-10488).

Кроме того, как следует из правовой позиции, изложенной в определении Верховного Суда РФ от 29 октября 2015 г. № 308-АД15-8027, учитывая, что производство в арбитражном суде округа является одной из гарантий законности судебных решений и для таких дел, как оспаривание решений антимонопольного органа, служит обычной (ординарной) стадией обжалования, предназначенной для устранения возможных ошибок, выразившихся в неправильном применении судами норм права, повлиявших на исход дела, исключение этой стадии препятствует реализации заинтересованной стороной конституционного права на судебную защиту.

Объединение требований, отличающихся порядком рассмотрения (главы 24 и 25 АПК РФ), не является основанием для не предусмотренного законом уменьшения объема названных гарантий.

Соответственно, при объединении требований, отличающихся порядком рассмотрения, арбитражный суд округа должен рассматривать кассационную жалобу на судебные акты в полном объеме, не ограничиваясь указаниями, содержащимися в ч. 5<sup>1</sup> ст. 211 АПК РФ.

*Определение № 306-АД16-11718*

**37.** В случае пропуска арбитражным управляющим срока на обжалование судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, суд вправе восстановить этот срок с учетом того, когда подавшее жалобу лицо узнало или должно было узнать о нарушении соответствующих прав и законных интересов.

Решением суда первой инстанции от 24 августа 2015 г. удовлетворены требования компании к обществу о взыскании долга по договору подряда.

Временный управляющий обществом 20 февраля 2016 г. обратился в суд апелляционной инстанции с жалобой на указанное решение, одновременно ходатайствуя о восстановлении пропущенного срока на обжалование судебного акта.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, апелляционная жалоба возвращена временному управляющему на основании п. 3 ч. 1 ст. 264 АПК РФ, поскольку заявитель нарушил установленный законом срок на подачу апелляционной жалобы.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила определение суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В силу ч. 2 ст. 259 АПК РФ срок подачи апелляционной жалобы, пропущенный по причинам, не зависящим от лица, обратившегося с такой жалобой, в том числе в связи с отсутствием у него сведений об обжалуемом судебном акте, по ходатайству указанного лица может быть восстановлен арбитражным судом апелляционной инстанции при условии, что ходатайство подано не позднее чем через шесть месяцев со дня принятия решения или если ходатайство подано лицом, указанным в ст. 42 АПК РФ, со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о нарушении его прав и законных интересов обжалуемым судебным актом.

Вместе с тем, поскольку с апелляционной жалобой на состоявшееся решение суда первой инстанции обратился временный управляющий,

необходимо было принять во внимание положение Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 “О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве”, которым было разъяснено о праве конкурсных кредиторов и арбитражного управляющего на обжалование судебных актов, на основании которых кредиторы заявляют свои требования к должнику в деле о банкротстве.

В п. 24 названного постановления разъяснено, что если конкурсные кредиторы полагают о нарушении их прав и законных интересов судебным актом, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование (в частности, если они считают, что оно является необоснованным по причине недостоверности доказательств либо ничтожности сделки), то на этом основании они, а также арбитражный управляющий вправе обжаловать в общем установленном процессуальным законодательством порядке указанный судебный акт.

В данном пункте также указано, что в случае пропуска ими срока на его обжалование суд вправе его восстановить с учетом того, когда подавшее жалобу лицо узнало или должно было узнать о нарушении его прав и законных интересов. Копия такой жалобы направляется ее заявителем представителю собрания (комитета) кредиторов (при его наличии), который также извещается судом о рассмотрении жалобы. Все конкурсные кредиторы, требования которых заявлены в деле о банкротстве, а также арбитражный управляющий вправе принять участие в рассмотрении жалобы, в том числе представить новые доказательства и заявить новые доводы.

Как следует из материалов дела, временный управляющий ссылался на указанные разъяснения, содержащиеся в п. 24 вышеуказанного постановления, как в обоснование ходатайства о восстановлении пропущенного срока на подачу апелляционной жалобы, так и в кассационной жалобе на определение суда апелляционной инстанции.

Право конкурсного кредитора и арбитражного управляющего обжаловать судебный акт, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование конкурсного кредитора, является правовым механизмом, обеспечивающим право на судебную защиту лиц, не привлеченных к участию в деле, в том числе тех, чьи права и обязанности обжалуемым судебным актом непосредственно не затрагиваются. Данный механизм обеспечивает право на справедливое судебное разбирательство в целях наиболее полной его реализации и подразумевает наличие у лица, обращающегося с соответствующей жалобой по делу, в котором оно до этого не принимало участия, права представить новые доказательства и заявить новые доводы в обоснование своей позиции по спору.

Приведенные разъяснения, изложенные в п. 24 постановления Пленума от 22 июня 2012 г. № 35, судами при разрешении вопроса о восстановлении срока на подачу апелляционной жалобы арбитражного управляющего, который не участвовал при рассмотрении дела и имел право оспорить судебный акт, на основании которого истец обратился о включении в реестр требований кредиторов, не были применены. Доводы заявителя со ссылкой на дату, когда он узнал о состоявшемся судебном акте, не были рассмотрены должным образом.

*Определение № 307-ЭС16-9987*

**38.** Заявителю не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного

процессуального срока на подачу жалобы в случае, если срок им был пропущен ввиду нарушения процессуальных сроков судом.

Решением суда первой инстанции от 27 мая 2016 г. обществу отказано в удовлетворении исковых требований к компании.

Общество 8 июня 2016 г. обратилось в суд апелляционной инстанции с апелляционной жалобой на решение суда первой инстанции, которая содержала ходатайство о предоставлении отсрочки уплаты государственной пошлины сроком на шесть месяцев.

Определением от 28 июня 2016 г. суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении ходатайства о предоставлении отсрочки уплаты государственной пошлины и возвратил апелляционную жалобу общества на основании ч. 1 ст. 264 АПК РФ.

Общество 14 июля 2016 г. повторно обратилось в суд апелляционной инстанции с апелляционной жалобой, а также с ходатайством о восстановлении пропущенного процессуального срока на обжалование судебного акта. Общество ссылалось на то, что первоначальная апелляционная жалоба была возвращена судом апелляционной инстанции 28 июня 2016 г., по истечении месячного срока на подачу апелляционной жалобы, который истек 27 июня 2016 г.

Определением от 27 июля 2016 г. суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока и возвратил апелляционную жалобу заявителю на основании п. 3 ч. 1 ст. 264 АПК РФ.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда апелляционной инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила определение суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

При разрешении ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу апелляционной жалобы суд апелляционной инстанции не учел, что указанный срок истек 27 июня 2016 г., т.е. еще в период разрешения вопроса о возможности принятия судом первоначальной апелляционной жалобы к производству, срок рассмотрения которой был нарушен самим судом (с 8 июня по 28 июня 2016 г.).

Своевременное рассмотрение судом апелляционной инстанции вопроса о принятии апелляционной жалобы к производству в пятидневный срок, как это установлено ч. 1 ст. 261 АПК РФ, могло позволить заявителю подать повторную апелляционную жалобу в пределах оставшегося для этого процессуального срока. В этом случае обоснование уважительности причин пропуска срока на подачу апелляционной жалобы для заявителя не являлось бы необходимым.

При оценке уважительности причин пропуска срока необходимо учитывать все конкретные обстоятельства, в том числе добросовестность заинтересованного лица, реальность сроков совершения им процессуальных действий, характер причин, не позволивших лицу, участвующему в деле, обратиться в суд в пределах установленного законом срока, наличие иных причин, повлиявших на пропуск срока.

*Определение № 302-ЭС16-14326*

## СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

### Вопросы квалификации

**39. Незаконный сбыт наркотических средств следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств независимо от их фактического получения приобретателем.**

Согласно приговору осужденный Х. вступил с неустановленным лицом в сговор о незаконном сбыте Ю. наркотических средств в особо крупном размере. Во исполнение задуманного Х. договорился с Ю. об условиях сбыта наркотических средств, их количестве, стоимости, а также о передаче ему денежных средств.

17 декабря 2015 г. во время встречи Ю. отдал Х. денежные средства, которые тот передал неустановленному лицу, получив взамен сумку с наркотическими средствами. После этого Х. поставил сумку с указанными средствами в автомобиль Ю., и при выезде с места встречи Х. и Ю. были задержаны сотрудниками правоохранительных органов, а наркотические средства изъяты.

По приговору действия Х. квалифицированы по ч. 5 ст. 228<sup>1</sup> УК РФ.

В апелляционных жалобах осужденный и его адвокат просили приговор изменить, переквалифицировать действия Х. на ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228<sup>1</sup> УК РФ. Указывали, что наркотическое средство не перешло в распоряжение покупателя, поскольку для получения в собственность наркотического средства необходимо было выполнить ряд действий: проверить наркотики, взвесить их и произвести окончательный расчет.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения, жалобы без удовлетворения.

Как установлено судом, Х. вступил в сговор с неустановленным лицом и согласно отведенной ему роли вел переговоры с покупателем наркотических средств Ю., обсуждал условия сбыта и оплаты наркотических средств, получал денежные средства и переводил их на расчетный счет соучастника, поддерживал связь с неустановленным лицом и контролировал передачу наркотических средств от лица, доставившего их на территорию России, Ю.

По смыслу закона под незаконным сбытом наркотических средств следует понимать любые способы их возмездной либо безвозмездной передачи другим лицам (продажу, дарение, обмен, уплату долга, дачу взаймы и т.д.).

Судом обоснованно указано, что уголовный закон не связывает момент окончания данного преступления с проверкой покупателем наркотических средств, их оплатой, окончательным расчетом и т.д. Преступление считается оконченным с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче наркотических средств приобретателю.

Из приговора усматривается, что неустановленное лицо в соответствии с распределением ролей передало наркотические средства приобретателю Ю., и указанные средства фактически оказались во владении и распоряжении покупателя.

При таких обстоятельствах суд с учетом характера действий осужденного пришел к правильному выводу о квалификации его действий как оконченного преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 228<sup>1</sup> УК РФ.

*Определение № 50-АПУ16-22*

## Процессуальные вопросы

40. При наличии противоречивого и неясного вердикта присяжных заседателей председательствующий должен указать на это обстоятельство коллегии присяжных заседателей и предложить им возвратиться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист.

Установлено, что С., находясь на станции технического обслуживания, считая, что его автомобилем воспользовались К. и Ф., в результате чего автомобиль был поврежден, на почве личных неприязненных отношений избил последних. Затем С. вместе с К. и Ф. выехали с территории станции в лесной массив, где С. продолжил избивание потерпевших. Увидев в руке К. нож, С., считая, что тот может нанести удар, защищаясь, выхватил нож и нанес им К. удары, причинив ему телесные повреждения, повлекшие его смерть. После этого С. этим же ножом нанес удары Ф., причинив телесные повреждения, также повлекшие его смерть.

При этом С. нанес К. не менее 12 ударов ножом, а Ф. — не менее 26. Смерть потерпевших наступила в результате множественных колото-резаных ран на месте происшествия.

По приговору суда, постановленному с участием присяжных заседателей, С. осужден по ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Государственный обвинитель в апелляционном представлении просил приговор изменить ввиду противоречивости и неясности вердикта и квалифицировать действия осужденного по п. “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство двух лиц.

Осужденный С. в апелляционной жалобе также просил приговор изменить и квалифицировать все его действия по ч. 1 ст. 108 УК РФ как убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. По мнению осужденного, председательствующий судья квалифицировал его действия вопреки обстоятельствам, установленным вердиктом коллегии присяжных заседателей и приговором суда.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор и уголовное дело передала на новое судебное рассмотрение в тот же суд, но иным составом суда со стадии судебного разбирательства по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 345 УПК РФ вердикт должен быть ясным и непротиворечивым.

В соответствии с ч. 3 ст. 348 УПК РФ (обязательность вердикта) председательствующий квалифицирует содеянное подсудимым в соответствии с обвинительным вердиктом, а также установленными судом обстоятельствами, не подлежащими установлению присяжными заседателями и требующими собственно юридической оценки.

Указанные нормы уголовно-процессуального закона по данному делу судом первой инстанции нарушены.

Вопросы № 2 и № 5 о доказанности совершения деяния подсудимым сформулированы с приведением одних и тех же обстоятельств дела, но в первом случае обстоятельства изложены по версии обвинения, а во втором — по версии защиты. В результате при ответах на эти вопросы присяжные заседатели признали одни и те же деяния доказанными и недоказанными.

Так, отвечая на вопрос № 2, “доказано ли, что 7 декабря 2014 г. около 14 час. 39 мин., С., узнав о повреждении принадлежащего ему автомобиля, который вместе с ключами он оставил на станции

технического обслуживания, прибыл на указанную станцию и, находясь там, считая, что его автомобилем воспользовались К. и Ф., в результате чего повредили автомобиль, из неприязненных отношений к последним стал наносить им удары руками в область головы и туловища. Продолжая выяснять обстоятельства повреждения автомобиля, около 17 час. 19 мин. С. указал К. и Ф. сесть в автомобиль, которым управлял его родственник и на котором все они выехали с территории станции на участок местности, расположенный в лесном массиве в сторону автомобильной дороги федерального значения и на расстоянии около 150 метров от автобусной остановки “Дачная”. Выйдя из автомобиля, С. продолжил наносить удары К. и Ф.”, присяжные заседатели ответили: “Нет, не доказано”.

В то же время при ответе на вопрос № 5 (“альтернативный”) эти же самые обстоятельства присяжными заседателями признаны доказанными.

В вопросе № 2 также спрашивалось, доказано ли, что С. ножом нанес К. и Ф. ранения, от которых наступила смерть каждого из них, на что присяжные ответили отрицательно.

В то же время, отвечая на вопрос № 5 (“альтернативный”), присяжные заседатели признали доказанным нанесение С. ножевых ранений К. и Ф., в результате чего наступила их смерть.

Таким образом, вердикт присяжных заседателей в этой части является противоречивым, что не позволяет квалифицировать действия подсудимого на основании данного вердикта.

*Определение № 18-АПУ16-18СП*

41. Автомобиль, с помощью которого перемещались оборудование, препараты и произведенное наркотическое средство, принадлежащий на праве собственности лицу, осужденному за совершение преступления, предусмотренного ст. 228<sup>1</sup> УК РФ, обоснованно признан средством совершения преступления и конфискован.

М. и Р. признаны виновными в том, что в составе организованной группы занимались незаконным производством и сбытом наркотических средств в особо крупном и крупном размере, а также приговорением к незаконному сбыту наркотических средств в особо крупном размере.

По приговору М. и Р. осуждены по ч. 5 ст. 228<sup>1</sup>, пп. “а”, “г” ч. 4 ст. 228<sup>1</sup> и ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228<sup>1</sup> УК РФ.

Согласно указанному приговору автомобиль, принадлежащий осужденному М., конфискован и обращен в доход государства на основании п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ и п. “г” ч. 1 ст. 104<sup>1</sup> УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор в части решения вопроса о конфискации без изменения, поскольку судом установлено, что указанный автомобиль использовался М. для приобретения и перевозки оборудования и препаратов, необходимых при производстве наркотических средств, а также для перевозки самих незаконно произведенных наркотических средств.

*Определение № 56-АПУ16-25*

## СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

42. В договоре дарения может быть обусловлено право дарителя отменить дарение в случае, если он переживет одаряемого.

Право собственности дарителя на объект недвижимости, являвшийся предметом такого договора, может быть зарегистрировано в установленном законом порядке, если воля дарителя на отмену дарения в связи со смертью одаряемого выражена в заявлении, поданном непосредственно в уполномоченный орган, и к этому заявлению приложены договор дарения, содержащий соответствующее условие, а также свидетельство о смерти одаряемого.

Между С. (даритель) и К. (одаряемый) заключен договор дарения комнаты, расположенной в трехкомнатной квартире, принадлежащей С. на праве собственности. Согласно условиям этого договора даритель вправе отменить договор дарения в случае, если он переживет одаряемого. В случае отмены договора дарения подаренная комната возвращается в собственность дарителя, если она сохранилась в натуре к моменту отмены договора дарения.

Право собственности К. зарегистрировано в установленном законом порядке.

Вскоре после этого К. умер.

С. обратилась в уполномоченный орган с заявлением о государственной регистрации ее права собственности на комнату, являвшуюся предметом договора дарения, приложив этот договор, свидетельство о государственной регистрации права собственности К., свидетельство о смерти К., квитанцию об уплате государственной пошлины.

Уполномоченным органом государственная регистрация права собственности С. была приостановлена в связи с непредставлением документов, подтверждающих основание для регистрации права собственности в связи с отменой дарения.

С. представила в уполномоченный орган заявление, содержащее просьбу на основании условий договора дарения зарегистрировать за ней право собственности на комнату в связи со смертью одаряемого.

Решением уполномоченного органа С. отказано в государственной регистрации права собственности в связи с тем, что к заявлению о государственной регистрации права не приложен документ, подтверждающий отмену дарения.

С. оспорила это решение в суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано. При этом суды исходили из того, что договор дарения комнаты совершен в простой письменной форме, в связи с чем документ, подтверждающий отмену дарения, также должен быть составлен в письменной форме, тогда как заявление С., поданное в уполномоченный орган, таким документом не является. Административный истец не лишен возможности вновь обратиться с заявлением о государственной регистрации права, приложив в том числе составленный в письменной форме документ об отмене дарения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления С., указав следующее.

В силу п. 1 ст. 572 ГК РФ по договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от

имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом.

При этом согласно п. 4 ст. 578 ГК РФ в договоре дарения может быть обусловлено право дарителя отменить дарение в случае, если он переживет одаряемого.

Судами установлено, что договор дарения комнаты, заключенный между С. и К., содержит такое условие.

Анализ приведенных законоположений позволяет сделать вывод о том, что отмена дарения в случае смерти одаряемого является совершаемой пережившим дарителем односторонней сделкой, которая служит основанием прекращения права собственности одаряемого на подаренную вещь и возникновения права собственности на нее у дарителя. При этом закон предусматривает возможность для дарителя отменить дарение без судебного решения только на основании факта смерти одаряемого при наличии в договоре дарения соответствующего условия.

Поскольку воля С. на отмену дарения в связи со смертью одаряемого была выражена в соответствующем заявлении, поданном непосредственно в уполномоченный орган, и к этому заявлению были приложены договор дарения, содержащий условие о праве дарителя отменить дарение в случае, если он переживет одаряемого, а также свидетельство о смерти К., основания для отказа в государственной регистрации права собственности С. на спорный объект недвижимости отсутствовали.

#### *Определение № 4-КГ16-3*

**43.** Наличие в государственном кадастре недвижимости сведений о расположении земельного участка в границах второго пояса зоны санитарной охраны водных объектов, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, является основанием для отказа в государственной регистрации права собственности гражданина на такой земельный участок.

Постановлением администрации муниципального образования В. для ведения личного подсобного хозяйства предоставлен земельный участок. На основании данного постановления заключен договор купли-продажи этого земельного участка.

В. обратилась в уполномоченный орган с заявлением о государственной регистрации права собственности на указанный объект недвижимости.

При проведении правовой экспертизы представленных на государственную регистрацию документов было выявлено, что земельный участок В. частично расположен во втором поясе зоны санитарной охраны водохранилища.

Сведения об этом получены из органа кадастрового учета, сопоставившего сведения о координатах земельного участка с координатами границ второго пояса зоны санитарной охраны водохранилища.

В связи с этим В. отказано в государственной регистрации права собственности на земельный участок.

Заявитель с таким решением не согласился и оспорил его в суде, ссылаясь на то, что земельный участок приобретен на основании договора купли-продажи, заключенного с уполномоченным органом местного самоуправления, тогда как второй пояс зоны санитарной охраны водохранилища установлен на основании актов Союза ССР, действующих на территории Российской

ской Федерации с момента введения в действие Водного кодекса РФ.

Решением районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление В. удовлетворено. Суды исходили из того, что органом, осуществляющим государственную регистрацию прав, не представлены доказательства, свидетельствующие о том, что принадлежащий В. земельный участок ограничен в обороте, находится во втором поясе зоны санитарной охраны водных объектов, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового назначения. Вывод о нахождении земельного участка в границах этой зоны сделан на основании нормативных актов Союза ССР, которые являются недействующими исходя из положений ст. 4 Федерального закона от 3 июня 2006 г. № 73-ФЗ "О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации".

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления В., указав следующее.

Водный кодекс РФ, регулируя вопросы водопользования, предусматривает для водных объектов, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, установление зоны санитарной охраны в соответствии с законодательством о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. В зонах санитарной охраны источников питьевого водоснабжения осуществление деятельности и отведение территории для жилищного строительства, строительства промышленных объектов и объектов сельскохозяйственного назначения запрещаются или ограничиваются в случаях и в порядке, которые установлены санитарными правилами и нормами в соответствии с законодательством о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения (п. 2 ст. 43).

Санитарно-эпидемиологические требования к водным объектам установлены ст. 18 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения", в соответствии с которой границы и режим зон санитарной охраны источников питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения устанавливаются органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации при наличии санитарно-эпидемиологического заключения о соответствии их санитарным правилам (п. 5).

При этом названный Федеральный закон не содержит положений о признании утратившими силу ранее изданных актов, устанавливающих границы зон санитарной охраны, а лишь предусматривает иной порядок установления таких зон.

Действие во времени и пространстве нормативных правовых актов Союза ССР по вопросам границ зон санитарной охраны ни Водным кодексом РФ, ни названным Федеральным законом не ограничено.

Следовательно, ст. 4 Федерального закона "О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации" не отменяет нормативные акты Союза ССР, утвердившие границы зон санитарной охраны источников питьевого водоснабжения.

Границы второго пояса зоны санитарной охраны водохранилища, установленные назван-

ными актами, до настоящего времени не изменены.

На основании этих актов в государственный кадастр недвижимости в качестве информационного слоя внесены сведения о границах второго пояса санитарной охраны водохранилища.

Согласно подп. 14 п. 5 ст. 27 Земельного кодекса РФ земельные участки в первом и втором поясах зон санитарной охраны водных объектов, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, ограничиваются в обороте.

При этом земельные участки, отнесенные к землям, ограниченным в обороте, не предоставляются в частную собственность, за исключением случаев, установленных федеральным законом (п. 2 ст. 27 Земельного кодекса РФ).

Такой федеральный закон в отношении земельных участков, находящихся в первом и втором поясах зон санитарной охраны водных объектов, используемых для питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, не принят.

В связи с этим правовых оснований для государственной регистрации права собственности В. на земельный участок, расположенный во втором поясе зоны санитарной охраны водных объектов, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового назначения, не имелось.

*Определение № 48-КГ16-7*

**44.** К административным делам, рассматриваемым по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику.

П. обратился в суд с административным исковым заявлением к администрации муниципального образования о признании незаконным отказа в принятии решения об утверждении схемы расположения земельного участка на кадастровой карте.

Решением районного суда административное исковое заявление удовлетворено.

Суд апелляционной инстанции указанное решение отменил и прекратил производство по делу, поскольку пришел к выводу о том, что в данном случае имеет место спор о праве П. на предоставление земельного участка в собственность или аренду, в связи с чем дело подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и направила дело на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод; решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

Положения ч. 1 ст. 218 Кодекса административного судопроизводства РФ предоставляют гражданину право обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездей-

ствия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, государственного или муниципального служащего, если он полагает, что нарушены или оспорены его права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению прав, свобод и реализации законных интересов или незаконно возложены какие-либо обязанности.

В силу п. 2 ч. 2 ст. 1 КАС РФ суды в порядке, предусмотренном данным Кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов военного управления, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

Таким образом, к административным делам, рассматриваемым по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику.

Согласно ст. 11<sup>10</sup> Земельного кодекса РФ схема расположения земельного участка на кадастровом плане территории представляет собой изображение границ образуемого земельного участка или образуемых земельных участков на кадастровом плане территории (п. 1).

Пунктом 2 названной статьи установлено, что подготовка схемы расположения земельного участка осуществляется с учетом утвержденных документов территориального планирования, правил землепользования и застройки, проекта планировки территории, землеустроительной документации, положения об особо охраняемой природной территории, наличия зон с особыми условиями использования территории, земельных участков общего пользования, территорий общего пользования, красных линий, местоположения границ земельных участков, местоположения зданий, сооружений (в том числе размещение которых предусмотрено государственными программами Российской Федерации, государственными программами субъекта Российской Федерации, адресными инвестиционными программами), объектов незавершенного строительства. Подготовка указанной схемы обеспечивается исполнительным органом государственной власти или органом местного самоуправления (п. 3 ст. 11<sup>10</sup> Земельного кодекса РФ). Схема утверждается решением исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления, уполномоченных на предоставление находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков, если иное не предусмотрено названным Кодексом (п. 13 указанной статьи).

Таким образом, требования административного истца вытекают из публичных правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности сторон.

Уполномоченный орган местного самоуправления, решение которого является предметом оспаривания, реализует административные и иные публично-властные полномочия в отношении заявителя, в связи с чем выводы суда апелляционной инстанции о прекращении производства по делу не основаны на законе.

*Определение № 53-КГ16-25*

## СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

**45.** Обеспечение жилым помещением по избранному месту жительства является льготой, предоставляемой определенным законом категориям военнослужащих с учетом их особого правового статуса, и перечень этих категорий не может быть расширен произвольно, без внесения соответствующих изменений в закон.

Решением 5 гарнизонного военного суда от 14 декабря 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 16 марта 2016 г., удовлетворено заявление О., в котором он просил признать незаконным решение жилищной комиссии воинской части от 26 октября 2015 г., утвержденное командиром, о снятии истца и членов его семьи с учета нуждающихся в жилом помещении по избранному месту жительства в г. Москве.

В кассационной жалобе представитель командира и жилищной комиссии воинской части, не оспаривая права О., срок военной службы которого в календарном исчислении составляет более 20 лет, на получение жилого помещения, указывает на отсутствие правовых оснований для обеспечения его жильем по избранному месту жительства ввиду увольнения с военной службы в связи с неисполнением им условий контракта.

Рассмотрев материалы административного дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ пришла к следующим выводам.

Из материалов дела следует, что О., родившийся 5 января 1965 г., проходил военную службу по контракту с апреля 1994 г. по 15 января 2015 г. в воинской части, дислоцированной за пределами территории Российской Федерации (за исключением периода с марта по октябрь 1997 г.).

В марте и мае 2008 г. решениями жилищной комиссии воинской части, в которой административный истец проходил военную службу, он вместе с членами семьи (супруга и трое детей) признан нуждающимся в жилом помещении на территории Российской Федерации как военнослужащий, подлежащий увольнению в запас по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, и включен в список лиц для получения государственного жилищного сертификата.

В ноябре 2010 г. аналогичное решение приняла жилищная комиссия вышестоящей воинской части (далее — жилищная комиссия). Однако после выявления факта передачи О. и двумя его сыновьями принадлежащих им на праве собствен-

ности долей жилого помещения (всего 25,5 кв.м) на территории Российской Федерации истца он решением жилищной комиссии от 28 июня 2012 г. был исключен из списков лиц, нуждающихся в жилом помещении, и его обязали сдать ранее полученный жилищный сертификат.

В октябре 2013 г. О. обратился в жилищную комиссию с заявлением о признании его нуждающимся в жилом помещении в г. Москве, а в июне 2014 г. попросил выдать ему субсидию для приобретения или строительства жилого помещения (далее — жилищная субсидия).

Решением от 16 июля 2014 г. жилищная комиссия постановила рассмотреть вопрос о предоставлении истцу жилищной субсидии после поступления в управление руководящих документов, регламентирующих порядок предоставления жилищной субсидии.

В июле 2014 г. О. обратился по команде с рапортом об увольнении в запас по достижении предельного возраста пребывания на военной службе и исключении из списков части с оставлением в списках лиц, нуждающихся в жилом помещении.

После этого приказом воинского должностного лица от 5 декабря 2014 г. О. по служебной необходимости переведен к новому месту военной службы на территорию Российской Федерации.

Ввиду неявки в срок без уважительных причин на службу при переводе истцу объявлен строгий выговор и он уволен в запас в связи с невыполнением условий контракта.

Решением жилищной комиссии от 27 августа 2015 г. О. предоставлено жилое помещение по избранному месту жительства в г. Москве, однако решением комиссии от 26 октября 2015 г., утвержденным командиром, это решение отменено, и истец снят с учета лиц, нуждающихся в жилом помещении по избранному месту жительства в связи с утратой им основания, дающего право на получение жилого помещения по договору социального найма, ввиду увольнения с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Признавая незаконным названное решение от 26 октября 2015 г. и возлагая на жилищную комиссию обязанность восстановить О. на учете нуждающихся в жилом помещении по избранному месту жительства, суд исходил из того, что оставление без реализации права гражданина, уволенного с военной службы и оставшегося в связи с этим на территории иностранного государства, на жилое помещение лишь на том основании, что он не относится к категории лиц, имеющих право на получение жилого помещения по избранному месту жительства, не соответствует Конституции Российской Федерации и противоречит преамбуле Федерального закона “О статусе военнослужащих” в части соответствия государственной политике в области правовой и социальной защиты граждан, уволенных с военной службы. Суд апелляционной инстанции с выводами гарнизонного военного суда согласился.

Однако такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что истец уволен с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно абз. 3 и 12 п. 1, п. 13 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” право на предоставление по избранному месту жительства жилых помещений определенным законом категориям военнослужащих (при общей продолжительности военной службы 10 лет и более и признанных нуждающимися в жилых помещениях) по их выбору в собственность бесплатно или по договору социального найма с федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, установлено лишь при их увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, уволенные с военной службы по иным основаниям и не обеспеченные на момент увольнения жилищной субсидией или жилыми помещениями, не могут быть без их согласия сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы и обеспечиваются жилищной субсидией или жилыми помещениями в порядке, предусмотренном Федеральным законом “О статусе военнослужащих” для военнослужащих.

Поскольку О. уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта, то оснований для обеспечения его жилым помещением по избранному месту жительства, вопреки выводу судов, не имелось.

То обстоятельство, что истец проходил военную службу и уволен с нее из воинской части, дислоцированной за пределами территории Российской Федерации, не может свидетельствовать о приравнивании его к категории военнослужащих, уволенных с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Обеспечение жилым помещением по избранному месту жительства является льготой, предоставляемой определенным законом категориям военнослужащих с учетом их особого правового статуса, и перечень этих категорий не может быть расширен произвольно, без внесения соответствующих изменений в закон.

В связи с изложенным О. как признанный в период военной службы нуждающимся в жилом помещении в силу п. 13 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” имеет право на обеспечение жилищной субсидией или жилым помещением в порядке, предусмотренном названным Федеральным законом для военнослужащих.

Неправильное применение судом норм материального права повлекло неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела.

В суде установлено, что в период военной службы О. изъявлял желание быть обеспеченным жилищной субсидией. Этот вопрос, как следует из решения жилищной комиссии Пограничного управления от 16 июля 2014 г. и пояснений в судебном заседании представителя административных ответчиков, фактически до настоящего времени не рассмотрен, и решение по заявлению не принято.

Данное обстоятельство подлежало выяснению в судебном заседании.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов истца, а также защита охраняемых законом публичных интересов, в связи с чем судебные акты Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда РФ были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

*Определение № 205-КГ16-62*

**46.** В том случае, если военнослужащий стал участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения по собственному желанию и не воспользовался деньгами, находящимися на его именном накопительном счете, он может быть по его просьбе исключен из реестра участников.

Решением Тверского гарнизонного военного суда от 10 июля 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 24 сентября 2015 г., З. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконными действия командира воинской части, связанные с отказом в оформлении документов для исключения его из реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (далее — НИС) и в направлении необходимых документов полномочному должностному лицу для реализации.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе З., Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ отменила обжалуемые судебные акты в связи с существенным нарушением норм материального права и приняла по делу новое решение, которым признала незаконными действия командира воинской части, связанные с отказом З. в оформлении документов для исключения из реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, и обязала воинское должностное лицо оформить документы для исключения З. из реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих.

В обоснование Судебная коллегия привела следующие доводы.

Из материалов дела следует, что З. в 2001 году заключил с Министерством обороны Российской Федерации первый контракт о прохождении военной службы. В 2005 году он окончил высшее военно-учебное заведение с присвоением первого офицерского звания. В 2013 году на основании поданного З. рапорта он включен в реестр участников НИС.

8 июня 2015 г. заявитель обратился к командиру воинской части с рапортом об исключении его из реестра участников НИС, изъявив желание реализовать право на получение жилого помещения иным способом, предусмотренным законом для категории военнослужащих, к которой он относится. В удовлетворении данной просьбы ему было отказано.

Отказывая в удовлетворении заявления, суды исходили из того, что законом не предусмотрен добровольный порядок исключения из реестра участников НИС.

Однако такой вывод основан на ошибочном истолковании норм материального права.

В силу общеправового принципа, изложенного в п. 2 ст. 1 и п. 1 ст. 9 Гражданского кодекса РФ, граждане осуществляют принадлежащие им права по своему усмотрению, т.е. своей волей и в своем интересе. Из этого следует недопустимость

понууждения лиц к реализации определенного поведения, составляющего содержание прав.

Согласно абз. 1 п. 1 и п. 16 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” выделенные ими денежные средств на приобретение или строительство жилых помещений в порядке, предусмотренном Федеральным законом “О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих”, является одной из форм реализации военнослужащими права на жилище.

Как названные выше законы, так и иные нормативные правовые акты не содержат положений, ограничивающих указанную категорию военнослужащих в возможности не осуществлять данное право.

Показателями исполнения государством своих обязательств в рамках НИС по жилищному обеспечению военнослужащих являются получение ими денежных средств, указанных в ч. 1 ст. 4 Федерального закона “О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих”, или направление уполномоченным федеральным органом кредитором участника НИС средств целевого жилищного займа на цели, предусмотренные п. 2 ч. 1 ст. 14 Федерального закона “О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих” (ч. 3 ст. 11 указанного Закона).

З., будучи участником НИС, по собственному желанию не стал пользоваться деньгами, находящимися на его именном накопительном счете, и целевой жилищный заем ему также не предоставлялся.

Таким образом, в отношении З. условия, с которыми закон связывает выполнение государством обязательств по жилищному обеспечению военнослужащих, не наступили. Следовательно, до возникновения указанных обстоятельств он сохраняет возможность выбора иного способа реализации своих жилищных прав, предусмотренного ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих”. Действия должностных лиц, направленные на ограничение военнослужащего в реализации волеизъявления, совершенные до выполнения государственного обязательства по обеспечению его жильем, не основаны на законе.

Обратившись по команде с рапортом об исключении из соответствующего реестра, административный истец тем самым очевидно заявил о нежелании реализовать свое право на жилище в порядке, установленном Федеральным законом “О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих”.

При таких условиях командованием должно быть реализовано волеизъявление З. о закрытии именного накопительного счета участника НИС, поскольку это соответствует требованиям действующего законодательства и не нарушает чьи-либо права и законные интересы, включая публичные.

*Определение № 201-КГ16-39*

**47.** Установив, что сын военнослужащего на момент поступления в военно-учебное заведение, как и сам военнослужащий, нуждающийся в жилом помещении признан не был, а дочь военнослужащего при поступлении на военную службу по контракту фактически проживала в другом населенном пункте, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ признала законным решение жилищного органа об отказе в принятии на жилищный учет вместе с военнослужащим его детей.

Решением 35 гарнизонного военного суда от 20 мая 2015 г. частично удовлетворено исковое заявление С., в котором она просила признать незаконным решение жилищной комиссии воинской части от 18 февраля 2015 г. о снятии с учета нуждающихся в жилом помещении в избранном месте жительства членов семьи заявителя: сына — А. и дочь — М. с возложением на председателя комиссии обязанности по отмене решения и восстановлению ее детей на жилищном учете.

Судом признано незаконным решение жилищной комиссии воинской части в части снятия с учета нуждающихся в жилых помещениях дочери заявителя — М., на жилищную комиссию и командира воинской части возложена обязанность по восстановлению М. на жилищном учете и повторному рассмотрению вопроса о возможности обеспечения заявителя с учетом ее дочери — М.

В удовлетворении заявления о признании незаконным решения жилищной комиссии в части снятия с учета нуждающихся в жилых помещениях сына заявителя — А. судом отказано.

Апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 25 августа 2015 г. решение отменено, по делу принято новое решение об удовлетворении заявления.

Судом апелляционной инстанции признано незаконным решение жилищной комиссии воинской части от 18 февраля 2015 г., на жилищную комиссию возложена обязанность по отмене указанного решения, а на командира воинской части — по утверждению этого решения. Также на жилищную комиссию возложена обязанность по рассмотрению вопроса обеспечения заявителя жилищной субсидией с учетом ее детей М. и А.

В кассационной жалобе представитель воинского должностного лица, указывая, что на момент поступления на военную службу по контракту дочь заявителя — М. вместе с ней не проживала, а перед поступлением в военный институт сын вместе с заявителем проживал на территории Республики Армения, где С. нуждающейся в жилом помещении не признавалась, просил судебные постановления отменить и принять по делу новое решение об отказе С. в удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ в связи с существенным нарушением норм материального права отменила судебные акты и приняла по делу новое решение об отказе С. в удовлетворении административного иска.

В обоснование Судебная коллегия привела следующие доводы.

Из материалов дела следует, что С. до декабря 2007 г. проходила военную службу по контракту на территории Республики Армения, где нуждающейся в жилых помещениях не признавалась, после чего была переведена для дальнейшего прохождения военной службы на территорию Российской Федерации в воинскую часть, дислоцированную в г. Якутске, где ее семья из трех человек (она, ее супруг и дочь, 2002 года рождения) была обеспечена органом местного самоуправления жилым помещением по установленным нормам.

В сентябре 2004 г. ее сын — А. поступил в пограничный кадетский корпус г. Пушкина Ленинградской области, а затем, в июле 2006 г., в Московский пограничный институт ФСБ России,

после окончания которого в июле 2011 г. он проходил военную службу по контракту.

Дочь заявителя, М., в июне 2007 г. поступила в Российско-Армянский (Славянский) государственный университет, находящийся на территории Республики Армения, и проживала в г. Ереване. С июня 2014 г. М. проживала вместе с мужем в г. Москве, а в октябре 2014 г. поступила на военную службу по контракту.

В марте 2010 г. С. обратилась в жилищную комиссию с заявлением о признании ее и детей — А. и М. нуждающимися в жилом помещении по избранному месту жительства после увольнения с военной службы в г. Москве или ближайшем Подмосковье. Решением жилищной комиссии от 24 мая 2010 г. она вместе с детьми была включена в список военнослужащих, изъявивших желание быть обеспеченными жильем в избранном месте жительства.

Впоследствии С. вместе с членами семьи решениями жилищной комиссии была признана нуждающейся в жилых помещениях в г. Железнодорожном Московской области, а затем — в обеспечении жилищной субсидией.

Решением жилищной комиссии от 18 февраля 2015 г. дети заявителя — А. и М. были сняты с учета нуждающихся в получении жилого помещения по избранному месту жительства в г. Железнодорожном Московской области на основании п. 6 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ.

Признавая это решение частично незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что дочь заявителя сохранила право на жилое помещение, занимаемое ею до поступления на военную службу, в связи с чем на основании п. 1 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” не может быть снята с учета нуждающихся в жилых помещениях по месту жительства до поступления на военную службу. Аналогичную мотивировку суд апелляционной инстанции привел в обоснование незаконности решения жилищной комиссии в отношении обоих детей заявителя.

Однако такой вывод судов основан на неправильном толковании норм материального права и не соответствует обстоятельствам дела.

В соответствии с абз. 11 п. 1 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” за военнослужащими, обеспечиваемыми служебными жилыми помещениями, на первые пять лет военной службы по контракту (не считая времени обучения в военных профессиональных образовательных организациях или военных образовательных организациях высшего образования) сохраняется право на жилые помещения, занимаемые ими до поступления на военную службу; они не могут быть сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по месту жительства до призыва (поступления) на военную службу.

Содержание названной нормы Закона указывает на то, что за такими военнослужащими на первые пять лет военной службы по контракту сохраняются те жилые помещения, в которых они проживали до поступления на военную службу по контракту либо до поступления в военно-учебные заведения. Такие военнослужащие не могут быть сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях в том случае, если они до поступления на военную службу по контракту либо до поступления в военно-учебные заведения находились на жилищном учете.

Между тем в суде установлено, что А. на момент поступления в июле 2006 г. в военно-учеб-

ное заведение, как и его мать, нуждающимся в жилом помещении признан не был, а М. при поступлении на военную службу по контракту в октябре 2014 г. фактически проживала в населенном пункте, отличном от места военной службы заявителя.

При таких данных положения абз. 11 п. 1 ст. 15 Федерального закона "О статусе военнослужащих" применению к возникшим правоотношениям не подлежали.

Кроме того, из материалов дела следует, что на момент принятия жилищной комиссией Управления решения о снятии детей заявителя с жилищного учета они проходили военную службу и проживали в местах, отличных от места службы и жительства С.

Это обстоятельство также имеет существенное значение для дела.

Согласно п. 14 ст. 15 Федерального закона "О статусе военнослужащих" военнослужащие, имеющие общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижения ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и члены их семей вправе получить жилые помещения не по месту увольнения с военной службы.

Согласно ч. 1 ст. 31 ЖК РФ к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с ним его супруг, дети и родители данного собственника, а также другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане, если они вселены собственником в качестве членов его семьи.

Подобные положения применительно к членам семьи нанимателя жилого помещения по договорам социального найма и служебного жилого помещения содержатся в ст.ст. 69 и 100 ЖК РФ.

Из изложенного следует, что обеспечение жильем помещением при перемене места жительства указанной категории граждан (как военнослужащих, так и членов их семей) осуществляет при их совместном проживании.

Поскольку дети заявителя совместно с ней на момент признания нуждающимися в жилом помещении в мае 2010 г. не проживали, то к членам ее семьи в силу указанных норм не относятся, а поэтому права на реализацию жилищных прав совместно со своей матерью они не имеют.

По изложенным основаниям обучение А. и М. в образовательных организациях по очной форме обучения и недостижение ими 23 лет на момент постановки на жилищный учет в мае 2010 г. не влияют на правильность оспариваемого решения жилищной комиссии.

Таким образом, решение жилищной комиссии от 18 февраля 2015 г. о снятии детей С. с учета нуждающихся в получении жилого помещения по избранному месту жительства в г. Железнодорожном Московской области по основаниям, установленным п. 6 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ, основано на законе.

*Определение № 211-КГ16-21*

## ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

48. При решении вопроса о наложении дисциплинарного взыскания квалификационной коллегией не учтены существенные обстоятельства, имеющие значение для правильного решения вопроса относительно характера и степени тяжести дисциплинарного про-

ступка, обстоятельств и последствий его совершения, степени нарушения прав, свобод и законных интересов граждан и законных интересов организаций.

Председатель Верховного Суда Республики Бурятия обратилась в квалификационную коллегию судей с представлением о привлечении мирового судьи судебного участка № 8 Октябрьского района г. Улан-Удэ Д. к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи в связи с совершением дисциплинарного проступка.

В представлении указано, что мировой судья Д. ненадлежаще относится к исполнению своих должностных обязанностей, нарушает требования закона и Кодекса судейской этики, им совершены действия, умаляющие авторитет судебной власти и причинившие ущерб репутации судьи.

Квалификационная коллегия судей, установив наличие признаков дисциплинарного проступка, наложила на Д. дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи.

Отменяя решение квалификационной коллегии судей, Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ в своем решении указала, что мировым судьей Д. действительно допускались нарушения сроков рассмотрения по некоторым гражданским делам, однако такие нарушения не носили системного характера, являлись единичными.

Выводы квалификационной коллегии судей о том, что мировым судьей Д. систематически грубо нарушались сроки рассмотрения гражданских дел, чинились препятствия в доступе к правосудию, убедительными признать нельзя, они сделаны на основании неполного исследования обстоятельств допущенных нарушений.

Квалификационной коллегией судей не изучались и не исследовались на заседании материалы дел, данные о которых изложены в представлении Председателя Верховного Суда Республики Бурятия.

Между тем при изучении в судебном заседании Дисциплинарной коллегии гражданских дел, приведенных в решении квалификационной коллегии судей, установлено, что нарушения сроков рассмотрения допущены не по всем делам, указанным в решении, а лишь по некоторым из них, причем нарушение сроков было незначительным, составляло несколько дней.

Указание в решении о том, что Д. чинились препятствия в доступе к правосудию, в частности, при рассмотрении гражданского дела по иску ОАО "ТГК-14" к С. и другим о взыскании задолженности за тепловую энергию, обоснованным признать нельзя. Один лишь факт отмены судом вышестоящей инстанции вынесенного мировым судьей определения об оставлении искового заявления по данному делу без движения не может свидетельствовать о создании препятствий в доступе к правосудию.

В решении квалификационной коллегии указано на волокиту при рассмотрении двух гражданских дел, которые находились в производстве мирового судьи соответственно 6 и 9 месяцев. Однако при исчислении сроков не было учтено, что по этим делам сначала были вынесены заочные судебные решения, они впоследствии были отменены, производство по делам возобновлялось, дела назначались к слушанию, в результате исковые заявления были оставлены без рассмотрения.

Как установлено, по ряду гражданских дел в протоколах судебных заседаний отмечено одно и то же время начала и окончания их рассмотрения, что нельзя признать допустимым, однако указание в протоколе неточного времени рассмотрения дела не свидетельствует о фальсификации мировым судьей процессуальных документов, как это расценено квалификационной коллегией судей. При этом следует отметить, что данных об отмене судебных решений по указанному основанию не имеется.

По некоторым гражданским делам и по делам об административных правонарушениях имели место случаи несвоевременного направления исполнительных документов, что свидетельствует о ненадлежащем контроле мирового судьи за работой сотрудников аппарата суда, однако такие случаи были единичными, не носили системного характера. В решении квалификационной коллегии судей приведено лишь несколько таких дел и материалов. При этом доводы Д. о том, что по ряду дел исполнительные документы направлялись своевременно, не опровергнуты.

В решении квалификационной коллегии судей правильно указано на то, что на судебном участке № 8 Октябрьского района г. Улан-Удэ своевременно не регистрировались и не рассматривались заявления ОАО «Сбербанк России» о выдаче судебного приказа. Д., не отрицая указанных обстоятельств, пояснил, что это было обусловлено большим количеством таких заявлений, поступивших в 2015 и 2016 годах; с января по апрель 2016 г. поступило 4139 таких заявлений, причем значительная часть заявлений была зарегистрирована и рассмотрена. В соответствии с его обращениями к председателю Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ заявления ОАО «Сбербанк России» перераспределялись на другие судебные участки в связи с большим количеством. Из приказов председателя Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ от 30 ноября 2015 г., от 23 мая 2016 г., приобщенных к материалам дела, следует, что от мирового судьи судебного участка № 8 на другие судебные участки передавались заявления ОАО «Сбербанк России» в связи с неравномерной нагрузкой и отсутствием физической возможности рассмотреть их в установленные сроки. Таким образом, доводы Д. о том, что нарушения, связанные с тем, что заявления ОАО «Сбербанк России» своевременно не регистрировались, обусловлены большой нагрузкой, связанной со значительным их количеством, являются обоснованными. При этом не опровергнуты его утверждения, что значительная часть заявлений была своевременно зарегистрирована и рассмотрена.

Вывод квалификационной коллегии судей о том, что мировой судья Д. незаконно изменил подсудность рассмотрения материала в отношении А. об административном правонарушении, передав материал другому мировому судье, обоснованным признать нельзя.

Квалификационная коллегия судей не наделена полномочиями по проверке законности и обоснованности судебного акта.

Судебный акт, не признанный незаконным и необоснованным судом вышестоящей инстанции, не является допустимым доказательством совершения судей, принявшим этот акт, дисциплинарного проступка по мотиву нарушения им норм материального или процессуального права.

Определение мирового судьи Д. от 27 августа 2015 г. о передаче материала в отношении А. об

административном правонарушении другому мировому судье судом вышестоящей инстанции не отменено, вступило в законную силу. Поэтому факт вынесения им указанного определения не может служить доказательством совершения дисциплинарного проступка по мотиву его незаконности и необоснованности.

Материал в отношении А., поступивший на судебный участок № 1 Заиграевского района Республики Бурятия в соответствии с указанным определением, впоследствии был утрачен.

Каких-либо данных о том, что Д. причастен к утрате этого материала, не имеется, не приведено их и в решении квалификационной коллегии судей.

Не имеется достаточных доказательств и того, что Д. умышленно удерживал у себя указанный материал до 3 ноября 2015 г.

В то же время Д. не принял мер к своевременной передаче этого материала на судебный участок № 1 Заиграевского района, он был направлен туда с нарушением установленного законом срока.

Таким образом, ряд нарушений, установленных квалификационной коллегией судей, свидетельствует о совершении Д. дисциплинарного проступка.

Из анализа нарушений следует, что мировым судьей Д. допускались случаи нарушений действующего законодательства, положений Инструкции по судебному делопроизводству, однако они были единичными, не носили системного характера. Наличие приведенных нарушений, не относящихся к грубым, не свидетельствует о пренебрежительном отношении судьи Д. к своим должностным обязанностям и о невозможности осуществления им полномочий судьи в дальнейшем.

Ранее Д. к дисциплинарной ответственности не привлекался. Учитывая изложенное, вывод квалификационной коллегии судей о том, что мировым судьей Д. совершен такой дисциплинарный проступок, который влечет применение исключительной меры воздействия в виде досрочного прекращения полномочий судьи, обоснованным признать нельзя.

*Решение № ДК16-72*

## РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

**Вопрос 1.** С какой даты происходит изменение арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, в связи с изменением кадастровой стоимости земельного участка в результате проведения государственной кадастровой оценки по правилам Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности»?

**Ответ.** Согласно п. 3 ст. 397 ЗК РФ, если иное не установлено названным Кодексом или другими федеральными законами, порядок определения размера арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и предоставленные в аренду без торгов, устанавливается:

- 1) Правительством РФ в отношении земельных участков, находящихся в федеральной собственности;
- 2) органом государственной власти субъекта Российской Федерации в отношении земельных участков, находящихся в собственности субъекта Российской

Федерации, и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена;

3) органом местного самоуправления в отношении земельных участков, находящихся в муниципальной собственности.

Нормативные правовые акты, принятые указанными органами, могут устанавливать порядок изменения арендной платы за соответствующий земельный участок в связи с изменением его кадастровой стоимости в результате проведения государственной кадастровой оценки и утверждения результатов ее определения.

Например, согласно п. 9 Правил определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582, в связи с изменением кадастровой стоимости земельного участка арендная плата подлежит перерасчету по состоянию на 1 января года, следующего за годом, в котором произошло изменение кадастровой стоимости.

Учитывая изложенное, при определении даты изменения размера арендной платы судам следует руководствоваться положениями соответствующих нормативных правовых актов.

В случае если такие акты не содержат порядка изменения арендной платы в связи с изменением кадастровой стоимости в результате проведения государственной кадастровой оценки, судам следует иметь в виду следующее.

В соответствии со ст. 24<sup>20</sup> Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ “Об оценочной деятельности в Российской Федерации” (далее — Закон об оценочной деятельности), а также исходя из разъяснений, содержащихся в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 28 “О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости”, сведения о кадастровой стоимости используются с даты их внесения в государственный кадастр недвижимости (с 1 января 2017 г. — Единый государственный реестр недвижимости), за исключением случаев, предусмотренных чч. 4—6 ст. 24<sup>20</sup> Закона об оценочной деятельности. Проведение государственной кадастровой оценки и утверждение результатов определения кадастровой стоимости к таким исключениям не относится.

Следовательно, в случае если нормативный правовой акт, регулирующий порядок определения арендной платы, не содержит порядка изменения арендной платы в связи с изменением кадастровой стоимости в результате проведения государственной кадастровой оценки по правилам Закона об оценочной деятельности, арендная плата за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, изменяется с даты внесения сведений об утвержденной кадастровой стоимости в государственный кадастр недвижимости (с 1 января 2017 г. — Единый государственный реестр недвижимости).

**Вопрос 2.** Допустимо ли участие временного управляющего в рассмотрении дела, в котором должник являлся истцом или ответчиком, на стадии апелляционного производства, в случае, когда процедура наблюдения введена в отношении должника после принятия судом первой инстанции обжалуемого решения?

**Ответ.** По смыслу ст. 64 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) в процедуре наблюдения руководитель организации-должника продолжает осуществлять

свои функции под контролем временного управляющего.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 43 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 “О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве”, после даты введения процедуры наблюдения все имущественные споры, истцом или ответчиком по которым является должник, должны рассматриваться в суде с участием временного управляющего в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований. Эта мера направлена на защиту интересов как самого должника, так и его кредиторов, так же как и запрет на принятие судом признания руководителем должника иска или его отказ от иска.

Принимая во внимание, что временный управляющий является лицом, участвующим в деле о банкротстве (ст. 34 Закона о банкротстве), его правовой статус (ст.ст. 66 и 67 Закона о банкротстве) и положения п. 4 ст. 20<sup>3</sup> Закона о банкротстве, согласно которым арбитражный управляющий при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, обязан действовать в интересах должника и его кредиторов, вступление временного управляющего в процесс на стадии апелляционного производства в случае, когда процедура наблюдения введена после принятия решения судом первой инстанции, не является нарушением положений ч. 3 ст. 266 АПК РФ.

В такой ситуации допуск временного управляющего к участию в процессе осуществляется апелляционным судом без отмены решения суда первой инстанции и перехода к рассмотрению дела по правилам суда первой инстанции (ч. 3 ст. 266, ч. 6<sup>1</sup> ст. 268, ч. 4 ст. 270 АПК РФ). Временный управляющий в таком случае наделяется правами и несет обязанности лица, участвующего в деле (ст. 41 АПК РФ).

**Вопрос 3.** На основании какой ставки определяется размер процентов, уплачиваемых за неправомерное удержание денежных средств, уклонение от их возврата, иной просрочки в их уплате, в случае, когда в соответствии с законодательством о валютном регулировании и валютном контроле при осуществлении расчетов по обязательствам допускается использование иностранной валюты и денежное обязательство выражено в ней, а равно когда денежное обязательство подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах?

**Ответ.** В соответствии с п. 1 ст. 395 ГК РФ в случаях неправомерного удержания денежных средств, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате подлежат уплате проценты на сумму долга. Размер процентов определяется ключевой ставкой Банка России, действовавшей в соответствующие периоды. Эти правила применяются, если иной размер процентов не установлен законом или договором.

Указанный порядок расчета процентов подлежит применению в случаях, когда денежное обязательство выражено в рублях, поскольку ключевая ставка Банка России, являясь основным индикатором денежно-кредитной политики, устанавливается Центральным банком Российской Федерации в процентном отношении и используется при расчетах в национальной валюте — рубль.

Вместе с тем в соответствии с законодательством о валютном регулировании и валютном контроле в определенных случаях денежное обязательство может быть выражено в иностранной валюте, может допускаться использование иностранной валюты при осуществлении расчетов по обязательствам. Также в самом денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной оп-

ределенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах (пп. 1, 2 ст. 317 ГК РФ).

Исходя из толкования ст.ст. 309, 317 и 395 ГК РФ в их взаимосвязи при просрочке исполнения денежного обязательства, валютой долга которого является иностранная валюта, проценты за неправомерное удержание денежных средств, уклонение от их возврата, в случае иной просрочки в их уплате подлежат исчислению в иностранной валюте, поскольку целью уплаты указанных процентов является восстановление имущественного положения кредитора и компенсация неполученного им дохода от возможного использования денежных средств, не возвращенных в срок должником.

Принимая во внимание, что ключевая ставка Банка России представляет собой процентную ставку по операциям предоставления Банком России коммерческим банкам краткосрочных кредитов на аукционной основе, размер процентов, уплачиваемых за нарушение денежного обязательства, валютой долга которого является иностранная валюта, должен определяться с учетом аналогичных показателей и исчисляться исходя из средних процентных ставок в валюте долга.

Источниками информации о средних ставках по краткосрочным кредитам в иностранной валюте являются официальный сайт Банка России в сети “Интернет” и официальное издание Банка России “Вестник Банка России”.

Если средняя ставка в соответствующей иностранной валюте за определенный период не опубликована, размер подлежащих взысканию процентов устанавливается исходя из самой поздней из опубликованных ставок по каждому из периодов просрочки.

Когда отсутствуют и такие публикации, сумма подлежащих взысканию процентов рассчитывается на основании справки одного из ведущих банков в месте нахождения кредитора, подтверждающей применяемую им среднюю ставку по краткосрочным валютным кредитам.

### Процессуальные вопросы

**Вопрос 4.** Вправе ли судья принять к производству заявление о пересмотре вступившего в законную силу судебного акта в связи с установлением Европейским Судом по правам человека нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., если к заявлению не приложен неофициальный перевод на русский язык текста соответствующего постановления Европейского Суда по правам человека?

**Ответ.** Как следует из п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), п. 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) и п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по новым обстоятельствам является установление Европейским Судом по правам человека (далее — также Европейский Суд, Суд) нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее — Конвенция) при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд.

Исходя из взаимосвязанных положений ст.ст. 131 и 392 ГПК РФ, положений п. 2 ч. 3 ст. 347 КАС РФ, п. 1 ч. 4 ст. 313 АПК РФ к заявлению о пересмотре судебных актов по новым обстоятельствам должны быть приложены копии документов, подтверждающих новое обстоятельство.

Согласно правилу 76 Регламента Европейского Суда по правам человека в редакции по состоянию на 1 января 2016 г. все постановления Суда выносятся или на английском языке, или на французском языке, если

только Суд не определит, что постановление выносится на обоих официальных языках Суда.

В соответствии с положениями ст. 9 ГПК РФ, ст. 12 КАС РФ и ст. 12 АПК РФ судопроизводство в судах Российской Федерации ведется на русском языке — государственном языке Российской Федерации.

В силу п. 4 Положения об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителе Министра юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 29 марта 1998 г. № 310, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместитель Министра юстиции Российской Федерации (далее — также Уполномоченный) обеспечивает взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления при исполнении ими постановлений Суда. С целью реализации указанного взаимодействия Уполномоченный направляет в заинтересованные ведомства, в том числе в Верховный Суд РФ, а также в областные и приравненные к ним суды тексты неофициальных переводов постановлений Европейского Суда.

Согласно разъяснениям абз. 2 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации” выполнение постановлений, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений. Суды в пределах своей компетенции должны действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, вытекающих из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В силу ст. 46 Конвенции в толковании Европейского Суда меры частного (индивидуального) характера заключаются, в частности, в пересмотре при необходимости вступивших в законную силу судебных актов, принятых внутригосударственными судами.

Исходя из положений ст. 150 ГПК РФ, ст. 135 КАС РФ, ст. 135 АПК РФ при подготовке к рассмотрению заявления о пересмотре судебного акта по новым обстоятельствам судья может по ходатайству лица, обратившегося с таким заявлением, либо по собственной инициативе обратиться с запросом в аппарат Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителя Министра юстиции Российской Федерации о предоставлении текста неофициального перевода на русский язык постановления Европейского Суда, установившего нарушение Российской Федерацией Конвенции и (или) Протоколов к ней.

Поэтому, если лицо, обратившееся с заявлением о пересмотре судебного акта в связи с установлением Европейским Судом нарушения Конвенции, не приложило текст неофициального перевода на русский язык постановления Европейского Суда, на которое имеется ссылка в заявлении, либо текст постановления приложен на одном из официальных языков Совета Европы, то, исходя из взаимосвязанных положений ст. 46 Конвенции в толковании Европейского Суда, обязывающих Российскую Федерацию пересмотреть при необходимости судебные акты, вынесенные судами Российской Федерации, и процессуальных положений, регулирующих процедуру подготовки дела к судебному

разбирательству, судья принимает к производству заявление о пересмотре вступившего в законную силу судебного акта и — в случае отсутствия у него ранее направленного текста неофициального перевода на русский язык постановления Европейского Суда — обращается по ходатайству стороны или по собственной инициативе с запросом в аппарат Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителя Министра юстиции Российской Федерации о предоставлении текста перевода соответствующего постановления.

## ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации” “толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; ст.ст. 3—33). Согласно п. “b” ч. 3 ст. 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования”.

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующих исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

### В сфере административных правоотношений

#### Защита прав несовершеннолетних

##### *Практика Европейского Суда по правам человека*

**Постановление Европейского Суда по правам человека<sup>1</sup> по жалобе № 47152/06 “Блохин против России”** (вынесено 23 марта 2016 г., вступило в силу 23 мая 2016 г.), которым установлено нарушение п. 1 и п. 3 (подп. “с” и “b”) ст. 6, п. 1 ст. 5, ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.<sup>2</sup> в связи с нарушением справедливости процесса в отношении несовершеннолетнего Блохина И.Б. при проведении проверки по сообщению о совершении им преступления и рассмотрении районным судом вопроса о его помещении в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, незаконным содержанием заявителя и необеспечением ему надлежащей медицинской помощи в названном учреждении.

Заявитель жаловался на непредоставление ему необходимой медицинской помощи во время нахождения в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, а также на то, что условия его содержания были бесчеловечными в нарушение ст. 3 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что “...несовершеннолетний возраст заявителя и его состояние здоровья яв-

ляются обстоятельствами, имеющими значения для оценки независимо от того, был ли достигнут минимальный уровень жестокости” (п. 141 постановления).

Суд подчеркнул, что “...[п]оскольку дед заявителя привлекал внимание к состоянию здоровья заявителя в ходе судебного заседания, соответствующие органы государственной власти, ответственные за размещение заявителя в центре временного содержания, были поставлены в известность о его состоянии” (п. 145 постановления).

Европейский Суд установил, что “...даже если личное дело заявителя в центре временного содержания было уничтожено... имеются достаточные доказательства, что [В]ласти были осведомлены о состоянии здоровья заявителя в момент его помещения в центр временного содержания, а также о том, что он нуждался в лечении. Более того, тот факт, что он был госпитализирован на следующий день после освобождения и пробыл в психиатрической больнице почти три недели, свидетельствует о том, что лечение, необходимое при его состоянии, в центре временного содержания не проводилось. Заявитель, таким образом, представил Суду достаточно серьезное доказательство непредоставления ему необходимого лечения... [В]ластям не удалось доказать, что заявитель получал необходимое в его состоянии лечение во время нахождения в центре временного содержания, в котором он пребывал в течение тридцати суток без права покинуть его и находясь под полным контролем и ответственностью персонала центра. В указанных обстоятельствах органы власти были обязаны гарантировать достоинство и благополучие заявителя, а также отвечали, в соответствии с Конвенцией, за получаемое им лечение” (п. 146 постановления).

Соответственно, Европейский Суд пришел к выводу о том, что в настоящем постановлении было допущено нарушение ст. 3 Конвенции.

Заявитель также жаловался на то, что его содержание в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей нарушало п. 1 ст. 5 Конвенции.

Европейский Суд заключил, что “...помещение заявителя в центр временного содержания приравнивалось к лишению свободы, поскольку центр был закрытым и охранялся, лиц, содержащихся в нем, планово обыскивали при поступлении, личные вещи подлежали конфискации, а к лицам, содержащимся в нем, применялся дисциплинарный режим” (п. 152 постановления).

Суд пришел к выводу, что “...размещение не было предназначено для осуществления воспитательного надзора в значении подпункта “d” пункта 1 статьи 5, поскольку в соответствии с национальным законодательством центры временного содержания предназначены для временного содержания несовершеннолетних в течение времени, пока ищется более подходящий вариант размещения, такой как возврат в семью или помещение в образовательное учреждение. Более того, в национальном праве не предусмотрена организация образовательной деятельности в центрах... [Ц]ентры временного содержания не предназначены для осуществления воспитательного надзора... содержание заявителя в центре не осуществлялось с “целью” образовательного надзора над ним, поскольку он был помещен туда “в исправительных целях” и в целях предотвращения совершения им новых правонарушений” (п. 153 постановления).

Суд подчеркнул, что “...помещение заявителя в центр не могло “считаться обоснованно необходимым для предотвращения совершения им правонарушений” в значении подпункта “с” пункта 1 статьи 5, по-

<sup>1</sup>Далее также — Европейский Суд, Суд.

<sup>2</sup>Далее также — Конвенция.

<sup>3</sup>Заявитель страдал от синдрома дефицита внимания и гиперактивности (далее также — СДВГ).

сколь ни внутригосударственные органы власти, ни [В]ласти государства-ответчика не упомянули какое-либо конкретное правонарушение, от совершения которого необходимо было удержать заявителя. Более того, подпункт “с” пункта 1 статьи 5 требует, чтобы заключение, имеющее целью предотвратить совершение лицом правонарушения, было “произведено с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом”, чего не было сделано в отношении заявителя, который был помещен в центр временного содержания на основании судебного постановления, вынесенного в конце производства по его делу” (п. 154 постановления).

Европейский Суд также отметил, что “...поскольку заявитель не был признан виновным в совершении правонарушения в силу недостижения установленного законом возраста наступления уголовной ответственности, его заключение не может расцениваться как “законное заключение под стражу лица, осужденного компетентным судом” (п. 155 постановления).

Суд указал на то, что “...в контексте заключения несовершеннолетних слова “воспитательный надзор” не должны жестко приравниваться к понятиям школьного обучения: применительно к молодым людям, находящимся под надзором местных органов власти, воспитательный надзор должен включать множество аспектов реализации местными властями родительских прав в интересах и для защиты указанных лиц” (п. 166 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...содержание под стражей для осуществления воспитательного надзора согласно подпункту “d” пункта 1 статьи 5 Конвенции должно проходить в надлежащем учреждении, имеющем ресурсы, соответствующие необходимым образовательно-воспитательным целям и требованиям безопасности. Тем не менее помещение в подобное учреждение не обязательно должно быть безотлагательным. Подпункт “d” не исключает применения обеспечительной меры в качестве предварительного условия для режима контролируемого образовательно-воспитательного процесса, которая сама по себе не предполагает контролируемый образовательно-воспитательный процесс. Несмотря на это, в подобных обстоятельствах после применения временной обеспечительной меры следует в короткие сроки ввести режим контролируемого образовательно-воспитательного процесса в специально созданных условиях (открытого или закрытого образовательного учреждения) с использованием ресурсов, достаточных для данной цели” (п. 167 постановления).

Суд также подчеркнул, что “...несовершеннолетнее лицо может быть помещено в подобный центр, пока устанавливается его личность и место проживания, либо на период, необходимый для подготовки его перевода в закрытое образовательное учреждение, либо в случае побега<sup>1</sup>... Тем не менее ни одна из указанных причин не относится к настоящему делу, поскольку помещение заявителя имело “исправительные” цели... [Р]азличные причины помещения несовершеннолетних лиц в центр временного содержания, предусмотренные Законом о несовершеннолетних правонарушителях, свидетельствуют о том, что целью такого помещения является временное размещение до того, как будет найдено постоянное решение, а не для целей воспитательного надзора” (п. 168 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что “...ни один из внутригосударственных судов, рассматривавших постановление о помещении в Центр, не указал, что целью такого размещения было образование. Наоборот, они ссылались на “исправительные цели”, а также необходимость предотвращения совер-

шения им новых правонарушений. При этом ни то, ни другое не является законным основанием, предусмотренным подпунктом “d” пункта 1 статьи 5 Конвенции. Фактически Суд считает, что “исправительные цели” соотносятся с целями уголовного наказания, содержащимися в части 2 статьи 43 Уголовного кодекса, а также в части 2 статьи 87 того же Кодекса для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет... [П]омещение заявителя в центр временного содержания не соответствовало положениям подпункта “d” пункта 1 статьи 5 Конвенции... [Б]ыло допущено нарушение пункта 1 статьи 5” (пп. 171—172 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пп. 1 и 3 ст. 6 Конвенции, на то, что разбирательства, касающиеся его помещения в центр временного содержания, были несправедливыми. В частности, он утверждал, что сотрудники милиции допрашивали его в отсутствие опекуна, адвоката или педагога, а также, что у него не было возможности провести перекрестный допрос свидетелей, дающих показания против него в ходе указанного разбирательства.

Власти Российской Федерации утверждали, что ст. 6 Конвенции неприменима к разбирательствам в настоящем деле. Они настаивали на том, что жалобы должны быть рассмотрены в соответствии с п. 4 ст. 5 Конвенции.

Европейский Суд не согласился с утверждениями Властей о том, что жалобы должны быть рассмотрены в соответствии с п. 4 ст. 5 Конвенции.

Он отметил, что “...поскольку разбирательства в отношении заявителя включали установление вины в совершении преступления, то жалобы заявителя должны быть рассмотрены в контексте более широких гарантий, закрепленных в статье 6 Конвенции, а не в пункте 4 статьи 5... [Суд] не согласен с утверждением [В]ластей, что ситуация заявителя должна рассматриваться так же, как ситуация психически больных подсудимых. В случае с психически больными подсудимыми рассмотрение может привести к их помещению в закрытые учреждения для прохождения лечения и предотвращения совершения ими новых преступлений. В таком случае речь не идет о каких-либо элементах наказания или сдерживания, в отличие от случая заявителя” (п. 181 постановления).

Таким образом, Суд пришел к выводу, что “...производство в отношении заявителя являлось уголовным производством в значении статьи 6 Конвенции” (п. 182 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...поскольку требования пункта 3 статьи 6 должны рассматриваться как частные аспекты права на справедливое судебное разбирательство, гарантированного пунктом 1, он часто рассматривает жалобы на основании обоих положений в их совокупности” (п. 194 постановления).

Суд обратил внимание на то, что “...уголовное судебное разбирательство должно быть организовано таким образом, чтобы были учтены наилучшие интересы ребенка. Крайне важно, чтобы с ребенком, обвиненным в совершении правонарушения, обращались так, чтобы в полной мере учитывать его возраст, уровень зрелости, а также интеллектуальные и эмоциональные способности, и данные шаги должны предприниматься для того, чтобы понять смысл разбирательства и принять в нем участие... Право несовершеннолетнего подсудимого принимать эффективное участие в уголовном производстве по его делу требует, чтобы [В]ласти обращались с ним, в полной мере принимая во внимание его уязвимость и способность с первых этапов его участия в уголовном расследовании и, в частности, при допросе полицией. Власти должны принимать меры, чтобы по мере возможности избавить ребенка от чувства запуганности и подавленности и обеспечить максимально полное понимание им характера

<sup>1</sup>Подпункты 2—4 п. 2 ст. 22 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ “Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних”.

расследования, его последствий, в том числе тяжести наказаний, к которым он может быть приговорен, а также понимание им права на защиту, в частности, права хранить молчание” (п. 195 постановления).

Европейский Суд указал на то, что “[в] свете статуса несовершеннолетнего, в случаях, когда ребенок попадает в сферу системы уголовной юстиции, его процессуальные права должны быть гарантированы, а его вина или невиновность установлены в соответствии с требованиями проведения надлежащей процедуры и принципа законности, с учетом специфики деяния, которое он предположительно совершил. Ни при каких условиях ребенок не может быть лишен важных процессуальных гарантий на том лишь основании, что разбирательства, которые могут привести к лишению его свободы, в соответствии с внутригосударственным правом считаются защищающими его интересы как ребенка и несовершеннолетнего правонарушителя, а не имеющими целью наказать его. Более того, особая забота должна быть проявлена для обеспечения того, чтобы придание ребенку правового статуса несовершеннолетнего правонарушителя не переносило внимание на статус как таковой, с изучения конкретного преступления, в котором его обвиняют, и необходимости предоставлять доказательства его вины в условиях справедливости. Участие ребенка-правонарушителя в рамках системы уголовной юстиции исключительно с точки зрения его статуса несовершеннолетнего правонарушителя, у которого нет юридического определения, не может считаться совместимым с надлежащим судопроизводством и принципом законности” (п. 196 постановления).

В отношении оказания правовой помощи на досудебных стадиях разбирательства Суд подчеркнул “...важность стадии расследования для подготовки разбирательства уголовного дела в суде, поскольку доказательства, полученные в ходе указанной стадии, определяют рамки, в которых будет рассматриваться правонарушение” (п. 198 постановления).

Суд постановил, что “...единственной надлежащей компенсацией повышенной уязвимости обвиняемого на первоначальных этапах допроса полицией может быть помощь адвоката, задачей которого, среди прочего, является содействие в обеспечении соблюдения права обвиняемого не свидетельствовать против себя. Это право фактически предполагает, что сторона обвинения стремится доказать свою версию по уголовному делу против обвиняемого, прибегая к доказательствам, полученным путем подавления и принуждения вопреки воле обвиняемого. Также важно защищать обвиняемого от принуждения со стороны органов власти и вносить вклад в предотвращение неверного отправления правосудия и обеспечения равноправия сторон” (п. 198 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “...заявителю по настоящему делу всего двенадцать лет, когда сотрудники милиции доставили его в отделение милиции и стали допрашивать. То есть он не достиг возраста наступления уголовной ответственности, установленно-го Уголовным кодексом (четырнадцать лет) применительно к преступлению, в котором он обвинялся, а именно, вымогательству... [Е]му было необходимо особое обращение и защита со стороны органов власти... [Л]юбые меры, направленные против него, должны были исходить из его наилучших интересов... [Н]ачиная с момента задержания сотрудниками милиции, ему должны были гарантированы как минимум те же права и гарантии, что и взрослым. Более того, тот факт, что заявитель страдал от СДВГ, психического и неврологическо-поведенческого расстройства... сделал его особенно уязвимым и нуждающимся в особой защите” (п. 203 постановления).

Суд установил, что “...на признаниях заявителя имеется отметка о том, что его информировали о праве не свидетельствовать против себя. Тем не менее документ не содержит указаний на то, что заявитель был информирован о своем праве на участие защитника или иного лица в допросе, или о том, что кто-либо из указанных лиц присутствовал при допросе” (п. 205 постановления).

Суд посчитал, что “...заявитель должен был ощущать себя запуганным и беззащитным во время пребывания в отделении милиции в одиночестве, а также в ходе допроса в незнакомой обстановке. Он... отказался от своих признательных показаний сразу после того, как его дед пришел в отделение милиции, и заявил о своей невиновности... [П]ризнательные показания, сделанные в отсутствие адвоката, были не только использованы против заявителя в ходе разбирательства по вопросу его помещения в центр временного содержания, но и фактически послужили основанием... для того, чтобы внутригосударственные суды установили наличие в его действиях признаков вымогательства, тем самым давая основание для помещения его в центр” (п. 208 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...отсутствие правовой помощи в ходе допроса заявителя сотрудниками милиции непоправимо нарушило права заявителя на защиту и отрицательно сказалось на справедливости всего судебного разбирательства... Следовательно, было допущено нарушение подпункта “с” пункта 3 и пункта 1 статьи 6 Конвенции” (пп. 209—210 постановления).

В отношении права заявителя на вызов и допрос свидетелей Суд отметил, что “...хотя назначенный судом защитник присутствовал на слушании в целях представления интересов заявителя, неясно, в какой момент она была назначена и насколько активно она защищала права заявителя... Власти фактически не приложили никаких усилий для того, чтобы обеспечить присутствие [свидетеля и его матери в суде], хотя Закон “Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних” закрепляет возможность заслушать свидетельские показания, что подтверждается [В]ластями. С учетом того, что заявителю по результатам разбирательств грозило лишение свободы на срок тридцать суток... обеспечение справедливости разбирательства являлось первоочередной задачей районного суда” (п. 214 постановления).

Суд заключил, что “...отсутствовали какие-либо факторы, уравнивающие невозможность для заявителя допросить [свидетеля и его мать] на любом из этапов разбирательства... [З]аявителю не была предоставлена возможность тщательно изучить полученные свидетелем показания свидетелей... [З]аявитель не имел и впоследствии не получил возможности задать им вопросы. Более того, поскольку показания свидетелей, полученные следователем, не были записаны на видео, ни заявитель, ни судья не могли видеть их поведение во время допроса и, соответственно, сформировать собственное мнение о достоверности их показаний... [П]рава заявителя на защиту, в частности, право оспаривать свидетельские показания и допрашивать свидетелей, были ограничены в степени, несовместимой с гарантиями, предоставленными пунктом 1 и подпунктом “d” пункта 3 статьи 6 Конвенции” (пп. 215—216 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...несовершеннолетние лица, чье когнитивное и эмоциональное развитие в любом случае требует особого внимания, и, в частности, малолетние дети, не достигшие возраста наступления уголовной ответственности, заслуживают поддержки и помощи для защиты их прав при применении к ним принудительных мер, даже

если они применяются под видом воспитательных мер... [Д]ля защиты наилучших интересов и благополучия ребенка должны применяться надлежащие процессуальные гарантии, особенно когда речь идет о свободе ребенка. Иной подход поставит детей в менее выгодное положение, чем взрослых в той же ситуации. В данной связи детям-инвалидам могут потребоваться дополнительные гарантии для обеспечения достаточной защиты... [Э]то не означает, что дети должны проходить полноценное уголовное разбирательство, их права должны быть защищены и обеспечены в адаптированных к возрасту условиях, соответствующих международным стандартам, в частности Конвенции о правах ребенка... [З]аявителю не было обеспечено справедливое судебное разбирательство в рамках производства, приведшего к его помещению в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей в нарушение пункта 1 и подпунктов “с” и “d” пункта 3 статьи 6 Конвенции” (пп. 219—220 постановления).

## Вопросы административного выдворения

### Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека<sup>1</sup>

**Сообщение:** *И. против Канады.* Сообщение № 2327/2014. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 10 марта 2016 г.

**Тема сообщения:** выдворение в Бангладеш.

**Вопрос существа:** произвольное задержание; дискриминация; недопустимость принудительного возвращения; статус беженца; право на жизнь; пытки.

**Правовые позиции Комитета.** Комитет ссылается на п. 12 своего [З]амечания общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участников Пакта, в котором он указывает на обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозмездимого вреда, такого как предусмотренный в ст.ст. 6 и 7 Пакта. Комитет отметил... что опасность должна существовать лично для человека<sup>2</sup> и что существует высокий порог для представления серьезных оснований для определения существования реальной опасности причинения непоправимого вреда. Таким образом, должны быть приняты во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, включая общее положение дел в области прав человека в стране происхождения автора<sup>3</sup>. Комитет напоминает, что за рассмотрение фактов и доказательств по делу для определения такой опасности, как правило, отвечают органы госу-

дарств-участников, если только не может быть установлено, что такая оценка носит произвольный характер, явно содержит ошибку или представляет собой отказ в правосудии<sup>4</sup> (п. 10.3 Соображений).

**Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела.** Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что ей будет угрожать жестокое обращение или смерть в случае ее высылки в Бангладеш из-за угроз со стороны С., чей друг и двоюродный брат убили ее собственного брата. Комитет также принимает к сведению замечания государства-участника о том, что автору не удалось убедить внутренние директивные органы в том, что она лично была объектом преследования или может им стать в случае ее возвращения в Бангладеш. Комитет... принимает к сведению замечание государства-участника о том, что в функции Комитета не входит пересмотр оценки достоверности, сделанной внутренними директивными органами (п. 10.2 Соображений).

Комитет принимает к сведению тот факт, что власти государства-участника после рассмотрения доказательств и устных показаний, представленных автором в ее ходатайстве о предоставлении статуса беженца и ходатайстве о проведении оценки риска перед высылкой (далее — ОРПВ), а также доказательств, касающихся положения в области прав человека в Бангладеш, пришли к выводу, что автор не доказала, что ей будет угрожать опасность в случае ее возвращения в Бангладеш. Отдел по защите беженцев постановил, что ее сведения относительно угроз, предположительно сделанных ей и ее матери после убийства ее брата, не заслуживают доверия; что в заявлениях других лиц, представленных ей для подтверждения того, что ей угрожали, она не упоминается; что она не представила никаких доказательств в поддержку своих заявлений о том, что у преследователей, якобы убивших ее брата, имеются влиятельные связи в судебных органах и в политической сфере; что отсутствуют доказательства того, что какие-либо лица использовали свои связи для того, чтобы повлиять на результаты судебного разбирательства по делу об этом убийстве или на последовавшее обжалование решения суда; и что ее утверждение о том, что власти Бангладеш не могут или не желают защитить ее от предполагаемых угроз, не подкреплено доказательствами. Комитет... отмечает, что, в частности, автор утверждает, что ее супруг и дети скрываются, но при этом она не ответила на замечание государства-участника о том, что несколько членов ее семьи, в том числе ее супруг, четверо из их пятерых детей и многочисленные тети, дяди и двоюродные братья и сестры, проживают в Бангладеш, и что нет информации о том, что кому-либо из них может быть причинен вред от предполагаемых убийц брата автора. Принимая к сведению доклады, на которые ссылается автор в связи с коррупцией в Бангладеш, Комитет отмечает замечание государства-участника о том, что его директивными органами было установлено, что коррупция в Бангладеш “процветает”, но при этом был сделан вывод о том, что нет достоверных доказательств, подтверждающих наличие опасности, угрожающей лично автору. Комитет считает, что утверждения автора, представленные властям государства-участника, были тщательно изучены Отделом по защите беженцев и сотрудником, занимающимся оценкой риска до высылки (п. 10.4 Соображений).

<sup>1</sup> Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее — Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства — продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

<sup>2</sup> См., в частности, сообщение № 2393/2014, *К. против Дании*, Соображения, принятые 16 июля 2015 г., п. 7.3, и сообщение № 2272/2013, *П. Т. против Дании*, Соображения, принятые 1 апреля 2015 г., п. 7.2.

<sup>3</sup> См. *Х. против Дании*, п. 9.2; и сообщение № 1833/2008, *Х. против Швеции*, Соображения, принятые 1 ноября 2011 г., п. 5.18.

<sup>4</sup> См., в частности, *К. против Дании*, п. 7.4.

Отмечая серьезность диагностированных у автора посттравматического стрессового расстройства, депрессии и тревожного состояния, Комитет считает, что само по себе состояние здоровья автора, с учетом обстоятельств данного дела, недостаточно для обоснования опасности, которая, как утверждает автор, грозит ей в случае ее высылки в Бангладеш<sup>1</sup>. Хотя автор утверждает, что она не имела надлежащей возможности оспорить существо решения Отдела по защите беженцев в Федеральном суде, она не приводит конкретного основания для ее ходатайства о разрешении на проведение судебного пересмотра и не комментирует замечание государства-участника о том, что такие ходатайства одобряются в тех случаях, когда имеются “достаточные основания” или “вопрос, требующий внимательного изучения”<sup>2</sup> (п. 10.5 Соображений).

Комитет отмечает, что автор не выявила никаких нарушений в процессе принятия решения или каких-либо факторов риска, которые не были надлежащим образом учтены властями государства-участника. Комитет считает, что, хотя автор не согласна с фактологическими выводами властей государства-участника, она не доказала, что они были произвольными или явно ошибочными или представляли собой отказ в правосудии. В свете вышеизложенного Комитет не может сделать вывод о том, что имеющаяся в его распоряжении информация свидетельствует о том, что есть серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения автору непоправимого вреда, как это предусмотрено в п. 1 ст. 6 и в ст. 7 Пакта<sup>3</sup>. Настоящее решение принимается без ущерба для итогов рассмотрения ходатайства автора о предоставлении постоянного вида на жительство по соображениям гуманности и сострадания (п. 10.6 Соображений).

**Вывод Комитета.** Высылка автора в Бангладеш не будет представлять собой нарушения ее прав, предусмотренных п. 1 ст. 6 или ст. 7 Пакта (п. 11 Соображений).

**Сообщение:** *Абдилафир Абубакар Али и Маюл Али Мохаммад против Дании.* Сообщение № 2409/2014. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 29 марта 2016 г.

**Тема сообщения:** выдворение в Италию.

**Вопрос существа:** пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание.

**Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела.** Комитет принимает к сведению утверждения авторов о том, что депортация их самих и их двоих несовершеннолетних детей в Италию в соответствии с содержащимся в Дублинском регламенте принципом “первой страны, предоставившей убежище” подвергнет их реальной опасности причинения непоправимого вреда в нарушение ст. 7 Пакта. Авторы основывают свои доводы, в частности, на том, как с ними на практике обращались после получения ими разрешения на проживание в Италии, а также на отмеченных в различных докладах общих условиях приема про-

сителей убежища и беженцев, прибывающих в Италию (п. 7.2 Соображений).

Комитет отмечает, что авторы в соответствии с их собственными неопровергнутыми утверждениями жили в приемном центре в период с июня 2011 г. по январь 2012 г., когда им было предложено выехать без предоставления альтернативного жилья, одновременно с рождением их сына 21 декабря 2011 г. Впоследствии они жили на улицах и на вокзалах и питались тем, что предоставляли церкви. Таким образом, они остались без крыши над головой и без средств к существованию. Комитет... отмечает утверждения авторов о том, что их новорожденный сын не получил медицинской помощи, которая была ему необходима при рождении, несмотря на запросы, направленные в компетентные органы. Опасаясь того, что они будут не в состоянии обеспечить своего ребенка и найти гуманитарное решение их ситуации, авторы покинули Италию и направились в Данию, где в июне 2012 г. они подали ходатайство о предоставлении убежища. Авторы — просители убежища с двумя несовершеннолетними детьми — в настоящее время находятся в крайне уязвимом положении (п. 7.4 Соображений).

Комитет принимает к сведению представленные авторами доклады, в которых засвидетельствован дефицит мест в итальянских центрах приема просителей убежища и лиц, возвращаемых согласно Дублинскому регламенту. Комитет отмечает, в частности, утверждение авторов о том, что возвращаемые лица, которым уже была предоставлена форма защиты и которые воспользовались услугами приемных центров в Италии, как и они сами, на практике не имеют права на проживание в центрах для просителей убежища<sup>4</sup> (п. 7.5 Соображений).

Комитет принимает к сведению вывод Комиссии по рассмотрению апелляций беженцев о том, что в рамках данного дела Италию следует рассматривать в качестве первой страны, предоставившей убежище, а также позицию государства-участника, согласно которой первая страна, предоставившая убежище, обязана обеспечивать просителям убежища осуществление основных прав человека, хотя она не обязана обеспечивать для таких лиц такие же социальные стандарты и условия жизни, как для граждан страны. Он... отмечает, что государство-участник сослалось на решение Европейского [С]уда по правам человека, в котором сказано, что, хотя положение в Италии характеризуется определенными недостатками, доказательств того, что “просителям убежища систематически не обеспечиваются поддержка и надлежащие условия”, представлено не было<sup>5</sup> (п. 7.6 Соображений).

Комитет считает, что в выводе государства-участника не учтена должным образом представленная авторами информация, основанная на их собственном опыте, согласно которой, несмотря на выданное им разрешение на проживание в Италии, они столкнулись там с невыносимыми условиями жизни... Комитет отмечает, что государство-участник не объясняет, каким образом в случае возвращения в Италию полученные разрешения на проживание смогут реально защищать их самих и их двоих несовершеннолетних детей, один из которых нуждается в последующем на-

<sup>1</sup>См. сообщение № 2049/2011, 3. *против Австралии*, Соображения, принятые 18 июля 2014 г., пп. 9.4 и 9.5; *Линь против Австралии*, пп. 2.3 и 9.4; и сообщения № 1315/2004, *Сингх против Канады*, Решение о неприемлемости, принятое 30 марта 2006 г., примечание 1 и п. 6.3; и № 1897/2009, *С.И.Л. против Австралии*, Решение о неприемлемости, принятое 24 июля 2013 г., п. 8.4.

<sup>2</sup>См. *Х. против Канады*, п. 9.5.

<sup>3</sup>См. п. 12 Замечания общего порядка № 31.

<sup>4</sup>См. [www.asylumineurope.org/sites/default/files/report-download/aida\\_italy\\_thirdupdate\\_final\\_0.pdf](http://www.asylumineurope.org/sites/default/files/report-download/aida_italy_thirdupdate_final_0.pdf).

<sup>5</sup>См. *Самсам Мохаммед Хуссейн и др. против Нидерландов и Италии*, п. 78.

блюденнии врачей, от исключительных трудностей и лишений, с которыми они уже сталкивались в Италии<sup>1</sup> (п. 7.7 Соображений).

[Г]осударства-участники должны придавать достаточное значение реальной и личной угрозе, которой лицо может подвергнуться в случае депортации<sup>2</sup>, и государство-участник было обязано провести более тщательную оценку той угрозы, которой лично авторы могли подвергнуться в Италии, а не полагаться на доклады общего характера и на предположение о том, что поскольку в прошлом им уже была предоставлена дополнительная защита, то, значит, в принципе, они будут иметь право на дополнительную защиту и теперь. Комитет считает, что государство-участник не приняло во внимание должным образом особую уязвимость авторов, которые, несмотря на их право на дополнительную защиту, остаются без крыши над головой и не в состоянии обеспечить себя в отсутствие какой-либо помощи со стороны итальянских властей, включая медицинскую помощь, необходимую для их новорожденного сына. Оно также не за-

просило у итальянских властей надлежащих гарантий того, что авторы и их двое несовершеннолетних детей будут приняты в условиях, совместимых с их статусом просителей убежища, которые имеют право на временную защиту, и гарантии по ст. 7 Пакта; оно не обратилось к Италии с просьбой гарантировать: а) повторную выдачу или продление их разрешений на проживание<sup>3</sup> и выдачу разрешений на проживание их детям, а также не депортировать их из Италии; и б) принять авторов и их детей в условиях, адаптированных к возрасту детей и уязвимому положению семьи, что позволило бы им остаться в Италии<sup>4</sup> (п. 7.8 Соображений).

**Вывод Комитета.** Депортация авторов и их двоих детей в Италию будет представлять собой нарушение их прав, предусмотренных ст. 7 Пакта (п. 8 Соображений).

*(Обзор утвержден Президиумом  
Верховного Суда Российской Федерации  
16 февраля 2017 г.)*  
(Окончание в следующем номере)

<sup>1</sup>См. сообщение № 2360/2014, *Варда Осман Йасин против Дании*, Соображения, принятые 22 июля 2015 г., п. 8.8.

<sup>2</sup>См., например, сообщение № 1763/2008, *Пиллаи против Канады*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., пп. 11.2 и 11.4.

<sup>3</sup>Принимая во внимание утверждение авторов о том, что они потеряли свои разрешения на проживание.

<sup>4</sup>См. сообщение № 2360/2014, *Варда Осман Йасин против Дании*, Соображения, принятые 22 июля 2015 г., п. 8.9.

---

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Серков П.П.** (главный редактор), **Борисова Е.Е., Горшков В.В., Давыдов В.А., Журавлева Е.М., Момотов В.В., Нечаев В.И., Петрова Т.А., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В., Свириденко О.М., Хаменков В.Б., Харламов А.С., Хомчик В.В., Шилохвост О.Ю.**

---

Государственное учреждение —  
издательство «Юридическая литература»

Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.  
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться  
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: [Yurizdat@gov.ru](mailto:Yurizdat@gov.ru)  
<http://www.jurizdat.ru>

---

Подписано в печать 09.02.2018.  
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 8,38. Тираж 8295 экз. Заказ 0022-2018.

---

Отпечатано в ООО «СИНТЕРИЯ».  
109383, г. Москва, Батюнинский пр., д. 6, стр. 1.  
Телефон: 495-636-27-08.  
E-mail: [e.moiseeva@sinteria.ru](mailto:e.moiseeva@sinteria.ru)

---